

Волга

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

11-12 (513)

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Сергей Стратановский. «Лета-Нева за окном...» и др. стихи.....	3
Денис Бондарев. Маданга. Рассказ.....	5
Вадим Ярмолинец. Полтавская мышка. Рассказ.....	13
Кот Мандельштам. Мандельштам-реинкарнация. Публикатор <i>Наталья Азарова</i>	16
Олег Дозморov. «Вначале спорили, шумели...» и др. стихи.....	31
Михаил Бару. Между водой и небом. Рассказы.....	37
Дарья Мезенцева. «Аргонавт» и др. стихи.....	62
Даниил Бендицкий. В столбик с красной строки. Рассказ.....	72
Валентина Фехнер. На языке катастрофы. Стихи.....	77
Андрей Ломовцев. We will, we will rock you. Рассказ.....	83
Владимир Морозов. Приглашение к путешествию. Стихи.....	91

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Феликс Фихман. Сны о России. <i>Из архива Э. Э. Гера. Публикацию подготовил Г. Г. Лукомников</i>	97
«Интонация является сутью живого». <i>Беседа Дмитрия Авалиани с Лилией Патриковой (при участии Ольги Иорданской-старшей). Расшифровка магнитозаписи и редакция Германа Лукомникова</i>	124

ПЕРЕВОД

Храмовые гимны Энхедуанны

<i>Перевод, предисловие, комментарии Татьяны Бонч-Осмоловской</i>	137
---	-----

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Запятая – 32. В русском жанре – 92.....	167
--	-----

NON-FICTION

Ирина Чайковская. О красоте.....	172
---	-----

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Герман Лукомников. Друзья-враги

<i>Беседа с Максимом Якубсоном 28 августа 2021 года с позднейшим письменным дополнением. К выходу книги: Бредаисты Санкт-Петербурга: Дима Тимченко и Саша Попов</i>	183
---	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Александр Марков, Оксана Штайн. «Прерывистая повесть о коммунальной квартире» Елены Шварц: опыт истолкования.....	205
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Анна Сафронова. Продолжая разговор

<i>О кн.: Сергей Костырко. Образ жизни: эссеистская проза</i>	212
---	-----

Ольга Балла-Гертман. Задевая пламя

<i>О кн.: Игорь Поглазов. Я ни о чём не жалею: Стихи</i>	214
--	-----

Андрей Пермяков. Смутный объект революций

<i>О кн.: Алексей Радov. Не себе</i>	219
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2024 ГОД.....	224
-------------------------------------	-----

Сергей СТРАТАНОВСКИЙ

*Впрочем, нам и не надо
Уезжать никуда.
Вон у Летнего сада
Розовеет вода.*

Александр Кушнер

Лета-Нева за окном,

сад всем известный, ограда

Тоже известная...

И розовеет вода...

Как там, у Кушнера: жизнь удалась и не надо

Уезжать никуда.

2018

Райский трамвайчик, скользящий по ярусам Рая...
Ветви вязов – в окно и сиреневый воздух – в окно,
Ветер счастливый ...

Но рельсы-то близко от края

Щели хищной, что мигом проглотит

Если с рельс ненароком трамвайчик съедет.

2018

В мебели уже ветхой

существование посмертное

Шума листьев безбрежного,

шума берез заонежских,

Сергей Стратановский родился в 1944 году в Ленинграде. Окончил филологический факультет Ленинградского университета, работал экскурсоводом в музее Пушкина, в Эрмитаже, затем библиографом в Публичной библиотеке. Редактор (совместно с К.Бутыриным) самиздатского журнала «Обводный канал» (1981–1993). Лауреат многих премий (в том числе премии Андрея Белого и итальянской премии Кардуччи). Книги Стратановского переводились на английский, болгарский, голландский, иврит, итальянский, литовский, немецкий, польский, финский, французский, чеченский, шведский и эстонский языки. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Арион» и др. В «Волге» публикуется с 1991 года. Живет в Санкт-Петербурге.

но в мебели старой, усталой,

2018

* * *

За стеной Покрова Богородицы церкви.

Белый плат расстелет...

Над полигоном, что ли?

2018

Его за каштанами-то и не видать совсем.

НИКОМУ ОН СЕГОДНЯ НЕ НУЖЕН.

Не из военных ведь вроде...

От такого как он —

И без оружия дяди.

2018

МАДАНГА

Рассказ

Уже третью неделю с зубом было что-то не так. К ночи он начинал болеть так сильно, что об этом не получалось забыть ни на секунду. Десну ритмично простреливало, и эти разряды уходили вверх, через пазухи до самого черепа. Сон из-за этого был рваным, и состоял скорее из серии коротких дрем и пробуждений, которые никак не складывались в нормальный отдых. Днем было легче, хотя память о боли во рту сохранялась постоянно. Все усложняло еще и то, что этот передний резец сидел в десне крепко, как будто ничего особенного с ним не происходило, поэтому просто вырвать его Лохма все никак не решался.

Подойдя к синему автомобилю, он одним ударом тяжелого ботинка снес боковое зеркало. Оно отлетело метра на три и заплесало на тротуаре, крутясь и подпрыгивая. Отломав от сложного устройства часть, Лохма пошел вслед за зеркалом, остановил ногой пластиковый корпус и взял его в руку. Пальцы мужчины покрывала черная сетка забитых грязью трещинок.

Он натянул рукав плотной куртки на ладонь и стал вдавливать ей зеркало. Оно быстро поддавалось, хрустнуло и накренилось внутри своей рамки, Лохма двумя пальцами вытащил стекляшку и стал протирать разводы на нем. Закончив чистку, он поднес зеркало к лицу.

В отражении показались два широко раскрытых удивленных глаза. Кожа человека была коричневатая от солнца и огрубевшая, черные волосы и щетина прятали почти все лицо. На макушке его косматая прическа была собрана в пучок, стянутый салатовой резинкой, и со стороны казалось, будто черный матерчатый кит наполовину занырнул в его голову и на прощание машет хвостом с зеленым кругом на нем.

Лохма резко развел губы. Наивность в выражении его лица сменилась изумлением, как будто он на вагонетке полетел вниз по американским горкам. Состроив такую рожу, он приблизил зеркало к зубам и стал их рассматривать.

Зубы были плохими – бледно-коричневого цвета, с широкими, неровными промежутками, двух не хватало. Человек повернул голову, и в отражении показалась правая сторона его челюсти. Десна сверху над одним из резцов опухла, была заметна жилка кровотечения. Он пощупал это место пальцем.

«Болеет. Щербато, – подумал Лохма. – Нот гуд».

Лохма опустил руку с зеркалом. Перед ним была широкая восьмиполосная дорога, вся покрытая маленькими горками земли, которую нанесло ветром. Справа тротуар упирался в линию домов. Человек поднял голову и провел взглядом по окнам. Лица, которые мерещились ему в последнее особенно часто, не было, но волна тревожности все равно прошла по телу.

– Лохма! – крикнул человек, выглядывая из разбитой витрины метрах в двадцати спереди, его короткие, криво обрезанные волосы шевелил ветер. – Давай сюда, есть поживиться!

Мужчина в витрине высунул наружу руку, в которой была отломанная голова манекена, и озорно рассмеялся.

Денис Бондарев родился в 1987 году в Польше. Окончил магистратуру «Литературное мастерство» в ВШЭ. Работал журналистом, штатно и внештатно сотрудничал с независимыми изданиями – «Сноб», The Village, «Афиша», «Нож» и др., публиковался в «Новом мире». Предыдущая публикация в «Волге» – рассказы (2024, №7-8).

Лохма еще раз потрогал рот через губу, сплюнул к своим кожаным ботинкам, и посмотрел на стену справа от себя. Прицелившись, он метнул зеркало в сторону вензельных букв на фасаде, которые складывались в надпись «РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО». Стекло ударилась о кирпичную стену и разлетелась на осколки. Посмотрев, как блестящие на солнце куски зеркала запрыгали по тротуарной плитке, Лохма двинулся к витрине, из которой его только что позвали.

До заката было пара часов, темнота приближалась, поэтому надо было спешить.

Окна домов вокруг были покрыты серым налетом грязи, и, приглядевшись, в этих разводах можно было рассмотреть корявые рисунки: морду коровы, кривой вопросительный знак, лист крапивы или какого угодно монстра. Штукатурка на разноцветных фасадах местами была расчерчена трещинами. Лохме представилось, что дорога, тротуар и дома по обе стороны улицы вместе образуют колею, виляющую по телу города. Множество таких извилин бесчисленное количество раз переплетались, упирались и перетекали друг в друга, образуя подобие коры головного мозга города. Думать о пространстве вокруг, представлять его, в последнее время ему было проще всего, другие мысли приходили в голову как будто бы с трудом.

Лохма подошел к пустой глазнице витрины.

– Гляди, пень, – второй человек стоял посреди магазина, держа руками манекен и раз за разом притягивая его зад к себе. Рот его был раскрыт, глаза выпучены. – Гляди, гляди, что делаю.

– Сворачивай уже это, – Лохма отвел взгляд, как будто ему было скучно наблюдать за такой интимностью, – жратвы бы. Гоу надо, тайм.

После паузы он добавил:

– Болеет, – вздохнул и указал пальцем на больную десну.

Второй мужчина, когда его выступление не получило поддержки, посерьезнел, перестал жать к манекену, отпустил его, и пластиковое тело с глухим звуком стукнулось об пол.

– Бестолков ты. Ни веселья, ни любви в тебе, одна разлуха.

Опустив руку к стоявшему у его ног здоровенному походному рюкзаку, он вытащил пристегнутую сбоку резиновую дубинку. Крутя ею в руке, он неспешно пошел мимо столов с кучами одежды в сторону касс. Раскрыл пару шкафчиков, заглянул внутрь, ничего не нашел. Еще одна оказалась закрыта, тогда он взмахнул дубинкой и опустил ее на матовую белую поверхность. Дверца сразу поддалась. Он доломал ее ногой, заглянул внутрь, особо не рассчитывая там что-то найти, вывалил на пол пару стопок бумаги и пошел обратно в зал магазина.

На рамку витрины рядом с Лохмой села крупная синица с желточными боками. Мужчина и птичка переглянулись, и после быстрого обмена взглядами та порхнула в помещение. Лохма полез вслед за ней. Оказавшись внутри, он сказал:

– Тихон, хватит, идем.

Начав погром магазина с касс, Тихон уже разгорячился и теперь бил дубинкой по всему, что оказывалось под рукой: по столам с бельем и пижамками, по ногам женских манекенов, по лампам, свисавшим на длинных глянцевых черных проводах с потолка. Осколки и обломки всего подряд летели во все стороны. Когда Лохма его окликнул, Тихон обернулся, лицо его было возбужденным и яростным. Казалось, еще секунда, и он что есть сил метнет дубинку в товарища.

Лохма спокойно сказал:

– Пиво.

Напряжение в теле Тихона сразу спало, гримаса на лице расправилась.

– Пииво, – протянул он.

– Ну вот, – сказал Лохма и развернулся в витрине в сторону улицы.

– И таранка, таранка! – крикнул Тихон, запрыгнул на ближайший стол, перепрыгнул на соседний, двигаясь к выходу наружу и продолжая выкрикивать: – Таранка мне, таранка две!

На улице они пошли вниз по широкому тротуару. Он был похож на огромную песочницу, в которую вывалили ящик с детскими игрушками: сбоку на каменной плитке лежал знак «парковка запрещена», рядом на крайней правой полосе дороги стояла сгоревшая машина, чуть дальше – еще одна, перед летней верандой валялись обломки стульев, еще дальше – металлическая рамка с наполовину выбитым пластиком, на остатке которого разноцветные линии складывались в часть схемы метро. Дополняли картину запустения холмики собравшегося повсюду грунта, а у стыка тротуара и фасадов зданий из них росли тонкие кустики.

У будки со шлагбаумом впереди стоял большой тонированный автомобиль с открытой передней дверью. Там же начинался более резкий спуск дороги. Слева был парк, в начале которого, как пузатый охранник, расположился памятник, похожий на старинную приземистую башню. На его сером куполе высился православный крест с округлыми контурами.

Мужчины шли на небольшом удалении друг от друга, Тихон спереди, Лохма сзади. На спинах у них были походные рюкзаки, к которым крепились инструменты: небольшой топорик, туристические палки, деревянный клин, молоток, резиновая дубинка. Сбоку у каждого торчало по бутылке с коричневатым напитком и выцветшей этикеткой «Квас». Из кармана Лохмы выглядывала губная гармошка, у Тихона на подвесе в центре рюкзака болтались золотые наручные часы. Они шли не спеша, давая своим телам прогреться на непривычно теплом апрельском солнце.

Тихон вдруг резко развернулся, показывая товарищу свою ехидную улыбку:

– Когда заберем, можно в тепло. Навсегда. – Он остановился, чтобы Лохма подошел ближе. – Главное, чтоб на месте было.

Лохма, особо не реагируя, прошел мимо.

– Сперва найдем, потом радоваться, – ответил он.

Дойдя до шлагбаума, они повернули на узкую улицу вправо. Машин здесь стояло больше. В основном они были ровно припаркованы вдоль дороги и не выглядели брошенными, как на проспекте до этого, но у многих были выбиты окна.

Сняв с рюкзака топор, Тихон стал подходить к автомобилям с закрытыми багажниками и колотить по ним, поддевать металл острием, дергать рукой. Некоторые быстро поддавались, некоторые сопротивлялись дольше. Он проверял открывшиеся отсеки, ругался себе под нос и двигался дальше.

Лохма шел с опаской поглядывая на пыльные окна домов. Лиц не было, но ему казалось, что вот-вот в одном из окон появятся любопытные, внимательные глаза. А потом они будут повсюду. Все они станут смотреть и смотреть на него, смотреть и смотреть.

Возле очередного раскрытого багажника Тихон радостно заорал, скинул с плеч рюкзак, откинул его верхний клапан, стал хватать из багажника банки консервов и перекидывать в основной отсек.

Крик отвлек Лохму от окон, он сразу понял, что произошло, и побежал к Тихону. Услышав шаги подбегающего товарища, Тихон резко развернулся, раскрыл рот, показывая крупные зубы, и – то ли разозлившись, то ли испугавшись – воинственно зарычал.

Лохма приближался, когда между ними оставался метр. Тихон поднял колено к груди, резко выкинул ногу вперед и мощно ударил друга стопой в грудь.

Их отбросило в разные стороны: Тихон попятился по инерции от движения Лохмы, Лохма же сразу опрокинулся назад и отлетел, упав спиной на рюкзак.

Напряжение спало. Тихон сам удивился тому, что произошло, в глазах его появилась растерянность. Лохма же так сильно задохнулся от удара, что, казалось, через его рот пытается выбраться наружу небольшое животное, руки судорожно пытались нащупать что-то на груди.

– Пошел прочь, галима абьюза, – проглотив накатившее волнение, сказал Тихон, – хочешь жарать – ищи сам.

Лохма вылез из лямок рюкзака, перевернулся на бок, подтянул ноги к животу и продолжал пытаться откусить немного воздуха.

– Болеет, – детским голосом, еле слышно, сказал он.

– Уйдет, – сухо ответил ему товарищ.

Тихон закинул оставшиеся металлические банки консервов в рюкзак. Одну он поставил на капот соседней машины, снял висевший на поясе нож, воткнул в металлическую крышку и вскрыл ее. Насаживая куски мяса на лезвие, он стал перекидывать их себе в рот. Закончив с первой банкой, он вынул из рюкзака еще одну, открыл и ее. Съев половину, он отер нож, убрал его обратно, поднял жестянку в сторону Лохмы, как бы ловя его внимание, и сказал:

– Ешь еду, – со стуком опустил банку обратно на капот, поднял рюкзак и медленно пошел вперед.

Лохма приходил в себя. Сначала он с хрипами встал на карачки, потом поднялся на ноги и, сгорбившись, пошел к машине. Там мужчина взял в руку банку, стал вытряхивать куски тушенки себе на ладонь и один за другим хватать их ртом. Когда мясо закончилось, он бросил жестянку, и та со звоном ударила о металлическую табличку с надписью «Ильинка», торчавшую из-под колеса автомобиля. Лохма пошел вслед за Тихоном, который был уже метрах в пятидесяти спереди.

Опускающееся к горизонту солнце было в центре просвета между крышами домов, ровно над разделительной полосой дороги. Свет прозрачным платком ложился на Лохму и Тихона. Казалось, что от такого весеннего солнца все должно начинать шевелиться, подниматься, дышать, но город вокруг был застывший, окончательно окаменевший. Тела машин, немой фонтан, неподвижная створка раскрытого окна на третьем этаже. Только двое мужчин двигались по дну желоба улицы, стекая по нему к огромной площади.

Стена с массивными кирпичными зубцами разделяла вид перед ними на две полосы – красную кирпичную снизу и голубую небесную сверху.

Тихон остановился на углу улицы, по которой они шли – перед ним была просторная, покрытая брусчаткой площадь. Башни-стражники циклопическими циферблатами часов следили за происходившим у красных стен.

– Маданга, – вполголоса сказал Тихон, когда к нему подошел Лохма.

– Воистину, – также тихо подтвердил Лохма.

Справа и слева площадь упиралась в два красных храма – один с пестрыми, разноцветными спиралями на куполах, другой из богатого темно-бордового кирпича и с двуглавыми птицами на шпилях. Две из девяти цветастых, праздничных башен храма слева были обгоревшие, на одной из них купол обвалился внутрь. Соединявшая пространство между красными зданиями стена с зубцами в паре мест была черной, обгоревшей. Из-за нее выглядывали верхушки бледных строений торжественного вида. На спуске слева стояла брошенная военная машина. Оба мужчины замерли перед открывшимся им видом.

У стены в центре площади стояла приземистая пирамида с отсеченной верхушкой. Сбоку от нее – спортивная трибуна с пластиковыми стульями трех цветов: синего, белого, красного. Часть стульев была выбита, а сама конструкция сильно выделялась на фоне торжественных строений вокруг, была чужеродной всему окружению.

Часы на высокой башне прямо напротив Тихона и Лохмы остановились на без пятнадцати двенадцать.

– Страшно, – сказал Лохма.

– Хуже, – ответил Тихон, – давай быстрее лучше.

Они шагнули на брусчатку и пошли влево, в сторону пестрого храма. Лохма повернул голову на дом сбоку и мгновенно почувствовал, какими мощными стали удары его сердца, что на коже повсюду появились покалывающие ощущения, как за волной жара последовал озноб. Из окон особняка слева на него смотрели лица, множество серых, полупрозрачных людей, и с каждой се-

кундой их становилось все больше. Взгляд Лохмы зацепился за ребенка, мальчика лет десяти, который плотно прижался щекой к стеклу на втором этаже. Была видна только левая часть его лица, он смотрел на Лохму лишь одним скошенным вбок глазом. Лохма отвел взгляд и – как и всегда в таких случаях – подумал, что сделал это слишком поздно. Стараясь полностью сосредоточиться на одной точке на рюкзаке Тихона, он шел, замечая, как внутри него гигантским парусом развевается тревога и постепенно полностью захлестывает его.

Тихон подошел к пестрому храму, поднялся по ступенькам к калитке ограды и двинулся сквозь нее к массивной, обитой кованым железом черной двери, обернулся на Лохму и шепотом сказал: – Давай уже, давай.

В храме было темно, только где-то в дальнем помещении через узкие окна лился солнечный свет. Тихон аккуратными шагами, ощупывая ногами пространство перед собой, пошел вперед. Когда глаза привыкли к темноте, стали различимы узоры цветов на стенах, фигурные своды потолка, очертания большого кованого саркофага в углу помещения. Тихон осмотрелся и двинулся дальше.

В следующем зале было темнее. Тихон и Лохма повернули за угол и оказались в лабиринте узких коридоров храма. Раз за разом оказываясь не в том месте, которое нужно, они разворачивались и, держась рукой за стену, снова наугад двигались по темному коридору.

Наконец Тихон нашел нужный проход и шагнул на узкую винтовую лестницу. Развернувшись к Лохме, он взял его за куртку и увлек за собой по ступеням вверх.

Когда они поднялись на второй этаж, там все уже было хорошо видно – в кирпичной кладке на потолке кругом располагались окна, и падавший из них свет делал помещение понятным. Сверху же, из центра свода, на длинном подвесе спускалась раскидистая люстра, похожая на подобравшего щупальца гигантского осьминога.

Слева от лестницы стеной стояла массивная деревянная ширма, уходившая к самому потолку. В ней несколькими ярусами, как в окнах, располагались картины – в основном образы с нимбами и сюжеты из жизни святых. Дерево вокруг изображений было повреждено, местами в нем торчали гнутые гвозди, которые когда-то крепили обрамление картин.

Стены зала покрывали яркие вензельные узоры, где-то виднелись надписи из вязи переплетающихся букв, отдельные ниши были окрашены алым. В дальнем углу помещения стоял стол, больше напоминавший сундук, на нем – макет храма, внутри которого Тихон с Лохмой и были сейчас. На стене рядом витиеватыми буквами было написано: «Царю и самодержцу Всея Руси». Тихон подошел к макету и сказал:

– Здесь.

Он снял рюкзак, вытащил топор, опустился на колени и начал ощупывать дубовый бок стола рукой. Через пару секунд он нашел незаметный шов, по которому соединялись две тайные боковые дверцы. Размахнувшись, он опустил обух топора на это место. После трех ударов скреплявший створки врезанный замок сдался. Тихон открыл дверцы и тихо вскрикнул:

– Здесь! Здесь!

Лохма, стоявший у него за спиной, тоже присел, и оба начали вытаскивать из шкафа иконы с тусклыми ликами. Часть золотых рам была скреплена между собой и сложена книжкой, всего их было десятка полтора. Когда все иконы легли на пол, руки мужчин растащили их на две кучи, оба достали ножи и длинными движениями стали прорезать ткань. Четыре движения и прямоугольный оклад становился свободен от сердцевины ткани. Из-под лезвий сыпалась мелкая крошка мелового грунта картин.

Мужчины достали из рюкзаков длинные тряпки и стали обматывать освободившиеся от полотен золотые рамы. Быстро закончив работу, они раскрыли свои рюкзаки и стали бережно укладывать внутрь добычу. Часть влезла, остальные закрепили на рюкзаках снаружи. Закончив, Лохма и Тихон спешно двинулись обратно к лестнице.

Назад они прошли тем же путем, только лабиринт на этот раз не пытался их запутать, а легко дал пройти сквозь себя самым коротким путем. Через комнату с прямоугольным саркофагом они снова вышли на крыльцо.

На улице с обоих резко спало напряжение, хотя Тихон продолжал тревожно мотать головой по сторонам, как бы проверяя, не следят ли за ними. Выйдя за ограду, оба двинулись через площадь в сторону красного здания напротив.

Лохма шел впереди, когда его окликнул Тихон. Обернувшись, он увидел, что тот показывает на перевернутую полицейскую «Газель», которая лежала на боку невдалеке, у самой краснокирпичной стены. Увидев, куда двинулся Тихон, он крикнул:

– Э, стопэ, стопэ, – без особой веры в собственные слова повторял Лохма. – Дурак!

Тихон не обращал внимания на призывы и уже подходил к одному из нанесенных ветром бугров земли у машины, который был выше остальных. С одной стороны от ветра этот холмик защищала «Газель», и оттуда было видно, что он образовался, потому что землю задерживало полуистлевшее тело человека.

Спешно сбросив со спины рюкзак, Тихон наклонился к кисти трупa, торчавшей из грунта. На ногтях пальцев, смотревших в небо, все еще можно было различить красный лак. Мужчина схватился за то, что когда-то было женской рукой, и вытянул ее из-под слоя земли. На фалангах блеснул свет, отраженный в желтом металле. Тихон весело сказал:

– Ха, находка.

Лохма обошел перевернутую на бок «Газель» и остановился возле кабины. Лобового стекла не было. Он скинул рюкзак, на корточках пробрался в салон и, не вставая, начал его осматривать.

Потолком опрокинутого автомобиля теперь была водительская дверь, из бокового кармана на ней торчал термос, рядом с ним – замызганное махровое полотенце. К приборной панели в ряд были приклеены три иконки, в зарядке между сидениями странным образом, параллельно земле, держалась полицейская рация. Под ногами у Лохмы, в оконном проеме второй двери, валялся кожаный кошелек. Он взял его в руки, на одной стороне прощупывался рельефно вышитый знак Z. В отделении кошелька была фотография полной женщины в желто-красном сарафане с маленькой девочкой на руках. Лохма заглянул за сиденье водителя над собой, там что-то еле уловимо блеснуло. Засунув руку за спинку, он вытащил хромированный шиномонтажный ключ. Сталь была холодной, взвесив инструмент в руке, Лохма оценил его тяжесть, pokrutil ключ еще немного перед глазами и вместе с ним стал вылезать из перевернутой кабины.

Выбравшись из «Газели», мужчина подошел к рюкзаку и убрал металлическую трубу в его боковой карман, поднял на плечи и пошел к Тихону.

Тот в это время снял со своей шеи тонкую бечевку, которая пряталась под пуховиком. Множество нанизанных одно к другому золотых колец делали из нее подобие ожерелья. На солнце украшения и камни в них сразу заиграли разными цветами. Стоя на коленях, Тихон добавил еще одно, новое кольцо к двум-трем десяткам других, хохотнул и снова завел руки себе за шею, чтобы застегнуть замок на веревке.

Лохма шел по брусчатке площади к товарищу. Он переводил взгляд с Тихона на здание у него за спиной, с его суетящихся на шее рук на серые лица, снова проступившие во всех окнах и множившиеся с каждой секундой. С праздничного блеска глаз приятеля на рисунки пыли на стекле. Когда Лохма был в паре метров от бугорка, из которого торчала рука, он выхватил из бокового кармана шиномонтажный ключ и вскинул его вверх.

Тихон видел, как Лохма идет к нему, как достает металлическую палку, как вся его фигура постепенно превращается в угрозу. Он даже успел поднять руки вверх, хотя и недостаточно высоко, чтобы хорошо защититься, потому что пальцы не отпускали веревку с трофейными кольцами. И еще, потому что он дольше нужного всматривался в глаза Лохмы, как будто стараясь понять, почему происходит то, что происходит.

Тяжелый и быстрый удар пришелся в верх лба. После него Тихон сразу откинулся назад и, раскинув руки, упал на спину. Глаза его остались открыты. Лохма посмотрел на него секунду, затем поднял металлическую трубу и еще дважды опустил ее на голову Тихона.

Оглянувшись, как бы проверяя, нет ли рядом еще кого-то. На него смотрели только башни с острыми шпильями, звездами и круглыми глазами часов. В окнах тоже никого не было.

Постояв полминуты, Лохма обтер о низ штанины кровь с металлической трубы и убрал ее обратно в карман. Затем пошел к рюкзаку Тихона, откинул верхний клапан и стал перекладывать к себе сначала рамки икон, а потом и металлические банки консервов. Его рюкзак с трудом закрылся, а снаружи он теперь был со всех сторон обвешен обернутыми тканью прямоугольниками.

Резкий порыв ветра качнул пальму волос на голове Лохмы. Он снова надел рюкзак и пошел через площадь в том же направлении – к противоположному красному зданию.

Лохма шел вдоль стены, мимо разноцветной спортивной трибуны, мимо угловатой приземистой пирамиды, мимо круглого купола за стеной, напоминавшего набухший сосок.

Впереди, на стыке нескольких булыжников брусчатки, был очередной, на этот раз совсем небольшой холмик земли, и из него торчало молодое деревце. Тонкий светлый ствол, буквально в полсантиметра толщиной, гнулся от ветра так, что, казалось, вот-вот его вывернет из жидкого грунта и потащит по площади вслед за очередным порывом. За что это деревце хваталось корнями, было непонятно, но как-то оно все же держалось.

Каменная дорога шла вниз. Лохма спустился по ней к проходу сквозь арку и оказался на другой просторной площади. На высоком постаменте справа стоял памятник – мужчина с чуть приподнятой головой и гордым, сдержанным выражением лица держал у груди кулак, у его ног сидели два журавля.

Пройдя через эту площадь, Лохма вышел к широкой улице, уходившей далеко вверх. По обе ее стороны были торжественные дома с высокими окнами и глянцевой мраморной отделкой первого этажа. Спешной походкой он шел по разделительной полосе в центре дороги. Спустя минут десять Лохма свернул в переулок налево, прошел еще немного и остановился возле высоких чугунных ворот. После секунды раздумий он двинулся к открытой калитке во двор дома, там повернул направо и вошел в раскрытую дверь ближайшего подъезда.

По лестнице были разбросаны вещи – женская кожаная сумка, пальто, блистеры таблеток, зарядка с проводом, шоссейный велосипед. На площадке пятого этажа мужчина остановился. Все двери квартир были открыты, он по очереди заглянул в каждую и зашел в ту, где длинный широкий коридор был ярче всего освещен оранжевым закатным светом. У стены возле вешалки стоял полированный столик на тонких ножках, над ним – огромное, чуть мутное зеркало в старинной резной раме. На противоположной стене висели черно-белые фотографии в рамках.

Мужчина закрыл за собой входную дверь, прошел по коридору дальше, заглянул в просторную гостиную. У окна в глубине комнаты стоял рояль, рядом с ним – большая ваза, всю стену слева занимал шкаф с книгами. У противоположной стены расположился широкий плюшевый диван, в дальней его части горой лежали куртки, пледы, подушки, образуя подобие гнезда. С пола из-за дивана выглядывала пара пустых бутылок, рядом валялся пакет и упаковки из-под еды вокруг него.

Лохма пошел по коридору дальше. Справа была маленькая комнатка скромного вида: кровать-полуторка, на стене – старый ковер с оленем, стол с льняной скатертью и тяжелый деревянный шкаф для одежды. Он шагнул внутрь и закрыл за собой дверь. Затем взялся за низ шкафа и сдвинул его так, чтобы подпереть вход. Сел на кровать, откинул верх рюкзака, запустил в него руку и достал банку консервов. Из кармана куртки он вынул перочинный нож бордового цвета, раскрыл одно из его лезвий, приставил к банке, но вдруг остановился и поставил ее на стол.

Вытащив из кармана рюкзака тот же шиномонтажный ключ, Лохма встал, закрыл локтем лицо, размахнулся, сделал шаг и пробил в окне оба стекла. Звон был долгим, как будто зависшим в воздухе. Лохма размахнулся снова и разбил еще два в другой створке, а потом и два в верхней

части рамы. Он отшагнул назад и сделал то же самое со вторым окном рядом, на стене справа. Солнце в этот момент окончательно спряталось за крышами домов напротив, освещение комнаты резко изменилось, и очертания предметов как будто стали четче, прояснились.

Стряхнув с себя осколки, он снова сел на кровать, взял в одну руку нож, в другую консервы и быстрыми движениями вскрыл банку. Она была приплюснутая и походила на маленькую противопехотную мину. В центре ее была выдавлена маркировка, самым крупным шрифтом было написано «Сделано в России».

Срезанная крышка упала на пол. Лохма отложил нож, вытащил пальцами кусок говядины с прилипшим к нему прозрачным желе и положил мясо в рот. Он смотрел на штору, которую сквозняком засасывало в окно справа. Взгляд его ничего не выражал, как у человека, который целиком сосредоточился на каком-то важном внутреннем переживании.

Тщательно жуя тушенку, он вдруг вскрикнул и накрыл ладонью рот. На больной передний зуб попала кость, и от внезапной боли у Лохмы выступили слезы. Посидев полминуты с выпученными глазами и ощупывая передние зубы через губу, он, наконец, раскрыл рот, выплюнул кость, положил два пальца на больной резец и начал давить на него вперед. Вместе с этим Лохма глухо заныл, а слезы из его глаз покатились сильнее. Еще немного – и рука сорвалась со рта, и одновременно с этим из него вышел мучительный, плаксивый выдох облегчения. Вернув руку ко рту, он еще одним рывком дернул повисший на десне зуб и оторвал его от себя.

Так долго мучивший его передний резец лежал на ладони. Лохма стер с него кровь. Длинный клиноподобный корень с одной стороны был весь покрыт черными точками. Лохма с минуту рассматривал то, что еще недавно было частью его, потом сжал зуб в кулаке, размахнулся и выкинул в разбитое окно.

весна 2022

ПОЛТАВСКАЯ МЫШКА

Рассказ

Когда Джессике исполнилось три года, ее родители – Паша и Муся – решили сделать ребенку подарок – нанять пати-маус. Ну, знаете, это когда специальный артист по вызову наряжается Мики Маусом и развлекает детей. Сказано – сделано. Позвонили в специальное агентство, заплатили вперед 225 за два часа работы плюс питание, в назначенное время в дверь звонят. Они открывают. На пороге довольно-таки разбитного вида девица лет двадцати пять с двумя баулами.

– Здрасьте, я пати-маус, вызывали?

Наступает минута молчания, потому что заказчики ждали чего-то другого. В смысле больше ориентированного на детскую аудиторию.

– А вы на этих каблуках работать будете? – наконец спрашивает Муся. – Или у вас какие-то тапочки есть?

– За каблуки вы не волнуйтесь, – отвечает артистка. – Я на этих каблуках всю Мексику прошла.

– Вот оно что. Ну, проходите тогда.

Та проходит, осматривается. А что, домик ничего – просторный, рояль, телевизор, бассейн, гости толпятся у стола, музыка играет, дети орут.

– Простите, а можно чашечку кофе?

– Я вам сейчас подам, – говорит Леша – родной брат отца именинницы и записной ловелас.

– А вы, девушка, откуда будете?

– Я из Тихуаны, – отвечает та.

– Неужели родились там?

– Нет, родилась я в Полтаве. А к вам – из Тихуаны.

– Поня-ятно. А зовут вас как?

– А зовут Галей.

– Рады знакомству, Галя, кофе сейчас будет, а как насчет глотка шампанского за здоровье именинницы? Я – ее дядя.

– Леша, минуточку, – останавливает его Муся. – Давай сначала все-таки займемся детьми, а потом уже шампанским. А вы, девушка, можете переодеться вот в этой гостевой спальне.

– Я вас проведу, – говорит Леша и уже летит перед артисткой с кофе на блюдце. При этом во второй руке у него, все-таки, бутылка шампанского и два бокала.

За дверью слышен оживленный разговор, звон бокалов, смех, наконец Галя выходит. При ее новом виде у Муси с Пашей челюсти отваливаются вторично. При этом отваливаются одновременно, как если бы какой-то скрытый от зрителей работник сцены потянул их за веревку. В чем дело? Объясню: голова на этой Гале от Мики Мауса, а все остальное то ли от тигра, то ли от зебры, в смысле – в полоску. Но почему?! Я теряюсь в догадках. Может, это она еще со вчерашнего детского дня рождения не протрезвела, а может, это сегодняшнее шампанское ей уже в голову ударило, кто ее знает?

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. В «Волге» публикуется с 1999 года.

– Минуточку, – говорит отец именинницы. – Мы вам заплатили 225 плюс питание, а вы пришли вот в этом?

– А вам не нравится? – удивляется Галя. – Сейчас же все такое трансгендерное, что без пол-литра вообще не разберешься, с кем ты имеешь дело. Это – раз. Во-вторых, сколько вашей имениннице лет?

– Ну, допустим три.

– Так что, вы считаете, что она знает, как выглядит настоящая мышка? У вас дома мыши есть?

– Только вы, – отвечает Муся.

– Вот и отлично! Дети будут в восторге, я вам ручаюсь.

– Ладно, приступайте, – машет рукой Паша. – Выбора у нас все равно нет.

Действительно, не отменять же из-за ее костюма праздник? И вот она встывает в хозяйский компьютер свою музыкальную программу, берет микрофон и – пошло-поехало! Она и поет, и танцует, и делает сальто-мортале, и на шпагат садится, и вокруг стойки от микрофона вертится. Дети в восторге, гости в изумлении. В промежутке между номерами она еще пару раз подходит к столу и опрокидывает стопку не знаю чего – спросите у Леши, он наливал, короче говоря, в конце этого искрометного шоу наша веселая пати-маус падает в бассейн. Дети, конечно, прыгают за ней, родители бросаются их спасать, клянусь вам, я такого бардака в жизни своей еще не видел.

Другие, может быть, эту шалаву вынули бы из воды, вынесли из дому и положили поближе к проезжей части, в надежде, что кто-то ее там подберет, но тут в суматохе про нее забыли. Дело усугубило то, что после падения на нее полудюжины детей и их родителей она, видимо, лишилась способности к всплытию. Первым ее отсутствие заметил, как вы думаете – кто? Правильно, – Леша. «Господа, – волнуется он. – А Галю тут никто не видел?» Да, действительно, где она? А вот же она! Тихо лежит под толщей воды, что твоя подводная лодка, и пускает пузыри.

Леша, естественно, бросается в пучину, вытаскивает утопленницу на берег, делает ей искусственное дыхание, и вот она уже открывает глаза, обводит всех слегка затуманенным взором и тихо просит рюмку чего-то покрепче, только, если можно, с каким-нибудь бутербродиком. Все, пациентка будет жить! Надо бы ее только как-то обсушить.

– Позвольте я помогу вам снять костюм, – говорит Леша.

– Да, пожалуйста, помогите мне.

– Э-э, да у вас же под ним ничего нет!

– Леша, – вмешивается Муся. – Ее надо чем-то накрыть, тут же дети.

– У тебя есть какое-то полотенце?

– Нет, не надо полотенца, – слабо возражает спасенная. – Дайте мне вот эту салфетку. Спасибо.

Короче, она лежит, прикрытая салфеткой, а вокруг стоят участники этого праздника на воде и с интересом наблюдают, как к артистке возвращается ее жизнь. И аппетит.

– Простите, а шампанское еще осталось?

– Шампанское-то осталось, но вам нужно подкрепиться, – говорит Леша. – Прошу вас, наденьте мою майку и садитесь к столу. Мы так рады, что все обошлось. Хотите оливье?

И вот уже Галя за столом. Муся вне себя: кто она, чтобы сидеть со всеми за столом? Родственница она им какая-то или близкая подруга? Почему нельзя накормить ее на кухне? Паша тоже недоволен, но Лешу уже невозможно остановить. Он ей и подкладывает, и подливает, и сверкает глазами. Короче, вы уже поняли, куда оно катится.

Короче, к шести вечера Галя уже нигде не может идти, потому что лыка не вяжет и ногами не ходит, а только порывается целоваться с гостями и все лопочет что-то типа – какие вы все тут милые, я у нас в Полтаве таких отродясь не видела. Потом она еще пытается спеть им что-то из того, что она не успела спеть детям, но безуспешно.

– Друзья! – наконец говорит она. – Простите меня, но я, видимо, чуточку перепила и теперь не могу вспомнить слов. Можно я просто мелодию вам напою, типа ля-ля-ля-ля. Потому что мелодия – волшебная.

– Ля-ля не надо, – говорит Паша. – Лучше ешьте, а то вас сильно развезло.

– Нет, есть я тоже больше не могу. По-моему, у вас тут оливье на жаре прокисло, меня с него тошнит.

– Это у меня оливье прокисло?! – у Муси даже дыхание перехватывает от такой наглости.

– Муся, я тебя умоляю, – останавливает ее супруг. – Это сейчас не главное.

Короче, поскольку Гале плохо, Галю надо оставлять на ночь. Тем более у хозяев есть комната для гостей и, сказать честно, даже не одна. Ну вот вопрос и решен.

Ночью Муся будит своего Пашу и говорит ему:

– Паша, ты знаешь, что я думаю?

– Как я могу знать, что ты думаешь в три часа ночи? – отвечает Паша.

– Я думаю, что если эту алкоголичку вырвет во сне, то она может захлебнуться и откинуть лыжи. После чего мы будем виноваты. Иди посмотри, как она там – жива или нет.

Паша спускается со второго этажа на первый, где у них гостевые комнаты, и обнаруживает на кухне Лешу. Очень растрепанный, он там сидит на табурете в одних трусах и курит.

– Паша, – говорит он брату. – Эта Галя просто какая-то бешеная. Я больше не могу. Иди зайди к ней, только не говори кто ты. В темноте она хрен нас различит, а я тут еще посижу немного.

Ну, как же не помочь брату?! Паша заходит в гостевую и закрывает за собой дверь.

– Ну, что? – интересуется Леша, когда брат возвращается с задания.

– Таки бешеная, – подтверждает тот, после чего возвращается к своей Мусе, оставляя Лешу с его новой проблемой.

Утром Гале дают яичницу с колбасой и тостом, она выпивает две чашки кофе со сливками, и очень бледный Леша отвозит ее в тот офис, из которого она отправилась на гастроли. Когда Муся убирает комнату, где ночевала артистка, она обнаруживает, помимо поломанной кровати, сумку с костюмом зебры. Так что если вы увидите на каком-то детском празднике пати-маус с туловищем змеи или попугая, знайте – это Галя.

Да, но это не конец. Проходит месяцев семь-восемь, и Паша с Галей получают письмо от какого-то адвоката, который сообщает им, что его клиентка хочет получить алименты или вступить в брак с отцом своего ребенка, который не сегодня-завтра появится на свет, и она, как мать, должна позаботиться о его будущем. По этой причине один из участников детского дня рождения, имя которого его клиентка забыла, но готова опознать в лицо, должен сдать ДНК-материал для выявления отцовства.

– Я хочу знать, как эта аферистка докажет, что она беременела у нас в доме? – спрашивает Муся. – Надо написать этому адвокату письмо, что он не на тех лохов нарвался.

Паша тут же пишет письмо и получает ответ, из которого следует, что визит Гали в их хлебосольный дом был первым ее заказом после пересечения мексиканской границы, а после его выполнения она еще месяц не могла работать из-за сильного пищевого отравления.

– Боже, какая черная неблагодарность! – говорит Муся. – У меня было 40 человек гостей, и никого от моего оливье с крабами не тошнило. Пусть она сходит к доктору и расскажет ему, какие гастроли она давала в Мексике и каких глистов там нахваталась!

– А аборт она не может сделать? – интересуется Паша.

– Зачем же ей делать аборт? – отвечает Леша. – Если она докажет кто отец и заставит его жениться на ней, то через пять лет у нее будет американский паспорт. А с абортом у нее будет дырка от бублика.

– А как вообще можно кого-то заставить жениться? – интересуется Паша.

– Очень просто, – отвечает Муся. – Если этот «кто-то» не захочет, чтобы его посадили за изнасилование, так он женится по любви. Я могу уже заранее поздравить этого идиота с отличным приобретением – такие жены на дороге не валяются. Хотелось бы только знать, кто он.

Муся смотрит на мужа Пашу, который в это же время смотрит на брата Лешу. Потом она тоже смотрит на Лешу и видит, что тот смотрит на Пашу. В театре это называется «немая сцена». Все молчат, и что происходит у них в головах – непонятно, поэтому автору этой истории остается только опустить занавес и погасить свет.

Кот МАНДЕЛЬШТАМ

МАНДЕЛЬШТАМ-РЕИНКАРНАЦИЯ

Публикатор Наталия Азарова

***мандельштам
эпиграф***

когда мне стало ясно что слависты
усыновили мою личность
я её выбросил

и я теперь кот
и у меня с собой
запасы пропущенного

Февраль 2022

в одной из крошечных жизней
я помню
было особенно хорошо

котом
мне стало ясно
крошечно и хорошо

но что
такое
особенно?

***мандельштам –
реинкарнация***

гул полнолуния
на подоконнике
моя поза львиная
валяжная
как композитор

людей потрескивание
хищная птица
выпархивает
из-под ног

луна гонит листья
в стоячей воде

я утерял это острое
чувство
подошвы

моё выпадение в день

щурюсь влагой
зелёных
камней

мои зелёные
глаза
купца

усердный мистик
зализываю
зимний
ливень

моя стеснённая охота

купеческая как портрет

***мандельштам
и зеркала***

– разлив зеркал мне смел
я знаю что я это я а
там просто какой-то кот

– ося ты точно кот

ты готов был принять эту форму
красивейший кот сомали

– я устно бессловесен
мурчание не печатали
а было ли вначале слово?

КОТОМ
мне
стало ясно я способен
 быть
 красавцем
я наконец
зверь
с сомалийской
силой
звериной
и у меня по-прежнему
большие уши

о милый мир!
теперь скорее
я господин хвоста ловец ловушек
я крепче здесь принадлежу
 чем человеком
и это всё ритм
и это всё вибриссы
 длинные
молчаливые
заросли
крикливых
фламинго
рильке
 на них так хорошо
 охотиться
обломки
неба их так легко
 перепрыгнуть
слова́
 тереться о них
 ходить между ними
 восьмёрками
 или
 по щиколотку
 в цаплях

а потом глядеть долгим младенцем
что тебе в твоё небо втемяшилось?

теперь я кот
и опять эта новая кровь
мы лишь меняем стигмы

когда-то сегодня
здесь играла музыка
мои зелёные глаза купца

вижу людей царской дорогой идут
ни вправо ни влево
от простого смысла моих стихов

двуногие с трудом
находят пол у потолка
но долго ищут

меня тут привели на поводке
и я был сдержан
осталась неизменной радость развязанных шнурков

***катастрофа
из двенадцати
частично зарифмованных
строк***

испанский сад
арабских сказок
аль андалус

в промельках света выпрыгивали мелкие олени
и я рванул

испанский стыд
и в арках рождества
за мной охотятся волхвы

в лапах
воз образов
не удержать
выскальзывают в снег

не помню
разве раньше

я
крамольный кот
охотился на ёлку?
сиятельный шар
хрупкий грех
упал с невысоты
его покатасть
земной мячик

леденело

империя
вся в ёлочных отбросах

КОТОМ
мне
стало ясно я не донкихот
 я тут
 охотник
 за
 донкихотом

послушай сервантес
я тоже опасаюсь
гигантов
говорят
осип
себя посеял
в сиреновой гальке
но мельницы подросли
и ветер усилился
в лицо
просто
теперь
не сражаются

за мельницами
уместней
охотиться

Апрель 2022

КОТОМ
мне
стало ясно я всё сильнее
 люблю
 ходить по спирали

преимущества

я умею
одуматься одуванчиком
средневековым котом
распушиться
затёртым
улицами
раскачаться
на полумесяце

я теперь как шагал
в тридцать четвёртом
умею
влететь в окно
скрипящее
впрыгнуть в раму
синего цвета
и не потерять скрипочку

Тосса,
4 Апреля 2022

КОТОМ
мне
стало ясно
 я больше
 не боюсь трамвая
 трамвая больше нет

 страх моря
 очевиден
 снят
 страх высоты

 боюсь устных детей
 людей

их неопознанных
движений

КОТОМ
мне
стало ясно

боюсь
чужой
свободы

жирона

будто полночь
светит солнце
открытое до ног окно
о сотворении мира ковёр
на нём звери узора заносчивого
пóросли сосков на деревьях пóросли
так много неприличного в природе

ковёр о сотвореньи мира неприличен
белка мелькнула как маленький я стыдный
я не убийца нет я не убийца
я лишь играю в заманчивых птичек
я играю в небрежные птички
иду по саду моему расстрига ритма
потом заметаю следы свои

КОТОМ
мне
стало ясно

птицы
сотворены
раньше цветов
и всё в этом

*мандельштам
блоку*

жёлтая лошадь
и
синий осёл
отвесно
пасутся
напротив осёл любопытен

она безразлична
как лошадь

взглянула
вниз и
вымокла в росе

и я теперь
кот
в охоте

за
вздохом

реинкарнация

виноват
фальшивый месяц года

реинкарнации пропущены
зачем их вспоминать?

пропущенные реи
пропущенные ранки

реинкарнации произносимы
как их озвучить?

пьяный песок
кошачьи камушки
колеблется дружба

пропуск
произнесён

двухъярусная жизнь
дельфин который жил в пустыне

21 марта 2022

л.

вот ты
написал

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом.
вот я это

читаю
без восклицаний

в небесах торжественно и чудно
спит земля в сияньи голубом

котом
мне
стало ясно

земля над головой чудесна

пони с головой прочноногой
пони удивлён
и я дрожу
я вижу перепонки в твоих глазах
пони тяжёлый
ты подвержен продолжателям
тебе и реинкарнация недоступна
и я дрожу
кто я тебе – хищник?
зверёк крошечный
дикоокрашенный
пони тяжёлый
ты не умеешь перепрыгнуть имущество
или может
я человек на руках человека?
вот целан
в огненном обруче
он меня увидел сквозь тигра
в лёгком прыжке

н-ус

миша миша
это я мандельштам
тебя никогда нет дома – я тебя не застал
ты подсказываешь королям
миша привет
я всего лишь кот странствующий
обгладываю косточки скитаний
и я не шаркаю шагами
миша послушай
как бы нацелиться – и в самый ум чумы попасть?
у тебя тут целый двор величеств в жемчугах
ждёт и приценивается к прорицаниям

миша видишь
наши мохнатые лапы свисают с прованса
наши ассонансы повисли мхами
перед войной берега воскишат лягушатами
миша моше
дрожь войн и раздоров ты посчитал неправильно
наше море уже кишит – ты провала не опасешься?
позор нюха? позор осязания?
славный миша
тыщу милых катренов твоих неумелых проговариваю
но ты предсказатель а я попрошайка
моё превосходство я готов отцарапать

я умею опаздывать
потными пальцами лап

*Салон-де-Прованс
12 июня, 2022*

КОТОМ
мне
стало ясно

вернее меня удивило
за это время
куда-то девался
конец света
забанили

на лесных тропинках
образовалась
пробка

я видел землю
она застряла в странах
она неряшлива как взрыв
я видел воздух
его не понюхать вслух
я видел людей
они перебрались на небо
они обнюхивают обновления
на скользких ветках сидеть неудобно
деревья повернулись худобой
жмёт стоптанная смерть

развязаны шнурки
их не поймать
окаменели

Кама, 8 июня 2023

***мандельштам
на могиле бенямина***

вальтер вальтер
вальтер совсем не семитское имя

кот вальтер
здесь нет кс кс кс что-то-не-по-кошачьи
и что-то фашистское в вальтер
швы жизни среди невызревших апельсинов

беня беня
давай уже в день выпрыгни
тебя с бордюра зову накануне войны
война перила узенькие на высоте и разделяют

беня беня
мы умеем по ним пройти

вальтер вальтер
как тебе доказать что я здесь?
и моё пока не наказанное дыхание

ты просто понюхай

Портбоу, Февраль 2022

КОТОМ
мне
стало ясно я люблю спальни
 со многими
 выходами

КОТОМ
мне
стало ясно
 что почерк

не портится
и даже
почерк
перечёркнутых
страниц

оголтел тёплый город
цветком притворился
вдоль полдня
упоение на пределе

собака напротив лишь пыжится
эти нетрудные прыжки

самолёты такие никчёмные неумелые птицы
к ним так легко незаметно подкрасться

суммарный зверь
я сверяю причёску с небом
тыщи глубин примеряю
мои пушистые шаровары
кисти караваджо
и
дикую спесь в подшёрстке

гоняюсь за белым куриным градом
он отскакивает по террасе
дни отбрасывают длинные тени на землю
в них можно запутаться
гоняюсь за тенью моего хвоста
можно проверить яркость солнца
пишу среди летающих существ
среди зелёных лимонов лоснюсь на солнце
в лакуне ног
ящерицы скорость её невкусный хвост
жую зелёный скользкий
золочёный несъедобный меня тошнит
за охотой приобретаю прошлое
певцы двуногих комаров
запускаю когти вам в лицо
но слегка
не задевая

24 мая 2024

приглашение ко сну первое

точка жары
когда она спадает
и мямлит кошачью мяту

вне двора́
вне гор
вне шара
мира
шара
моря
шара

покатать

войну и море
по горам

и сладко задремать

в углу
испуга

вот
говорят кот
окружён гомоном птиц
но он
спит

приглашение ко сну второе

точка жары
когда она спадает
и мямлит кошачью мяту
и конь горыныч ржёт на красных светофорах

потные капли
с восклицательных знаков

капают в одежды
в шерсть
в моё непостоянство роста
в древний мой рот

чужими
названный пастью

мою мысль не пускают к птичкам
мне кость скитаний брошена в миску
и я

прикрывшись третьим веком дремлю

необходимая эпоха
июльским людям
её не обойти

хотя ты скажешь
на мохнатых лапах
неуместны мои ботинки бытия

***осины сны
сон первый***

во сне в париже
чужая кошка рыжая на шлейке
кусает мандельштама в нос

нос оси
висит как шёлк
но на живую нитку
возвращается обратно

чужая кошка рыжая на шлейке
застревает
в мешковине лунных глаз

её хозяева
глупцы людей

***осины сны
сон второй***

со своими красными съедобными лодками
каталонцы
входят в предместья лорки

ведь слопают точно слопают

притвориться мраморной лягушечкой
плохонькой

и на всё что там около и далеко
далеко и около

наляпать
наляпать
наляпать побольше слов

а потом процарапать когтём

тонюсенькое такое
чтобы всё незаметно

и всё

Олег ДОЗМОРОВ

Вначале спорили, шумели,
потом порядком прифигели,
потом боялись до усрачки,
потом немного отошли,
потерли вопли и заплачки,
и в мрачных пропастях земли
ему – ничем не помогли.

Но даже в бытовых проблемах,
в краю чужом или внутри,
в моральных язвах и дилеммах
грызём надежды сухари,
и ощущаем холодок,
и ненавидим поводок,
тирану так желаем смерти,
что позавидуют и черти.

Но тут нам выложили «Рипли»,
и мы залипли.

Все эти толстяки,
все эти старики
когда-то были юноши,
не знавшие тоски.

Теперь зовут врача,
в стаканчике моча,
на сахар сдали кровь,
ну вот и вся любовь.

Готовься что-то сдать,
готовься все просрать.

Олег Дозморов родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет и аспирантуру Уральского государственного университета и факультет журналистики МГУ. Публиковался в журналах «Урал», «Звезда», «Арион», «Воздух», «Знамя», «Новая Юность», «Новый мир» и др., альманахах «Urbi», «Алконост» и др. Лауреат «Русской премии» (2012), спецприз премии «Московский счёт» (2012, за книгу «Смотреть на бегемота»). Живет и работает в Лондоне. Предыдущая публикация в «Волге» – 2023, № 11-12.

Не знавшие тоски,
стиравшие носки.

Под сериал чувак-чудак
не то чтобы задумал бяку,
но сопереживал маньяку
и чувствовал, что он – маньяк.

А то ещё рабочий тест:
поговорю с утра с соседом
и осознаю за обедом,
что перенял и слог, и жест.

Не оттого ли чудаку
приспичило марать папирус,
что подцепил у старших вирус
и с нифига решил: могу?

Грязно-розовое, маленькое,
исчезающее где-то там,
на оладушек похожее
или нет, скорей на валенок,

в блеске ультрафиолетовом.

Что о нем сказать мне? То же ведь,
как о жизни, в целом, нечего,
а оно летит, хорошее,
на исходе, в общем, вечера,

ну, такого, типа, летнего.

Луч почил на легком облаке
на закате чистом. Опаньки,
взгляд отвел – уже и нет его.

Хочется теперь воспеть его.

(Все отслеживалось с третьего.)

То, что первая волна
принесла с собой,

все похерено уже
третьею волной.

А теперь она идет,
пятая волна,
а четвертая моя –
пена и вода.

Я вам точно говорю:
нечего беречь,
остается пошипеть
и на берег лечь.

Не получится увлечь,
равно как разжечь,
разве только вот извлечь
тишину и речь.

Что грусть воздушная напела,
то с легкостью потом сошло
на нет по логике напева,
и стало, в общем, хорошо.

То было раньше, а сегодня
певцу нужней всего покой
и дополнительная сотня.
Закрой гештальт, пошли домой.

Я все отдам за булку к чаю,
за многослойный бутерброд,
и карту – хоп – прикладываю,
строкой не оскверняя рот.

Пусть небожителю, за хлебом
идущему, покажется,
что он куда направлен небом,
пусть возгордится слегонца.

Довольно долго говорит по сотовому,
потом мультяшный оставляет след
на воздухе и на вопрос кого-то: «Ну,
все хорошо?» зло отвечает: «Нет».

Бросает в сумку бабки, глок, три паспорта,
ужасный свитер (кто б такой надел?).
О, трогательный завиток блокбастера.
Куда он сдернул? Я не досмотрел.

Праймер осени, август на стреме
череды новостей и утрат,
изумительно скверно все, кроме
лиропамяти, нейроцитат.

Как за редкой и радостной книгой,
я гонялся тогда за тобой,
упоен самодельной интригой,
битый час караулил, герой.

Ждал, высматривал серое с красным,
красный зонт, в серый рубчик пальто,
был трамвай чрезвычайно опасным,
все вообще умножалось на сто.

Отражалась смешная досада
в гастрономе, в огромном окне.
Стоп! В окрестностях детского сада
ты бродил? Да, и где только не.

И суворовское обошёл я,
и рыдал, пока дождь-букинист
имитировал шорох и шопот
и советовал, падая вниз.

Может быть, отпросилась с работы,
но маршрутом каким? Не криви
лживый рот, ты найдешь ее, что ты.
Хочешь славы? Пиши о любви.

Говорил, что звезды летят туда,
утверждал, что пути их горят огнём,
ведь Вселенная расширяется, лабуда
утвержденья обратные. Ну, пойдём?

Типа лектор общества «Знание», как глухарь
заливается или тетерев на току, –

романтический озвучивался букварь,
чепуха мололась, смалываясь в муку.

О, небес ночных и вечерних знать,
о, медвежья шкура, о, с молоком песок,
той звезде позарез было нужно знать,
и она светила лучом в висок.

И не то чтоб глупо совсем молчал,
и не то чтоб земля не плыла под ногой,
ничего о главном не рассказал.
Леденели звезды над головой.

Кино

Мы дико ржали. Дима выпивал.
Роман был трезв, но точно не под этим.
Борис печальным взглядом провожал
четыре облака и выглядел поэтом,

а может быть, единственный им был
в том старом смысле, что нас всех пронзает.
И, образом таким, плесканье крыл
и все такое увлекло зазнаек.

Среди надгробий екатеринбургских фирм
была и «Мрамор», лейтенант ландшафта.
«Когда-нибудь про это снимут фильм», –
не помню, кто сказал, но это правда.

давай-ка сходим в магазин
чего-нибудь на ужин купим
ну ладно я схожу один
уж этот подвиг мне доступен

идёт носитель языка
через дорогу вправо влево
походочка его легка
на темечке сияет небо

речь прямиком ведёт в тюрьму
ну а молчание кроваво
давай-ка напиши муму
отменяют крепостное право

жизнь пролетела как во сне
а все же ограничен доступ
на главный сервер нет не то чтоб
нашел ищущий где только не

вопросы мучили его
пока ответы не явились
куда очки запропалились
в чем смысл вот этого всего

Мотылёк летит на телефон,
потому что светится в ночи,
и стихотворение, как сон,
вот уже закончено почти.

Будет мотылёк его читать?
Я могу у мотылька спросить,
но его прибило танцевать,
по экрану с буквами скользить.

Мотылёк живёт не больше дня,
мы живём немного дольше, но
в принципе такая же фигня.
Надо перед сном закрыть окно.

МЕЖДУ ВОДОЙ И НЕБОМ

Рассказы

В сухом остатке

Дача большая и очень старая. Чуть ли не середина девятнадцатого века. Доски, которыми она обшита, давно почернели от старости, от сырости, и кое-где на них завелись бледно-зелёные лишайники. Половицы в доме скрипят, мыши под ними шуршат, а за стеной, в гостиной, древние настенные часы перед тем, как пробить, хрипят так, что хочется встать, пойти и вытащить их из петли. В таких местах хорошо мечтать о том, чего с тобой не было и быть не могло. Сидишь на веранде с кружкой остывшего чая в руках, отгоняешь от себя комаров веткой бузины и представляешь...

...как приходят крестьяне жаловаться на управляющего, как есть он мироед и не разрешает косить траву на пустоши, которую они испокон веку всем обществом косили, копнили, стоговали и в этих стогах с девками, не при барыне будь сказано... еще при блаженной памяти императоре Александре Втором... а он велел их прогнать, не император, а управляющий, и для того вызвал из уезда пристава и казаков с нагайками... и девок портит. Не император, Царствие ему небесное, а управляющий, и дочь кучера взял к себе в дом и живет с ней во грехе... срамота, да и только. Мужики ломают давно нестиранные негнувшиеся шапки и армяки, бабы заламывают руки, и все хором гнут спины и шаркают лаптами по навощенному паркету...

...как приходит Прасковья, вдова Анфима, кучера, помершего от белой горячки лет десять тому, и говорит, что вчера ночью позвал ее голос выйти на двор по малой нужде. Она подумала, что это Анфим с того света зовет ее, и вышла, и обнаружила в зарослях моркови существо вроде годовалого ребенка с очень тоненькими ручками, ножками и непомерно большой головой и огромными зелеными светящимися глазами. Зрачки у него были не круглые, как у людей, а щелочками и горизонтальные, как у козы. Ходил он между морковной ботвы и пищал, да так пронзительно и противно, что Прасковья сразу поняла, что он голоден. Кормила она его сваренным вкрутую и мелко порубленным яйцом, творогом и кислым молоком, потому как от обычного молока Алешеньку слабило. Назвала она его Алешенькой. Живет он у Прасковьи уже второй месяц. Тихий, не пьет, не дерется, как покойный Анфим. Только по ночам не спит. Заберется на крышу, лапку свою свернет вроде подозрной трубы, приставит к глазу и все смотрит, смотрит на звезды... Починил ей грабли и рукой снял мигрень у нее и у коровы Зорьки. Прасковья хочет его усыновить и отписать на него избу, Зорьку, теленка Андрюшу и кошку Лукерью, потому как она одна на всем белом свете и сродственников не имеет. Не кошка, а Прасковья. Лукерья с Алешенькой часто разговаривают, но о чем они мяукают, Прасковья понять не может, как ни старается. Одна беда – сельский батюшка отец Никодим стыдит ее и говорит, где это видано, чтобы на чертенка отписывать...

Михаил Бару родился в 1958 году в Киеве. Окончил Российский химико-технологический университет в Москве. Химик и инженер, кандидат технических наук. Стихи и проза публиковались в журналах «Арион», «Знамя», «Новая Юность» и др. В «Волге» публикуется с 1999 года. Автор нескольких книг стихов и прозы. Составитель первой российской антологии хайку и трехстиший «Сквозь тишину» (2006). Живет в Москве.

...как стоят под раскрытым в сад окном Алешенька вместе с Лукерьей и предлагают деньги, чтобы выкупить Прасковью, Зорьку и Андриюшу на волю. Хотят они улететь на родину Алешеньки. То есть улететь у них пока вряд ли получится, потому как тарелка Алешеньки разбилась при посадке, но они решили идти к краю земли, а там, на краю, может и видно будет.

...как трется о ногу кошка Лукерья и мяучит, а о чем она мяучит...

...как приходят крестьяне, шапок и армяков не ломают, с вилами наперевес. Траву они уже скосили и грозятся извести на дрова рошу, беседку, дачу, управляющего, дочку кучера, которая живет с ним который год и куда хуже самого управляющего, и трех их выблядков, и даже твою тещу Аглаю Викентьевну, которую... ладно, так и быть, но беседку и дачу...

...как не приходит никто, а только жена велит идти переодеваться к обеду, потому как она терпеть не может турецких халатов за столом, а на обед у вас рыбная солянка из судака, осетрового балыка горячего копчения и раковых шеек. Астраханский балык, маслины и каперсы купили позавчера в городе, лимон жена вырастила на подоконнике, а за раками и судаком посылали кухарку к вдове местного дьячка, Раисе, которая самый удачливый на всю деревню и даже на всю волость рыбак и может ловить рыбу чуть ли не на голый крючок, потому как она, и это известно даже теленку Андриюше, ведьма и может приманивать не то что безгласных раков или судаков, а и собак, и птиц, и людей, не говоря о каких-нибудь божьих коровках или муравьях. Про нее ходят разные слухи. Большею частью нехорошие. Раиса женщина красивая, статная, с толстой косой и ямочками на всегда румяных щеках. Мужчин, к примеру, она может заставить кружить вокруг своей сторожки хоть час, хоть два, хоть ночь напролет, пока ей самой не надоест. Еще и напустит дождь или снег, если зима на дворе. Везде солнце, а вокруг ее дома льет как из ведра или метет метель, и мужик бедный ходит и ходит как заведенный. Споткнется, упадет, встанет и снова идет, не чуя под собой ног. Семейных к ее дому жены близко не подпускают или велят обходить десятой дорогой, а неженатых... Однажды зимой пропали без следа почтальон вместе с ямщиком и тремя тюками почты. Лошадей потом нашли за три версты от Раисиного дома, а они со страху двух слов... Рыба, однако, и раки у нее всегда только что выловленные, продает она их недорого, никогда не торгуется, а послать за ними можно и кухарку.

В третьем часу ночи тишина вокруг такая, какая бывает только тогда, когда летишь где-нибудь в межгалактическом пространстве, в анабиозе, в гипотермии, и до выхода из подпространства еще сто или даже двести световых лет и... все равно не спится. Уже все передумаешь, и пере-тревожишься обо всех близких, далеких и даже тех, кого никогда в жизни не увидел и не увидишь, когда передумаешь даже то, о чем вообще не нужно было думать... и тогда с самого дна, из-под коры, от каких-то старых, замшелых извилин, почти превратившихся в прямые, от каких-то заросших мхом и затянутых паутиной закутков и загогулин начинают подниматься давно забытые стихи, молитвы, заклинания вроде не дай мне бог сойти с ума, или не выходи из комнаты, не совершай ошибку, или остави нам долги наши якоже и мы... или я не участвую в войне – она участвует во мне... На этом месте можно перестать ворочаться с боку на бок, включить свет, встать и идти на кухню капать в рюмку валокордин или коньяк, который лучше капать в стакан.

Быть непризнанным гением просто и удобно. Не нужно ходить по редакциям и предлагать свои рассказы, романы или, не дай бог, стихи. Ты просто знаешь и очень твердо знаешь, что они еще сто раз пожалеют, что отказались взять то, что ты им побоялся, так и не собрался принести,

еще будут на коленях ползать всем своим нобелевским комитетом и умолять взять медаль, еще напишут сто диссертаций, посвященных твоему роману. Ни к чему все эти встречи с читателями в районных библиотеках, первые туры премий, вторые туры премий, финалы, фуршеты, дешевое сухое вино в пластиковых стаканчиках, тарталетки с икрой минтая, сплетни, интриги, обиды маленькие, побольше, большие, преогромные, жгучие, трофические, написанные на лице, ядовитые укусы и долго не заживающие раны, в которые другие писатели норовят насыпать соли. Непризнанному гению достаточно прийти в какую-нибудь рюмочную или пивную с другом или с сослуживцем, встать у липкого столика, залитого пивом и засыпанного рыбьей чешуей, отхлебнуть треть кружки, закурить, выпустить дым и сказать:

– Если бы ты знал, старик, какой рассказ я написал вчера ночью...

И, не дожидаясь ответа, вытереть мокрые от пивной пены пальцы треугольной салфеткой из серой оберточной бумаги, достать из внутреннего кармана сложенные вдвое листки, развернуть их и начать читать:

– Бабье лето – это смесь еще теплого с еще мягким. К нему нужны тонкие блюда вроде конфи из утиной ножки с томлеными апельсинами или из кролика с розмарином, имбирем и яблочным пюре, а к ним груша сорта анжу, сваренная в красном вине с гвоздикой, бадьяном, корицей и парой горошинок перца, чтобы оттенить сладость груши. Женщина, которая подойдет к таким блюдам, должна быть тоже тонкой, с горошинкой перца, с легкими медовыми и миндальными нотками, как выдержанное шабли или Cotes du Rhone с фруктовым ароматом и вкусом лесных ягод на полных чувственных губах. Такая женщина может наколоть на вилку кусочек груши, посмотреть в окно на спешащих куда-то прохожих, на желтеющие деревья, на ворону, одиноко сидящую на ветке, и сказать: «Как лист увядший падает на душу...». Бабье лето – это послевкусие от ее слов, которые катаются на твоём языке как горошины перца с легкими медовыми и миндальными нотками.

После первого абзаца друг или сослуживец* достанет из рта обглоданный хребет воблы, посмотрит на него внимательно и произнесет задумчиво:

– А ведь ты прав. Вобла эта два раза умерла – первый раз, как поймали, а второй – месяца три назад. Вон какая желтая и на вкус прогоркл... Ты продолжай, продолжай. Начало у тебя вышло интригующим. Особенно это место, где про смесь теплого с мягким на полных губах. Сейчас только возьмем еще по кружке и по беляшу.

Ты дочитаешь свой рассказ до конца, съешь беляш, допьешь пиво, попрощаешься и пойдешь домой в полной уверенности, что рассказ получился не хуже, чем у самого Чехова, не говоря о Куприне или Горьком, потому что пока ты читал, к тебе прислушивались два человека – какой-то алкаш с седой клочковатой бородой и в засаленной шапке «петушок» за соседним столиком и уборщица, размазывавшая грязь по полу шваброй с намотанной на нее серой тряпкой. Алкаш даже перестал допивать пиво из оставленных кем-то кружек, а уборщица замерла, и только ее швабра поминутно дергалась, совершая короткие судорожные движения.

Пройдет год, два, три... Начнет темнеть. Ты наконец соберешься с духом и отнесешь в редакцию то, что написал, родил в муках, тебе нащептал голос или даже Голос (нужное подчеркнуть). Сначала в одну, потом, осмелев, в другую, потом в третью, и даже в четвертую. Тебя станут печатать. Сначала в заводской многотиражке, потом в тонком журнале, потом в журнале потолще, потом дадут премию. Не первую, но и не последнюю. Начнут приглашать в районные и даже областные библиотеки почитать, на фуршеты с дешевым красным вином в пластиковых стаканчиках, тарталетками с тресковой икрой и литературными сплетнями. В конце концов признают, но... не признают гением. Тебе приготовят место в треть... нет, во втором ряду – не вольтеровское кресло, конечно, но и не приставной стул. Ты бы уже сел на него и не стоял в проходе, но ты все стоишь и не то чтобы всем, но самому себе точно мешаешь. Ты представлял себе лавровый венок, а оказалось, что это десяток засушенных листиков в бумажном пакетике. Как раз на кастрюлю с супом.

Вот тут-то и начинается непростое, неудобное и неинтересное. Пьяные разговоры за полночь с такими же как ты писателями, вопросы «а он кто такой, а она кто такая, да они чужих на пушечный выстрел... это волчья стая, а не жюри литературной премии...», обиды маленькие, побольше, большие, преогромные, жгучие, трофические, написанные на лице, упреки, обращенные к жене, редакциям, издательствам, комитетам литературных премий и даже к самому себе. Можно было бы вообще пойти по торговой части и теперь, вместо того чтобы... Еще и перечитаешь рассказ, который раньше был не хуже, чем у Чехова, а теперь и до Горького едва-едва... Кончится все тем, что устанешь стоять в проходе и пойдешь садиться на приготовленное тебе место. Будешь сидеть и делать вид, что опоздал к раздаче мест, что присел всего на минутку, пока твое место в первом ряду... но в рюмочную или пивную тебе вход не закрыт. Придешь туда с другом или с сослуживцем, встанешь у липкого столика, залитого пивом и засыпанного рыбой чешуей, отхлебнешь треть кружки, закуришь, выпустишь дым и только откроешь рот, чтобы... как во внутреннем кармане куртки зазвонит телефон, и жена скажет:

– Иди уже домой, Хемингуэй. Капусту купи по дороге и пару морковок.

*Можно в рюмочную или пивную пойти вместе с таким же непризнанным гением как ты сам, но он читать не даст, а после первой же фразы или даже до нее, скажет:

– Ты лучше послушай, что я написал...

Лучше всего красоту цветущей орхидеи, ее томные лепестки с тонкими нервными капиллярами прожилок, ее нежно-фиолетовый цвет беспричинной хандры ниоткуда, хандры не от худа и не от добра с привкусом белого вина, пtifуров с кофейным кремом и терпким запахом Dior Addict, но не тех, которые с бурбонской ванилью, а тех, которые с белым мускусом, оттеняет раннее, еще полутемное мартовское утро, с его морозом, с его пушистым снегом, бесконечно идущим из еще не погашенных с ночи фонарей, с бесконечно идущими прохожими в пуховиках и толстых вязаных шапках, с металлическим скрежетом лопаты дворника, с криками детей, которых взрослые тащат в детские сады, с хриплым карканьем ворон, с постоянным гудением лифта за стеной, с хлопаньем дверей, с запахом подгоревшей яичницы, с овсяной кашей, которую нужно быстро запихнуть в себя, одеваться и бежать к остановке автобуса, чтобы ехать на работу.

Дождь идет и идет, не останавливаясь ни на минуту – холодный, противный весенний дождь, на который лучше всего смотреть через окно. В почти пустом маленьком кафе тепло, жужжит, шипит и шумно дышит кофемашина. Бариста время от времени постукивает по столу металлической кружкой со взбитым молоком, и еле слышно играет такая же бесконечная, как и дождь, музыка. Мужчина за столиком у окна срезает ножом завиток взбитого крема со своего пирожного и намазывает на ломтик шоколадного кекса, лежащий на тарелке его спутницы. Она улыбается ему благодарно и чуть застенчиво. Ты отламываешь один или два квадратика от плитки шоколада с белыми грибами и мускатным орехом, кладешь их в рот, делаешь глоток эспresso и думаешь:

– А говорят, на рубежах бои...

В списке евреев города Баргузин и баргузинской округи за 1892 год встретился мне человек по имени и фамилии Лейба Калека. Сначала я представил его толстым, румяным и веселым,

любящим выпить и закусить, но потом прочел, что род его занятий хлебопашество, и понял, что толстым он вряд ли был. Так и вижу его сеятелем с развевающейся бородой и пейсами. Со стороны Байкала дует баргузин, семена ржи относит в сторону, и они застревают в его бороде. Его лошадь, как это принято у евреев, вечно с ним спорит, советует не сеять против ветра и вообще вдоль, а не поперек, и считает, как и жена Лейбы Фира, что нужно наняться рабочим на золотые прииски, а не заниматься вот этим вот всем с плугом, семенами, озимыми и каменной землей. Лейба злится на нее, спрашивает какого черта она с ним увязалась сеять, кто ее просил. Осталась бы дома и помогала Фире по хозяйству. Лошадь его не слушает и продолжает говорить, говорить...

Случайно попалась мне на глаза фотография Клайва Стейплза Льюиса в рабочем кабинете, и вдруг страшно захотелось быть английским писателем и жить в мирное время или, по крайней мере, в длинном промежутке между войнами. Захотелось носить твидовый костюм-тройку кофейного или оливкового цвета и чтобы на письменном столе возле пишущей машинки лежали, как у настоящего курильщика, две вересковых трубки, чтобы пахло от меня табаком Dunhill и любимым древесным фужерным ароматом Яна Флеминга Floris №89, чтобы стол был завален папками с рукописями и выписками из справочников и энциклопедий, чтобы кабинет был заставлен книжными шкафами, чтобы шкафы были забиты старинными фолиантами в переплетах из телячьей кожи. Захотелось быть профессором с ученой степенью и преподавать английскую или любую другую литературу, жить в собственном доме с небольшим садиком, но не в деревне, пусть даже и английской, а в Оксфорде или Кембридже, чтобы все в доме ходило на цыпочках, пока я с шести утра и до завтрака, и после завтрака до чая со сливками, бисквитами и сэндвичами с холодным ростбифом, маринованными огурцами-корнишонами и дижонской горчицей буду работать над новым историческим романом или антиутопией. Захотелось перед обедом выпивать рюмку испанского хереса, а после обеда уходить в кабинет пить кофе с коньяком, курить трубку и писать чернильной ручкой с золотым пером длинные письма таким же как я английским писателям. Захотелось в письмах развивать какие-нибудь философские или политические теории, ругать правительство и парламент, давать им ценные советы, которые потом войдут в пятнадцатый или даже девятнадцатый том собрания сочинений. Захотелось сказать жене: «Надоел мне до чертиков этот отель на Майорке с вечно подвыпившими соотечественниками. Давай махнем куда-нибудь в Южную Африку или в Аргентину, или купим тур в Антарктиду. Твою норковую шубу в Англии не выгулять – загрызут защитники животных, а там, среди айсбергов, русских нуворишей, немецких и американских пенсионеров...», но... черт догадал меня с душой и талантом родиться там, где я родился. Жизнь оказалась длиннее промежутка между войнами, или промежуток оказался слишком короток. Испанского хереса, английского табаку, не говоря об английском парфюме, теперь в магазинах не сыщешь, ценные советы правительству, парламенту, ругань в их адрес, политические теории могут вписать в протокол, и за них придется заплатить, а за ругань заплатить в двойном размере. Впрочем, теперь могут выписать штраф и за просто открытый рот, потому что неизвестно, чем ты этим открытым ртом собираешься заниматься – то ли считать ворон, то ли откусить хлеба с салом и соленым огурцом, после того как выпьешь водки, то ли наговорить такое, за что и оштрафовать мало. Коттеджа и садика у нас нет, Антарктида отпадает, потому как у жены норковой шубы нет. По принципиальным соображениям, а не то, что вы подумали. Короче говоря, ни к чему нам Антарктида. Вот Турция или Грузия... Без садика тоже обойдемся – ближе к лету вырастим на подоконнике помидоры черри, огурцы, баклажан, мяту для чая и гиацинты. Нет, у меня, конечно, есть мешки под глазами, ученая степень и вересковая трубка, но этого маловато для того, чтобы почувствовать себя насто-

ящим английским писателем хотя бы на час после обеда. Тем более что курить я давно бросил. Одно хорошо – не нужно писать никакой антиутопии, поскольку мы в ней живем. Впрочем, и с написанием утопий лучше не связываться. Томас Мор, как известно, плохо кончил. Лучше сразу переходить к историческому роману.

По-настоящему Россию с ее бесконечной зимой, лихим человеком посреди ледяной пустыни, с ее печным теплом, с ее жандармами, обедами, лежащими комом в желудке, после которых чувствуешь в себе тяжести на пуд больше, с ее Петрушками, всегда носящими с собою какой-то свой особенный воздух, отзывающийся несколько жилым покоем, с ее провинциальными гостиницами, щами с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких недель, с ее мадерой, беспощадно заправленной купцами ромом, а то и царской водкой, в надежде, что русские желудки все вынесут, сосисками с капустой, которой по всем коридорам так несет, что береги только нос, с ее попечителями богоугодных заведений, унтер-офицерскими вдовами, норовящими сами себя высечь, с ее судьями, берущими взятки борзыми щенками, с ее прокурорами, ворочающими во все стороны бровями, с ее Белинским наконец, Гоголь никогда не любил. По-настоящему он любил только Италию – эту родину его души, с ее ласковым теплом, безоблачным серебристо-голубым небом, нежным шелковым воздухом, с ее спагетти, сваренными до состояния *al dente*, с ее кьянти, с ее лазаньями и пармезаном, с ее золотистым шафранным ризотто с мидиями и лангустинами, с ее только что вынутыми из печи огнедышащими пиццами и уютными пьядцами, украшенными фонтанами и фонтанчиками, живописными нищами, живописно просящими подаяния, и русскими живописцами, пишущими портреты этих нищих, с ее неприбранными античными развалинами, обломками беломраморных и порфирных колонн, увитых плющом, картинами Рафаэля, церквями, в которых только и молятся по-настоящему, а не показывают вид, с ее итальянцами, «которые первый народ в мире», а немцы после них «со всею их мелкою честностью и эгоизмом» кажутся такими гадкими... Он даже писал то ли Аксакову, то ли Киреевскому, то ли всем им вместе про то, что черт догадал его родиться в Полтавской губернии с талантом, несварением желудка и геморроидальными запорами, вместо того чтобы родиться в Риме или в Неаполе или, на худой конец, в Баден-Бадене. Россию Гоголь любил только ту, которую сам и выдумал из головы – и птицу-тройку, и коней с медными грудями, и разорванный в куски воздух, и бойкий народ, и землю, что не любит шутить, и даже другие народы и государства, которые косясь, посторониваются и дают ей дорогу. Нет, они, конечно, косятся, но так, чтобы посторониться и дать дорогу...

Всю ночь мела метель. Под утро проснулся, стал смотреть в окно на вихри и рои вылетающих из туч снежинок, на конусы голубого и желтого света от уличных фонарей, в которых они пляшут до изнеможения, прежде чем упасть на землю, на сугроб на крыше трансформаторной будки, на засыпанные снегом машины во дворе, на дворника с лопатой, занятого сизифовым трудом, и думать о том когда наконец закончится все то, что ничем хорошим закончиться не может, а если не закончится, то что делать – смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление, но прежде принять таблетки, сдать анализы и с ними пойти к врачу. И получить больничный на неделю... нет, лучше на две и лечь в постель или залезть под плинтус, чтобы уснуть и видеть сны? Вот в чем вопрос...

Меня всегда интересовали детали. Уже в пятом классе средней школы, когда мы начали изучать историю Древнего мира, я вдруг понял, что меня интересуют больше всего не пирамиды, не грандиозные храмы, не завоевательные походы фараонов, а быт древних египтян – чем питались, что носили, в каких домах жили, как ловили рыбу в Ниле, как готовили пойманных на охоте уток, на каком масле жарили яичницу из крокодиличьих яиц и о чем думали, когда ложились спать. О чем разговаривали перед тем, как закрыть глаза. Жаловались ли на жару, на маленькую зарплату, на отсутствие бесплатных обедов на строительстве гробниц в Долине Царей и на мозоли, натертые новыми сандалиями. О чем думал фараон перед тем, как заснуть – о том, что жрецы плетут интриги, что царица рождает каждый год девочек или о том, что завтра вставать ни свет ни заря и идти в поход против гиксосов или хеттов.

О чем думал, засыпая, средневековый монах – переписчик, к примеру «Географии» Страбона. О чем он размышлял, прикрыв покрасневшие от напряжения за день глаза – о дальних странах, которые он никогда не видел, или о людях с песьими головами или совсем без головы, с глазами на груди, которых он сам же и выдумал из головы, или об Индии, которая в те времена была восточным краем ойкумены, или о крае земли, на котором стоит преогромная гора, с вершины которой можно дотянуться до низко висящих звезд или ухватить за хвост небольшую комету, или о том, что бобы и чечевица стоят поперек горла, что хочется съесть целиком зажаренного каплуна, а потом замаливать этот грех, что пропущен твердый знак в слове песьеглавы, что нужно его как-то втиснуть, но как... что яйца и сыр нужно ждать до субботы, что монашки соседнего монастыря...

О чем думал, падая вечером от усталости на лавку, черносошный крестьянин, в деревню которого пришли царские писцы и давай описывать все подряд – и трех кур, и тощую корову, и курную избу, и коровья ржи, и коровья овса, и огород, на котором, кроме репы, капусты и гороха, ничего толком и не росло, потому что зима семь месяцев в году, и паханную землю, и непаханую, и покосы, и каждую копну сена, и пятеро детей, и кошку, и собаку... Ничего он долго не думал, а только успевала мелькнуть в его голове мысль о том, что хорошо бы улететь отсюда за тридевять земель в тридевятое царство... или дать денег подьячему, чтобы записал он земли не столько, сколько есть на самом деле, а...

О чем думали мои бабушка, дедушка и мама, ложась спать двадцать первого июня сорок первого года в Киеве. Маме было пять лет, и она который день подряд думала о кукле, которую ей обещал купить мой дедушка. О чем думала бабушка, работавшая медсестрой в больнице... Наверное, о том, что лето жаркое, о новых туфлях, на которые денег нет и неизвестно когда будут, о вечной игле для примуса, о том, как хорошо было бы переехать из полуподвальной комнаты, в которой они жили, на второй или даже на третий этаж... Точно знаю, о чем она не думала – о том, что через пять месяцев получит похоронку на мужа, погибшего где-то в районе Чернигова, о том, что следующие четыре года они с мамой проведут в эвакуации на Урале, о том, что одна из ее сестер вместе со всей своей семьей погибнет в Бабьем Яру, о том, что ровно в четыре утра Киев станут бомбить.

О чем думали немецкие летчики, ложась спать пораньше, чтобы проснуться часа в два, получить свои полетные задания, на которых обозначены мосты, военный аэродром и заводы и полететь в Киев, до которого часа полтора лета. Может, и вовсе не ложились спать, а сидели, пили свой кофе, курили сигареты «Oberst» и думали о том, как отоспятся после возвращения в расположение своего полка или эскадрильи, о целях, которые им предстояло бомбить, о том, что привезут из России в подарок жене и детям, о Киеве, который представлялся им... бог знает как он им представлялся. Точно знаю, о чем они не думали – о моей бабушке, о моем дедушке и о моей маме, которым придется выбегать на улицу в чем мать родила и прятаться от зажигательных и фугасных бомб, падающих с безоблачного неба.

Если разобраться, то ничего в сухом остатке от этого весеннего дня не останется – ни шума ветра, ни больших и маленьких парусов на горизонте, ни солнечных бликов на воде, ни барашков на волнах, ни холодных пузырчатых брызг, ни вкуса кофе на губах, ни запаха духов, ни книги на коленях, ни негромких слов, ни улыбки, ни мелькания руки, поминутно поправляющей растрепанные ветром волосы, ни теплого шерстяного запаха большой серой шали, только лет двадцать или тридцать спустя, на каком-нибудь семейном празднике или юбилее, окруженный родственниками, детьми и внуками, поднимая рюмку водки перед тем, как сказать тост, вдруг поймешь, что все могло быть иначе, если бы тогда... и закашляешься, поперхнувшись водкой. Жена постучит тебя по спине, ты вытрешь выступившие слезы и попросишь передать тебе седлку с луком.

Сидишь на берегу под ивой, между водой и небом, уминаешь в трубке, перед тем как закурить, пахнувший медом и черносливом темно-золотой табак, смотришь на воду, на плывущий по ней бело-голубой теплоход и думаешь о том, что весной даже ручьи текут в дальние страны, а уж про реки и говорить нечего. Там, вдали, за поворотом, должно быть вовсе не Конаково и даже не Кимры, а какой-нибудь Занзибар или Таити. К вечеру, когда стемнеет, причалит теплоход к острову, поросшему пальмами, оливковыми деревьями и бугенвиллеями. Туристов на лодках переправят на берег, где их встретят мужчины в накидках из дубленых буйволиных шкур и женщины в набедренных повязках из травы, в бусах из окрашенных семян тамаринда и ореховых скорлупок, в перьях райских птиц. До самого утра островитяне будут перед гостями петь, плясать, бить в большие и маленькие барабаны, звенеть браслетами на руках и ногах, кормить их запеченными в кокосовых сливках молочными поросятами и поить брагой из забродивших плодов хлебного дерева, а утром с большими головами, измученные похмельем туристы приплывут в Кимры и будут умирать от жажды, слушая экскурсовода в местном краеведческом музее. Кроме тех, кто запутается в зарослях травы набедренных повязок и не сможет вернуться на борт... Все это, однако, там, за поворотом, а здесь в котелке жена варит уху из подлещиков и карасей, которых сама же и наловила за час на почти голый крючок, в том смысле, что она на него только поплевала. Здесь у нее на гриле запекаются баклажаны с чесноком, медом и мелко порубленной петрушкой. Здесь плавает в садке вместе с карасями бутылка настойки на черносмородиновых почках и еще две бутылки темного портера притаились в багажнике машины. Таити, Таити... Не были мы ни на каком Таити. Нас и здесь неплохо кормят, а если жене еще и купить бусы не из семян тамаринда и ореховых скорлупок...

Накануне Старого Нового года зашел в маленькую рыбную лавку. Продащица, после того как я оплатил свою покупку, поздравила меня с наступлением праздника, а когда я ее ответно поздравил и пожелал всего наилучшего в новом году, сказала:

– Вы ведь празднуете, да? – и сама ответила – Правильно делаете. Это наш, настоящий русский праздник, а не тот, который нам навязали.

– Кто нам навязал? – осторожно спросил я.

– Запад, – отвечала она. Наш настоящий Новый год наступит только завтра, а не две недели назад. Пора возвращаться к нашим корням. К славянским.

Мое молчание она истолковала как знак согласия и предложила мне черную икру со скидкой, а когда я поблагодарил и отказался, сказала:

– Зря вы не берете. Скидка очень хорошая по случаю Нового года. Две недели была и завтра кончается. Все берут. Всего восемь тысяч. Ну, как хотите. Еще раз с наступающим.

Семья писателей. Жена – маленькая, хрупкая женщина-прозаик, состоящая из одних углов, с энергией ядерного реактора на быстрых нейтронах. Муж – детский поэт, большой, мягкий, плюшевый увалень, который, несмотря на свои размеры, полностью умещается под острым каблуком своей супруги, которая каждый год выдает на гора по толстому женскому роману, которые муж, перерабатывая тысячи тонн словесной руды, день и ночь редактирует, успевая при этом варить манную кашу двум близнецам – дочери и сыну трех лет, вытирать им носы и рассказывать сказки, которые сам же и сочиняет. Толстые романы жены пользуются бешеным успехом. Женщины над ними плачут, мужчины млеют над изысканными эротическими сценами, а критики хвалят за тонкий психологизм с пряными нотками истерии и горького одиночества. Она что ни день дает интервью, ведет еженедельную передачу о писателях «Пусть пишут», заседает в жюри литературных премий, успевая при этом заводить бесчисленные романы с писателями, художниками, кинорежиссерами и даже содержать одного непризнанного и никого не признающего поэта, в котором есть что-то сильное, могучее и медвежье, как в чеховском Дымове, но без медицинского образования. Мужа своего она давно не любит. Ей часто снится, как она уходит от него – непременно босая и непременно по снегу, но даже во сне она понимает, что успехом своих романов, которые на самом деле не столько ее, сколько его... и с неистовой силой изменяет ему снова и снова. Романы ее становятся все толще, все тоньше в них психологизм, и нотки истерии сливаются в один протяжный вой и нестерпимо горчат одиночеством. Непризнанному поэту она страшно надоедает, и он бросает ее ради какой-то грубой и вульгарной кассирши из супермаркета, отвратительно пахнущей приторными духами. Проходит несколько лет, потом еще несколько и еще лет пять или шесть. Она становится брюзгой, толстеет и уже начинает прикладываться к бутылке и транквилизаторам, как вдруг ей присуждают Нобелевскую премию по литературе. Муж страшно рад, пишет жене Нобелевскую лекцию и выбирает жене платье. Жена смотрит на все эти приготовления совершенно равнодушно и даже с отвращением. Она теперь не просто не любит своего мужа – она его ненавидит за то, что ей приходится получать его Нобелевскую премию, за то, что он все эти годы терпел ее, прощал измены, растил детей, редактировал, а фактически переписывал ее бездарные скучные романы, не устраивал скандалов, ни разу не поднял на нее руку, и даже сейчас ни слова упрека, ни... Она, наверное, была бы рада, если бы он избил ее сейчас, но он только спросил, что брать из ее вещей и в какой чемодан складывать. В ночь перед вручением премии, уже в стоковой гостинице, прислушиваясь к тому, как тихонько сопит муж на другом краю широкой, как шестиполосное шоссе, кровати, она встает, берет свою подушку, бесшумно обходит кровать и...

Утром в номер долго стучит прислуга, а потом, когда его открывают ключом администратора гостиницы, видят на смятой постели мертвого мужчину, мертвецки пьяную женщину, мычащую что-то нечленораздельное и размазывавшую пьяные слезы по морщинистому лицу. На суде она молчала, за нее говорил ловкий и красноречивый адвокат, логически доказавший, что преступление было следствием воспаления мозга, начавшегося задолго до ночи в отеле, благодаря неумеренному употреблению алкоголя вкуче с транквилизаторами. В тюрьме, в которую ее посадили на восемь лет, с учетом смягчающих обстоятельств, выисканных где-то за большие деньги адвокатом, она написала автобиографический роман. Критики его ругали за отвратительный слог,

но читателям они не смогли этого объяснить, и потому роман выдержал два или три издания. Женщины над ним плакали, а мужчины...

Поэт среди поэтов напоминает еврея в Израиле.

Идешь по улице Луначарского, смотришь на серую, полинявшую, точно с креста снятую Климентовскую церковь, на обветшавшие дома девятнадцатого века, на окна с фикусами, алоэ, орхидеями, геранями и розами в горшках, на палисадники возле этих домов с буйно цветущими мальвами, шарами гортензий, гладиолусами, левкоями, флоксами и бархатцами, на заросли топиамбура, вылезавшие за покрашенный синий краской штакетник, на заколоченные двери парадных подъездов, на держащиеся на честном слове ставни, на закрытую железную дверь магазина «Пирог» с полинявшей вывеской, которую, кажется, лет десять никто не открывал, на хорошо оштукатуренное, побеленное и покрашенное здание Торжокской межрайонной прокуратуры, занимающее памятник архитектуры второй половины девятнадцатого века, на мезонины купеческих домов, увешанные ржавыми тарелками телевизионных антенн, на оббитое унылым пластиковым сайдингом кафе «Надежда», в котором можно пообедать борщом, солянкой, пожарскими котлетами и мясом в горшках, на обвалившуюся затейливую лепнину старинного полуразрушенного особняка, на гипсовую женщину с лирой в руках, изо всех сил старающуюся не выпасть из ниши на втором этаже, и думаешь – стал бы ты радоваться, если бы все здесь было ухожено, оштукатурено и покрашено, если бы кресты на Климентовской церкви были позолочены, если бы колокольный звон на всю улицу, если бы в магазине «Пирог» торговали горячими пирогами, калачами, расстегаями с рыбой и ватрушками величиной с тарелку, если бы на открытой веранде кафе «Надежда» сновали половые и разносили бы карамельные латте, чизкейки, пышущие жаром пожарские котлеты, обложенную льдом зернистую икру в вазочках и запотевшие графины с водкой, если бы из какого-нибудь открытого окна доносились звуки рояля и кто-то приятным баритоном пел бы «Однозвучно гремит колокольчик», если бы... Нет, не стал бы. Если бы знать почему...

Идешь по улице Луначарского в Торжке, смотришь на серую, полинявшую, точно с креста снятую Климентовскую церковь, на обветшавшие дома девятнадцатого века, на окна с фикусами, алоэ, орхидеями, геранями и розами в горшках, на палисадники возле этих домов с буйно цветущими мальвами, шарами гортензий, гладиолусами, левкоями, флоксами, левкоями, золотыми шарами, флоксами, бархатцами, на буйные заросли топиамбура, вылезавшие за покрашенный синий краской штакетник, на заколоченные двери парадных подъездов, на держащиеся на честном слове ставни, на закрытую железную дверь магазина «Пирог», на хорошо оштукатуренное, побеленное и покрашенное здание Торжокской межрайонной прокуратуры, занимающее памятник архитектуры второй половины девятнадцатого века, на мезонины купеческих домов, увешанные тарелками телевизионных антенн, на оббитое унылым пластиковым сайдингом кафе «Надежда», в котором можно пообедать борщом, солянкой, пожарскими котлетами и мясом в горшках, но отчего-то не хочется, на обвалившуюся затейливую лепнину старинного полуразрушенного особняка, на гипсовую женщину с лирой в руках, изо всех сил старающуюся не выпасть из ниши на втором этаже, и думаешь – стал бы ты радоваться, если бы все здесь было ухожено, оштукатурено и покрашено, если бы кресты на Климентовской церкви были позоло-

чены, если бы колокольный звон не только малиновый, но и клубничный, если бы в магазине «Пирог» торговали горячими пирогами, калачами, расстегаями с рыбой и ватрушками, если бы на открытой веранде кафе «Надежда» шустрые половые разносили бы карамельные латте, чизкейки, ботвиньи, румяных молочных поросят с хреном и обложенную льдом зернистую икру в вазочках, если бы из открытых окон доносились звуки рояля и кто-то приятным баритоном пел бы «Однозвучно гремит колокольчик»... Конечно, стал бы. Наверное, даже посидел бы на открытой веранде с карамельным латте и поросенком. Потом расплатился бы и... пошел обратно, домой – к заколоченным дверям парадных подъездов, к зарослям топинамбура, к падающей гипсовой женщине и к снятой с креста Климентовской церкви. Почему обратно? Если бы знать почему. Как там у Бунина: «В силу чего русской душе так мило, так отрадно запустение, глушь, распад?» Может, поэтому, или...

Земляничное варенье, хотя и близкий родственник клубничному, все же от него отличается. Клубничное, к примеру, можно намазать на булку. С земляничным так не поступишь. Даже если булку предварительно намазать толстым слоем сливочного масла, и то... Нет, земляничное нужно есть маленькой серебряной ложечкой, доставшейся по наследству от бабушки или прабабушки, из миниатюрной розетки тонкого костяного фарфора, на дне которой в самых мелких подробностях нарисованы незабудки, ландыши и сцены из жизни бабочек, муравьев и стрекоз. Клубничное варенье идет женщинам одомашненным и одомашнивающим, сладким, пахнущим сладкими духами, умеющим варить борщ, печь пирожки с ливером, ватрушки, и плачущим над стихами о несчастной любви. Клубничное едят после обеда за разговорами о засолке огурцов, о новых шторах в спальню и о том, как поднялись цены на все и особенно на увлажняющий крем для рук. Земляничное – это женщины дикие, даже когда выглядят вполне одомашненными, пахнущие пряностями, попутным ветром, дальними странами, полынью, нагретыми солнцем лесными полянами, губами, перепачканными земляникой и приключениями на искусанные муравьями и комарами... Земляничное варенье едят за яростными спорами о предметах неважных и ненужных вроде реминисценций в прозе Набокова, или о теории фрустрации, о том, чем она отличается от прострации, галлюцинации и дегустации, или вообще не едят, а застывают с поднесенной ложкой к закрытому наглухо рту, долго смотрят в окно на серые мышьи сумерки, на крупные капли дождя, сползающие по стеклу, на блестящие от воды листья деревьев, на едущие по лужам машины, а потом говорят:

– Уже поздно. Завтра на работу рано вставать. Как я устала от этих умных рассуждений о фрустрации... Выдумали ее на наши головы... Слово-то какое – точно картон жуешь. Во рту от него пересохло. Кажется, у нас оставался коньяк. Ты вот что. Налей мне и сходи-ка в продуктовый. Купи полкило телячьих сарделек, селедки, сыра с голубой плесенью, маслин... Если не будет селедки – возьми граммов триста килекпряного посола, пачку вологодского сливочного масла и багет. К чаю... ничего не бери – у тебя коньяк, а у меня целая банка земляничного варенья. Разрежу багет вдоль, намажу его маслом, а сверху вареньем. Не копайся, иди быстрее, а я пока нажарю картошки.

Когда приступаешь к написанию текста, поиск слов для первых двух или трех предложений напоминает геологоразведку. Слов пять или шесть можно просто подобрать из тех, что валяются под ногами, а вот остальные придется выкапывать из земли и даже вырубать из скальной поро-

ды. Может быть, придется заложить шурф, выгresti из него не один кубометр словесной руды, тщательно ее просеять и убедиться в том, что найденные слова не те, которые нужны, и вообще шурф заложен не в том месте. Бывает так, что найденные по отдельности слова почти подходят, но начинаются не с той буквы, или их окончания таковы, что не подходят к приставкам следующих за ними слов, или вовсе относятся к совершенно другому тексту, который ты и не думал начинать писать, но... выбрасывать их в отвалы жалко. Тогда откладываешь в сторону уже связанные между собой на живую нитку первые несколько слов, начинаешь писать другой текст и... все повторится с самого начала.

Сидишь на балконе, смотришь на догоревший закат над озером, на подмигивающие катерам и яхтам бакены, на горы белоснежных, сиреневых, мандариновых, жемчужно-серых, опалово-дымчатых облаков, на их отражения в сонной воде, на мерцающие огоньки на том берегу, на синеющую на глазах бледно-розовую полосу неба над почерневшим и помрачневшим лесом, на лодку с застывшим в ней рыбаком, на облепленный водорослями, ракушками и очумело ползающими раками сырнй круг луны, медленно и тяжело поднимающийся из глубины, слушаешь пронзительные, проникающие как ранение, крики вечно голодных чаек, остервенело его клюющих, пока он не успел подняться высоко в небо, хриплое, сгущающее сумерки, карканье ворон, швейное тарахтенье лодочных моторов, плеск рыбы, округлое кваканье лягушек, колокольчиковый женский смех, с журчанием переливающийся из пустого в порожнее, невыносимо тонкое зудение комаров, и думаешь о том, что все слова и все составленные из них простые, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, все причастные и деепричастные обороты, все полуобороты и даже четверть обороты, все эпитеты, все метафоры, все анафоры и все эпифоры, которые ты сейчас выдумал из головы, должны будут встать в бесконечную очередь, начала которой не увидеть, как ни подпрыгивай, а вслед за ними мгновенно пристроятся десятки, сотни и тысячи чужих слов и предложений, которые будут кричать: куда вы лезете, мы с прошлого года здесь стоим, и на нас даже не взглянули, всем только показаться... и это при том, что очередь выбрана правильно и можно хотя бы через двадцать или даже через пятьдесят лет достояться, а не попасть в макулатуру или на книжную полку какой-нибудь районной больницы или гостиницы и там заплесневеть между двухтомной энциклопедией кашля, пособием по борьбе с кабачками на садовом участке и романом о трудной судьбе сельской библиотекари, разлюбившей женатого секретаря райкома партии... а потому ты вздыхаешь, потом еще раз вздыхаешь, поднимаешься и идешь в комнату пить сухое красное вино и закусывать тамбовским окороком, черным хлебом, арбузом, конфетами курага в шоколадной глазури и рассказами Чехова.

Усадьбе без малого две с половиной сотни лет. Построил ее для своей молодой жены екатеринский генерал. Не просто генерал, а генерал-аншеф и сенатор в придачу. Его жена была моложе мужа на семнадцать лет. Она, по ее собственным словам, генерала не любила, но вышла за него единственно потому, что он был человек мягкий, добродушный и из него можно было вить не только веревки, но и самые тонкие веревочки и даже связывать их в узлы, если с утра встанешь не с той ноги или шлея попадет под хвост. При этом не теряя к мужу уважения. Так бывает не только с генерал-аншефами, но и с... да с кем угодно может случиться.

Как бы там ни было, а генерал молодую жену любил, а поскольку был не просто богат, а очень богат и владел поместьями и крепостными крестьянами то ли в двух, то ли в трех губерниях, то

решил подарить ей усадьбу. Не просто усадьбу, а целый дворцово-парковый комплекс и объект культурного наследия федерального значения, как теперь принято выражаться. Построил он ее в одном из своих имений, аккуратно на пути из Москвы в Петербург или из Петербурга в Москву. Была у генерала тайная надежда, что императрица, случись ей проехать из старой столицы в новую и обратно, остановится в усадьбе отдохнуть, выпить чашку кофею с густыми деревенскими сливками и отведать какого-нибудь нежнейшего бланманже с только что собранной земляникой, которое по такому случаю приготовит специально выписанный из Петербурга повар, и прогуляться по парку, опираясь на руку хозяина усадьбы.

Строили усадьбу одиннадцать лет пять архитекторов, и вышла не просто усадьба, но архитектурная жемчужина. Тут тебе и трехэтажный барский дом, каждый этаж которого равен двум, а то и трем сегодняшним, и четыре огромных флигеля, в одном из которых был кабинет генерала с его архивом, в другом оранжерея с арбузами, дынями и персиками, в третьем домашний театр, в четвертом – каретный сарай, и посреди огромного двора, окруженного колоннадой, фонтан с наядами, а вокруг всего этого – огромный английский парк, со множеством уединенных павильонов для любовного шепота, гrotто для страстных объятий, беседок для нежных вздохов и нескромных поцелуев в самых укромных уголках, с четырьмя каскадными прудами, а на самом большом пруду остров, на котором, по преданию, сам генерал-аншеф посадил сосну.

Окончание строительства праздновали на широкую ногу, и не на одну. Гостей понаехало... В усадебном театре каждый день представляли то «Бригадира» Фонвизина, то «Венецианскую монахиню» Хераскова, глядя на которую дамы обливались слезами, то балет «Тщетная предосторожность», то живые картины с пастухами и пастушками, а то просто кавалеры шли за кулисы и там, с крепостными актерками... Лакеи сбивались с ног, разнося по садовым беседкам мороженое, фрукты и французское шампанское.

Через две недели праздник кончился и все разъехались. Генерал, который к тому времени стал генерал-губернатором сначала одной из южных губерний, а потом одной из северных, уехал к месту службы, а жена за ним. В новой усадьбе она бывать не любила – больше жила в подмосковном имении. Когда генерал через двенадцать лет умер, окончательно переехала в свое подмосковное имение, а в этом больше не появлялась. Архитектурная жемчужина стала стареть, ветшать и осыпаться. Жемчуг, как известно, жив, пока его носят, а если лежит без дела... Усадьба переходила по наследству, ее продавали и перепродавали. Ей было трудно найти хозяина – так же как трудно бывает очень красивой женщине выйти замуж. При советской власти в ней сначала устроили картинную галерею, потом колонию для несовершеннолетних, потом военный госпиталь, потом турбазу, потом профилакторий, потом пионерлагерь, потом бутик-отель, потом он прогорел...

Теперь в заброшенной усадьбе само собой устроилось место для печальных размышлений. Бродишь по парку среди вековых лип, представляешь себе галантных офицеров в треуголках с золотым позументом, статских в бархатных кафтанах и фраках, дам в атласных и парчовых робах, украшенных кружевами и лентами, их неторопливые разговоры о недавнем возвращении императрицы из Крыма, о начавшейся войне со Швецией, о том, что Турция и Франция дают деньги Швеции, чтобы та воевала с Россией, о том, что Англия и даже Пруссия... о том, что с Турцией вот-вот начнется... о морских сражениях, об артиллерийских дуэлях, о рекрутских наборах, ставших почти ежегодными, о том, что... и думаешь о том, когда же все это наконец закончится – и война, и сражения, и артиллерийские дуэли, и разговоры о них, и рекрутские наборы, и похоронки, и похоронки, и похоронки...

Еще вовсю цветут георгины, задумчиво покачивая своими лохматыми фиолетовыми, желтыми, розовыми и белыми головами, но уже горько пахнет опавшей листвой, и ее легкий и сухой

шорох забирается внутрь, под одежду, и там рассыпается на тысячи мурашек, еще вы пьете чай на открытой веранде, но официант уже приносит жене плед, еще ты по привычке заказываешь шардоне к щучьим котлетам, но уже понимаешь, что лучше бы водки, еще сумерки и не начинали синеть, но уже чернеют, еще по дорожкам парка ходят, катаются на самокатах и бегают, но в черной темноте за черными деревьями уже прячутся черные руки, горят черные костры и светятся невидимым черным светом черные глаза. Еще вы идете по этим дорожкам, еще держитесь за руки, еще болтаете и смеетесь, как вдруг откуда-то сбоку, из зарослей бузины, выкатывается вам под ноги черное колесико...

Последними отцветают хризантемы и бархатцы. За ними только падающие листья, рыжие сосновые и лиственничные иголки, разбитые на тысячу мелких осколков сны и слова в этих снах, которые можно было бы не говорить, а просто повернуться и медленно уходить куда глаза глядят, пока тебя не остановят и не скажут:

– Мужчина, это не вы слезинку обронили? Вот эту, крошечную? То есть как не вы, а вон та женщина? Я же вижу – она маленькая, мужская и очень скупая. Вы мне не рассказывайте. Женские совсем другие – раза в три крупнее и горячие, а ваша даже сухой лист не смогла зажечь... Мужчина, вы руками-то не машите. Просыпайтесь и ступайте себе домой. Конечная, приехали. Трамвай в депо идет. Выпьют, понимаешь, а потом руками махать...

Семена в пакетиках с картинками

Дедушка мой по папиной линии, был мужчиной крупным, с такой же крупной головой, бритой наголо. Эта привычка брить голову осталась у него еще со времен гражданской войны. К семидесяти годам волос на его голове почти не осталось, но дед каждое утро тщательно водил по остаткам щетины электробритвой «Харьков». В хорошем настроении и мне разрешал поводить. Я водил с удовольствием, держа бритву двумя руками и командуя деду, куда ему наклонять голову. А в один прекрасный день я решил посмотреть – каким винтиком эта бритва жужжит...

Дед был красным кавалеристом в отряде Щорса. Воевал храбро, за что имел наградную саблю в ножнах с серебряными накладками. Само собой, я живо интересовался дедушкиными подвигами. Вот только раскрутить дедушку на воспоминания было трудно. Обычно, начав рассказывать про какую-нибудь кавалерийскую атаку, дед умудрялся засыпать в самом интересном месте. У меня вообще создалось впечатление, что после команды «Эскадро-о-он! Шашки наголо!» красные конники обычно кемарили в седлах. Я начинал отчаянно тормозить дедушку, требуя продолжения. Дед с трудом разлеплял глаза и продолжал уже совершенно с другого места:

– И крови натекло...

– Полные штаны, – заканчивала появившаяся в дверях бабушка. – Хватит ребенку голову морочить всякими рассказками. Лучше сходите на рынок.

Надо сказать, что бабушка не очень любила дедушкино революционное прошлое. Как-никак у ее родителей до всей этой заварухи в семнадцатом году была сапожная мастерская с наемными сапожниками, а у дедушки только одиннадцать братьев и сестер в деревне Дубровка. Бабушка говорила, а я не мог, не хотел поверить, что дед вовсе не собирался воевать ни за красных, ни за белых. Он, вместе со своим закадычным дружкой, Колькой Левченко, достаточно успешно прятался и от тех, и от других, пока их все же не забрали в солдаты красные. Мало того, бабушка, следуя непогрешимой женской логике, обвиняла деда и в том, что он после войны незамедлительно демобилизовался, а Колька остался в армии и дослужился до генерала. Зато у дедушки

были настоящие шрамы от сабельных ударов, и он мне давал их потрогать. Еще один такой, так и не заживший шрам на старом-престаром кухонном буфете мне показала бабушка. При этом она громким шепотом добавила, что если бы ей собрались ставить памятник за проявленное мужество и героизм при несении семейной службы, то уж памятник этот был бы... величиной с огромную дулю, которую показал ей дед, появившийся в этот момент на кухне с корзиной, а правильнее сказать с кошелкой, для похода на рынок.

И мы отправились на рынок. Немного отойдя от дома, мы встретили моего друга, Петьку Немировского. Петька слонялся возле дома, и лицо его было опухшим от слез. Руками он страдальчески потирал известное место пониже спины. Всего за одну карамельку, которую ему предложил дедушка, Петька поведал нам страшную историю своих злоключений. Менее чем за полдня он был выпорот дважды. С утра пораньше они со старшим братом Сёмкой убежали без спросу купаться на речку. Поскольку дети не явились к завтраку (а что может быть страшнее, когда в еврейской семье дети голодают более часа кряду?), то были подняты по боевой тревоге родственники и соседи. Беглецы были незамедлительно найдены, накормлены и выпороты. Сёмка смирился, осознал и обещал, что больше никогда. Но не таков был Петька. Петька решил страшно отомстить. План мести созрел мгновенно, под ударами отцовского ремня. Петька исхитрился вырваться и выбежать на улицу. Он бежал по улице и кричал страшное. Самое страшное, что он знал про своего отца. «Мой папа по ночам слушает по радио Израиль!» – кричал еврейский Павлик Морозов шести лет отроду.

А на дворе стоял июнь шестьдесят седьмого года. Шестидневная война была в разгаре. Мы, дети, мало что понимали во всех этих событиях. Ясно было только одно – «наши» показывают арабам кузькину мать. Правда, «наше» радио об этом молчало, но другое «наше» говорило во весь «Голос Израиля», который и слушал по ночам Петькин отец. И не он один. Помню, что встречаясь с друзьями мы, наслушавшись обрывков кухонных бесед взрослых, в качестве приветствия закрывали один глаз рукой, как «стервя одноглазая», Моше Даян, о котором ходили легенды, что он бывший офицер советской армии и Герой Советского Союза.

Но я отвлекся. Петька бежал по улице и кричал то, что кричал. За ним бежал отец с ремнем, а за отцом мать, умоляя пощадить этот позор семьи, этого агента КГБ, чтоб только он был здоров. Соседи разных национальностей, все как один проходившие по той же статье обвинения, что и Петькин папа (если не «Голос Израиля, так «Голос Америки»), глядя на эту сцену, вытирали слезы, выступившие от смеха. Не прошло и трех минут, как Петька был пойман, взят с вывертом за огромное, как будто предназначенное для таких целей, ухо и уведен для повторной порки. После принесения страшной клятвы на верность родителям, его под ответственность и сердечный приступ бабушки выпустили погулять с глаз долой во дворе.

Мой дедушка, сурово выслушав Петькину исповедь, сначала показал Петьке свой пудовый кулак, потом дал ему на прощание еще одну карамельку, и мы пошли дальше.

Дойдя до рынка, мы первым делом зашли к дедушкой в полутемный и пыльный ларек с названием «Сортсеговоощ», в котором торговал один из многочисленных дедушкиных знакомых, а по совместительству еще и двоюродный дядя моей мамы, Пинхас Нейтерман, называемый друзьями просто Пиня. Он продавал семена в красивых пакетиках с картинками. Мне эти пакетики, правда, без семян, иногда выдавали за хорошее поведение. Хорошо вести себя было несложно. Надо было только соблюдать ритуал посещения «Сортсеговооща», который включал в себя извлечение Пиней из-под прилавка бутылки с вином и немедленное распитие части ее содержимого, буквально по полстаканчика за здоровье присутствующих. После чего дед и Пиня некоторое время задумчиво нюхали эти самые пакетики с семенами, а дед еще и приговаривал, строго глядя мне в глаза: «Помалкивай, чахотка!» Я и помалкивал себе в тряпочку, а точнее, в вожделенный пакетик, которым незамедлительно награждал меня Пиня. Следовал пятиминутный разговор, по-видимому, о погоде, видах на урожай, ценах и городских сплетнях. Я говорю «по-видимому», потому что разговор, естественно, велся на идиш, и из него мне были понятны только ненароком

выскакивавшие русские слова известного свойства, о которых я, естественно, и знать не знал, и слыхом не слыхивал. Иногда случалось так, что третьим заходил Филька – шумный, тощий старик, вечно размахивавший руками. Филька (уж и не знаю, каким было его полное имя – Филипп или Филимон) был родом из России, судьба занесла его в Новоград-Волынский уже после войны. На пенсии ему не сиделось, и он служил кучером в местной музыкальной школе. В связи с этим обстоятельством дедушка всем намекал, что у него есть «своя рука» (а точнее – «свой кнут») в музыкальной школе. С Филькой, по-видимому, обсуждались новости из мира музыкальной культуры. Я опять говорю «по-видимому», так как... и Филька свободно говорил на идиш, несмотря на свое совершенно славянское происхождение. В конце концов мне надоедало чувствовать себя иностранцем, я дергал деда за рукав, и мы выходили на крохотную рыночную площадь за покупками. Запасаясь провизией, дедушка не забывал представлять меня каждому продавцу, с которым он был знаком, а знаком он был со всеми, включая бегавших по рынку бездомных собак. Такие представления оканчивались вручением мне то яблока, то груши, то газетного кулька с моими любимыми жареными семечками. Фрукты я давал нести деду, а семечки начинал немедленно грызть, что, строго говоря, было наказуемым бабушкой деянием. Семечками можно было перебить себе аппетит перед обедом, а что может быть страшнее этого для еврейского ребенка, вне зависимости от его комплекции?

Эскимо и триста граммов буженины

На перроне станции «Дегунино» стоит миниатюрная девочка лет десяти или около того, похожая на стрекозу-переростка, с огромным розовым рюкзаком, на котором висят на веревочках разноцветные плюшевые мишки, и взволнованно говорит в телефон:

– Представляешь, Наташка вчера пришла в облегающем платье!

В вагон электрички на станции Лианозово вошел седой лохматый старик с палкой и сказал:

– Я недавно вернулся из зоны. Квартира пустая, холодильник пустой. Помогите кто чем может.

Когда ему подавали, он благодарил и добавлял:

– Бывают дни, когда опустишь руки, и нет ни слов, ни музыки, ни сил...

– Ты в сахарнице смотрела? – спросил мужчина.

– Да, – ответила женщина, – Там его тоже нет. Да я и не клала его туда. Перед тем как чистить рыбу, сняла и положила в шкатулку для колец. В сахарнице лежат серьги, которые ты обещал починить еще полгода назад.

– И в лекарствах нет? И в ящике для белья? – не унимался мужчина.

– Нет, – сказала женщина. – Я везде смотрела. Даже в ящике с твоими носками.

Она вздохнула и стала смотреть в окно автобуса.

– У собаки ты спрашивала?

– Сам у нее спроси. Прямо сейчас возьми и спроси.

– А могло так случиться, – сказал мужчина, – что ты надела его на один из тех пальцев, которыми редко пользуешься, и просто забыла о нем?

– Господи... – строго сказала женщина, взяла мужчину за руку и положила ее к себе на колени.
– Я же не говорю: специально, – продолжал мужчина. – Чисто случайно. С кем не бывает.
– Следующая остановка улица Пестеля. Конечная, – сказал репродуктор. Женщина взяла на руки таксу, мужчина надел внушительных размеров рюкзак, и они пошли к выходу.

Утром в электричке Савеловского направления между станциями «Дегунино» и «Лианозово» показывали и продавали «новую турецкую коллекцию кашемировых палантинов из натурально-го хлопка». Мужчина, сидевший напротив меня, купил. Не знаю куда он в половине восьмого ехал или откуда возвращался. Перед тем как купить палантин с красными птицами на черных ветках, он два раза сказал кому-то по телефону: «Я не пил», причем второй раз с видимым раздражением. Судя по его лицу и по цвету этого лица, он соврал как минимум раза три или четыре. Перегаром пахло даже от его кожаного портфеля.

– У меня меланхолия, – сообщила своему спутнику высокая статная женщина, поедая эскимо на палочке.

Ее спутник – небольшого роста мужчина, из тех, которых относят к классу гастроподов или, проще говоря, брюхоногих, посмотрел на нее испуганно и начал втягивать довольно большую голову в неширокие плечи.

– Сашуль, – сказала женщина, хищно облизав ярко покрашенные полные губы. – Ну что ты... Она доброкачественная. Иди, купи еще эскимо и триста граммов буженины. Не куском – нарезкой.

...я ему и говорю: «Зачем, спрашивается, ты ни с того ни с сего сбрил бороду? Ты у жены спросил? Поздравляю! Теперь ты похож на свою маму».

Секретарь Союза писателей Москвы, в шестом году оформлявшая мне бумаги для вступления в Литфонд, спросила:

- Михаил Борисович, вы кто?
- То есть как кто? – переспросил я.
- Поэт или прозаик? – ответила секретарь.

Я смутился, совершенно некстати вспомнив известное: «Сказать: «Я – писатель» – это все равно что сказать: «Я – красивый», покраснел, побледнел, раскрыл рот, потом закрыл, потом снова открыл и, наконец, пролепетал:

– Я – поэт*.

Вот так оно все и начинается.... Потом, по пьянке, будешь бить себя в грудь и кричать: «Я – поэт! Слышите? Вы слышите, суки?!» Потом брезгливо тыкать пальцем в чужие стихи, сердиться и кричать, как Ионыч, неприятным голосом:

– Это что? Это стихи? Это стихи?! Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!

*Меня принимали в писатели по классу скрип... как поэта. Прозаиком и переводчиком я стал позже, по собственной инициативе.

В который раз позвонили телефонные мошенники. Девушка представилась сотрудником Сбербанка, назвала свое имя и фамилию и вкрадчивым голосом спросила:

– Михаил Борисович, уделите мне пару минуток вашего времени?

Настроения разыгрывать, ругать последними словами и посылать куда подальше не было – я просто нажал на красную кнопку и заблокировал этот номер. Пожаловался жене, что житья нет от этих непрошенных звонков. По мне так они из мошенников уже превратились в террористов. Дожили... В нашем детстве такого и в помине не было. Да и телефоны были далеко не у всех. Какой уж тут терроризм. Жена подумала, улыбнулась загадочно и сказала:

– У нас телефон был.

Во втором классе приходила к ней домой подружка, и, когда дома не было родителей, они в составе преступной группы из двух человек звонили по выдуманным из головы номерам, представлялись сотрудниками жилконтор и велели ничего не подозревающим людям срочно наполнять ванны и ведра водой, потому как обещают с минуты на минуту отключить воду.

Какую страну мы... Не говоря о детстве.

Человек я малообщительный и совершенно не страдаю от того, что не вращаюсь в литературных кругах. К тому же у меня не очень хороший вестибулярный аппарат, и от вращения кружится голова. В обществе писателей, не говоря о поэтах, я чувствую себя неловко. Оно мне напоминает общество людей, объединенных... нет, если так сказать, то это будет обидно. Скажу как-нибудь по-другому. Собираются, скажем, люди, страдающие... так еще обиднее. Лучше приведу пример. В начале семидесятых, когда мне было лет пятнадцать или около того, мы поехали из Серпухова с родителями в Москву, смотреть спектакль «Тевье-молочник». Тогда еще никакого ленокмовского спектакля и в помине не было. Это была труппа, если мне не изменяет память, московского еврейского театра «Шалом». Дело было летом и ставили спектакль в каком-то саду. Мы сидели в первых рядах, мама все время озиралась по сторонам и говорила папе тревожным шепотом: «Смотри сколько евреев. Откуда они все взялись. Просто удивительно». Папа ей отвечал, что ничего удивительного нет. Было бы удивительно, если бы вокруг были одни казахи или узбеки, а евреи... Мама не унималась: «Мне кажется, что нас здесь всех специально собрали, чтобы переписать и сообщить по месту работы. Наверняка среди зрителей есть люди в штатском. Я уже жалею, что поддалась минутной слабости и купила билеты». Она еще что-то шептала папе на ухо, но папа сказал, чтобы мама прекратила и смотрела спектакль, тем более что он был очень хорошим и веселым. Насколько «Тевье-молочник» может быть веселым, конечно.

Вот это чувство тревоги и неловкости я все время испытываю в обществе писателей. Вроде ничего постыдного в том, что ты ев..., то есть писатель, нет, но... Писателям, на самом деле, еще хуже, чем евреям – у них нет Израиля, в котором все писатели или поэты. Им совершенно некуда уехать и потому приходится образовывать диаспоры в стране, где их угрожало родиться с душой и талантом. Иногда это даже не диаспоры, а просто споры, унесенные ветром в какой-нибудь глухой на оба уха райцентр или поселок городского типа.

С некоторых пор начинаешь чувствовать, как с каждой написанной страницей и даже с каждым новым предложением уменьшается шагреневая кожа твоего писательства. Сначала пропадают стихи. Конечно, они не сразу пропадают, а постепенно, но за несколько лет пропадают все. Поначалу ты их еще пишешь внутри головы, но они рождаются или недоношенные, или со врожденными пороками, чаще всего неизлечимыми, или вовсе мертвые. Ты выбираешь из них то, что может пригодиться в прозе, а остальное выбрасываешь из головы, как мусор. Проходит какое-то время, и ты сразу начинаешь думать прозой, а стихи... Бог знает, где они. Может в голове человека, которому они совершенно без надобности и занимают место совершенно необходимых дифференциальных уравнений второго порядка или квартальных отчетов. Где-нибудь в одном из дальних углов или в лабиринтах извилин твоей головы хранятся умершие еще до рождения метафоры, аллюзии, синекдохи, из которых должны были развиться, но... не развились и остались какими-то окаменевшими икринками. Почему так происходит... Может, состарились и умерли какие-то нужные для писания стихов нейроны, и оттого разрушились синаптические связи, или связи остались, но не хватает нейромедиаторов, передававших стихотворные импульсы, и тут хоть ешь глутамат или дофамин с серотонином столовыми ложками – ничего не поможет. Может, это возрастное или атеросклеротическое...

Потом начинает уходить проза. Как раз перед этим пропадают ключи, проездные билеты, телефон, а пропавшие очки даже не отвечают на звонки. Сначала думаешь про себя – писать о любви уже поздно, о природе ты уже все что мог написал, об экзистенциальном кризисе писать нет никакого смысла, потому что он давно прошел и его прекрасно вылечила рыбалка и рюмка перцовки перед ухой из ершей и подлещиков, обо всем остальном... написали все остальные. Если все же и соберешь те немногие, что у тебя остались, мысли, каждой из которой нужно прислать повестку, как из военкомата, чтобы пришла, то окажется, что собравшихся раз-два и обчелся и нет кворума, чтобы написать хотя бы три простых предложения или одно сложносочиненное, или кворум будет, но выяснится, что кое-кто уже приходил, и не один раз, а потому нужно каждый раз мучительно вспоминать и перечитывать давно написанное и позабытое, чтобы выяснить кто приходил, в каком году, по какому поводу, и приходил ли один или приводил еще кого-то. Появляется привычка: перед тем как сесть писать спрашивать себя «зачем», вместо «о чем». После всех этих проверок на дорогах устаешь страшно, желание пропадает совершенно и начинаешь спрашивать себя сначала тихо, исподволь, а потом все громче и все настойчивее:

– Можешь не писать? Можешь?!

И сам себе отвечаешь, сначала тихонько, а потом все громче и все нахальнее:

– Могу! Раньше не мог, а теперь запросто.

Мысленно рвешь на груди рубаху и... усаживаешь себя писать и пишешь, пишешь, думая о том, что после третьего абзаца или даже после второго сделаешь перерыв и пойдешь пить чай с творожным кеком и читать интересный детектив или смотреть сериал, или пойдешь в магазин за сигаретами. Еще и спросишь у жены, не надо ли купить стирального порошка или картошки. После того как вернешься, долго раздеваешься, потом идешь на балкон курить, потом куришь, куришь, потом садишься за письменный стол и долго потираешь руки – как потирает передние лапки муха, проснувшаяся после зимней спячки, потом начинаешь шевелить над клавиатурой пальцами, как будто собираешься взять разбег уже в первом предложении, потом вспоминаешь, что про пальцы над клавиатурой ты уже писал лет пять или десять назад и... тут тебя зовут ужинать. Ты идешь есть и все думаешь, думаешь, что пора с этим делом завязывать, пора прекратить высиживать слова, причастные и деепричастные обороты, предложения, а потом их «лелеять, холить, ласково поглаживая по подлежащему», и все равно они получаются несмешными... но как признаться в этом самому себе? Как?!

Жена, которая читает у тебя в голове как в открытой книге, говорит:

– Признайся мне, – и подкладывает в тарелку большую куриную отбивную, жареную в панировочных сухарях.

Хорошо, к примеру, физику – он только начинает свою работу, а уже перед ним лежат разные графики, формулы, статьи тех, кто уже думал, но не додумался, или додумался, но не смог провести нужный эксперимент потому что ускоритель был меньшего, чем нужно, диаметра, или провел, но не смог правильно объяснить и в уравнение вместо массы поставил энергию да еще и возвел ее в квадрат вместо того, чтобы извлечь корень... Хорошо историку – он еще и думать не начинал, а уже обложился летописями, ревизскими сказками, наградными листами, настоящими и поддельными завещаниями, статьями тех, кто искал, но не нашел, или нашел, но совершенно не то, что искал, или то, но не смог расшифровать, или расшифровал, но такое повылезало... Хорошо художнику – у него перед глазами всегда что-нибудь есть – или натурщица, или ваза с персиками и виноградом, или лошадь, или пыльная проселочная дорога, уходящая в небо, или заросшее камышом лесное озеро с выжившей из ума старой русалкой, или просто рюмка водки и ломоть черного хлеба, на который положены две кильки и несколько колец лука – хочешь пиши натюрморт, хочешь – выпей и закуси, а хочешь – напейся и приставай к натурщице. Только не перепутай ее с лошадью. Хорошо искусствоведа – ему и думать начинать не нужно – у него перед глазами уже написанная картина или гравюра, или целая картинная галерея и статьи тех, кто уже их описал, но остались еще неисследованные места с изнанок холстов или гобеленов и ходы, проделанные жучками-древоточцами в рамах...* Хорошо историку литературы – у него под рукой и романы с повестями и рассказами, и стихи, и письма, и мемуары тех, кто держал в каждой руке по две... нет, по три свечки, кто выпивал вместе с писателем, кто закусывал, кто спал с ним или не спал, но из достоверных источников знает, что он храпел во сне, и статьи тех, кто не понял, в чем главная идея его произведений, или понял, но не смог описать своими словами, а заимствовал чужие, или описал своими, но так неудачно...

Только писателю плохо – перед ним чистый лист бумаги, на котором ничего не написано, а отступать, как бы ни был огромен или даже бесконечен лист, некуда. Позади семья, которая уверена, что можно было бы найти себе занятие, приносящее больше дохода, чем марианье бумаги, жена, у которой нет новых сапог, дети, которым нужны новые телефоны, позади долги и бесчисленные книги тех, кто уже давно все понял и смог описать своими словами, еще и расставил их так, как никто до него не расставлял, еще и жил на полтора-два года раньше, еще и был графом и не должен был ходить на работу, чтобы заработать на рюмку водки, кусок черного хлеба и килек с луком. Писатель собирается с духом, наскоро молится своему писательскому богу, а он у каждого писателя свой**, и вступает на минное поле чистого листа....

*Зря, конечно, так об искусствоведах. Думают они. К примеру, о том, как на деньги, полученные от гранта, напишут доклад и с этим докладом поедут на конференцию в какой-нибудь курортный город и там на семинарах с дешевым красным вином, разливаемым в пластиковые стаканчики, будут рассказывать молоденьким стажеркам какие темы диссертаций их ждут не дождутся, если... или это музыковеды... Черт их разберет.

**Писатели, особенно русские, в массе своей сущие язычники – кому и чему только они не поклоняются. До недавнего времени молились чернильницам и перьям, заговоренным монахами-библиотекарями Достоевского мужского ставрогинального монастыря, носили ладанки, в которых помещалась частичка пепла второго тома «Мертвых душ», амулеты, предохранявшие рукопись от дурного глаза критиков и собратьев по перу, клали стопки чистой бумаги под тома Чехова или Толстого... Что касается молитвы, то она у каждого писателя своя, написанная им соб-

стенноручно, и заучивает он ее наизусть, а бумажку с текстом уничтожает, чтобы не дай бог никто ее не украл и не воспользовался. Были случаи, когда молитвы успешных и знаменитых писателей крали и продавали за несусветные деньги писателям молодым и не знаменитым. В послевоенное время, когда писателей развелось видимо-невидимо, существовал даже черный рынок этих молитв, но он быстро рассыпался из-за огромного количества наводнивших его подделок. Вроде и молитва точно та самая, что была, скажем, у самого Ильфа и Петрова, которую они читали вдвоем перед началом написания «Двенадцати стульев», и слова в ней на тех же местах, и прочтешь ее не меньше трех раз, и лоб о письменный стол расшибешь кланяясь, но достаточно одну запятую переставить, не говоря о слове, и... станешь писать – и получается такая «Мать»... или даже «Цемент»...

В Москве все кончается обедом. Это в Питере все кончается чашкой эспresso в два наперстка, маленьким пирожным, которое можно съесть взглядом, еще не донося до рта, и долгим, как питерские сумерки, разговором о проблемах поэтики Достоевского, о сопоставлении писем Макара Девушкина Вареньке с письмами Достоевского жене, и приятным послевкусием от долгого пережевывания рассуждений Бахтина, а в Москве... То есть поначалу-то все как в Питере – вернисаж, разговоры о Малевиче, Шагале, о влиянии баухауса на авангард, арьергард и дизайн советских настольных ламп, споры о социалистическом сюрреализме, но между проекционизмом Тышлера и формализмом Лабаса вдруг протискивается официант и, склонившись над тобой как нянька над ребенком, спрашивает, какой хачапури ваша компания будет заказывать – по-аджарски, по-мегрельски, или по-мегрельски, но с тремя видами сыра, и к супу харчо, конечно, рюмку сливовой чачи каждому или сразу бутылку на всех, и потом люля-кебаб из баранины на лоскутке лаваша, усыпанный зернами граната и колечками красного лука, а Пименов... Пименов со всеми его сталинскими и ленинскими премиями, со всеми его свадьбами на завтрашней улице и лирическими новосельями против Тышлера все равно что плотник супротив столяра, не говоря о Лабасе или Фальке, но... чурчхелу к чаю не нужно – лучше яблочко-ореховый штрудель с шариком ванильного мороженого и рюмку коньяка. Что же до приятного послевкусия, то оно, конечно, непременно будет, если принять какую-нибудь таблетку от изжоги ...

Не разгроми Иван Третий Новгородскую республику в Шелонской битве, не потопаи его внук Новгород в крови, еще неизвестно, как оно все повернулось бы. Новгородцы уже в двенадцатом веке ходили в Сибирь за Камень, то есть за Уральские горы. Собственно говоря, и Москва осваивала Сибирь если не с помощью новгородцев, то с помощью их потомков. Ушедшие от репрессий Ивана Грозного на восток в дремучие леса новгородцы основали купеческие династии Устюга Великого, Сольвычегодска, Лальска, Тотьмы, а уже их дети и внуки в поисках пушнины добрались до самых Алеутских островов. В конце концов и предки Строгановых, организовавших и оплативших сибирский поход Ермака, были родом из поморов, живших на территории Новгородской республики.

Вот и прирастала бы Новгородская республика Сибирью. Сначала пушнина, потом нефть, потом алмазы... Ходил бы теперь по Северному морскому пути атомный ледокол «Марфа-посадница». Герцену, чтобы издавать свой «Колокол», не пришлось бы ехать за тридевять земель, к англичанам. Приехал бы в Новгород, арендовал помещение для своей вольной типографии, сфотографировал вечевой колокол на первую страницу газеты и давай, зови Русь к топору. Ливонской

войны наверняка бы не было. Новгород не столько Москва, сколько Пекин в том смысле, что не столько война, сколько торговля и потому выход к Балтийскому морю купили бы у Ливонского ордена. Конечно дорого, что и говорить, но если покупать сразу Ригу и Ревель с Нарвой, то можно добиться скидки. Опутали бы рыцарей кредитами... и десяти лет не прошло бы, как Орден превратился бы в медаль, а там и просто в почетную грамоту. Еще и берестяную. Вот только Псков был бы наособицу. Не друг и не враг, а так... То ли посредник между Новгородом и Москвой, то ли агент Кремля...

Москва, конечно, не успокоилась бы. У Москвы и в заводе такого нет, чтобы успокаиваться. То войной пойдет, то торговые новгородские караваны ограбит, то остяков с вогулами и чукчей с камчадалами начнет подстрекать к бунту. Новгородцы по примеру китайцев построят Великую Сибирскую Стену через всю Сибирь до самой Камчатки. Не сами, конечно. Наймут китайцев – у тех и опыт, и строителей столько... Потом их лет сто будут выпроваживать домой, но так и не выпроводят. По сибирским рекам за Стену станут проникать казаки и там, в застенках, нападать на новгородские фактории, на склады с мехами, солью и намытым золотом. Новгородцы в долгу не останутся – наймут немецких и датских солдат удачи и раздадут им сибирских вотчин в пристенных районах, как Москва раздавала вотчины детям боярским возле Засечной черты. Немцы начнут мешаться с ненцами. Потом, в двадцатом веке, все репатрируются в Германию. Там будут жить наособицу, в стойбищах. Перейдут на трехразовое питание. Сердобольные немцы купят им оленей в Сибири, чтобы те могли заниматься... чтобы не морочили им головы, а датчане их просто к себе не пустят. Датчан мало, а немцев много. Еще и с оленями. Создадут какую-нибудь Ямало-ненецкую область, потребуют себе коридор вроде данцигского из Копенгагена в Берлин или на малую родину – в Западную Сибирь... Нет, не пустят.

Одна беда – в устье Невы город Санкт-Петербург уже не заложить, а без культурной столицы какая империя... Петр Алексеевич, конечно не успокоится – заложит город в другом месте. Нужно место болотистое, в дельте реки, у моря. Азов не подойдет – там не море, а одно название. По всему подходит Астрахань. Отсель можно грозить и персам, и индусам, и туркам, и даже афганским пуштунам, если знать, что они существуют. В этом плане все они ничуть не хуже шведов, а индусы еще и лучше – им можно грозить сколько угодно. Они вообще не поймут, о чем речь. Да и сапоги в теплом Индийском океане мыть куда приятнее, чем в холодном Балтийском море. Преимуществ может оказаться много, и даже самых неожиданных. К примеру, в жарком и сухом астраханском климате никогда не заведется такой писатель как Достоевский. Он, конечно, проживет какое-то время в столице, напишет «Черные ночи», опубликует их в «Южной пчеле» и уедет в Старую Руссу к своим братьям – Ивану и Дмитрию Карамазовым. Вообще классическая русская литература станет светлее и радостнее. В ней будет больше арбузов, черной икры, осетрины, сладких помидоров и воблы. Гоголь не уедет в Рим. Ему и в Астрахани будет тепло. Правда, мы, скорее всего, лишимся «Шинели», и последующим поколениям писателей не из чего будет выходить... Ну, это не смертельно. В конце концов есть еще халат Обломова, из которого и выходить не хочется.

И вот еще что. Никаких философских пароходов до Гамбурга в двадцать втором году не будет. Всех посадят на баржи и отбуксируют вверх по Волге до Белозерска, а там уже будет проходить граница Новгородской республики. Или где-то там. Если, конечно, по дороге ничего не случится. Баржи будут старые, ветхие – только успевай воду из трюмов откачивать. Не приведи Господь шторм или даже просто ветер с проливным дождем...

Все же рюмка водки и селедка с луком, или жульен из грибов с курицей и рюмка водки, или рюмка водки и кусок севрюги с хреном, или даже сваренная вкрутую половинка перепелиного

яйца с ложкой черной икры сверху и рюмка коньяка – блюда несамостоятельные, напоминающие причастный оборот в сложносочиненном предложении. После них непременно должен последовать обед со щами, бараньим боком с кашей, ватрушками величиной с тарелку и вареньем из редьки, вареной в меду. Другое дело рюмка домашней настойки на ржаных сухарях и малосольный огурец – это высказывание цельное. Выпил, закусил – и все, и тихонько закрыл дверь холодильника, а на вопрос жены, что ты там делаешь на кухне и чем хрустишь, отвечаешь, что сушками с маком, которые вы купили месяц назад, да и забыли про них, положив пакет по ошибке в шкафчик с посудой.

...и в восемьдесят девятом году, после яростных споров, решили не восстанавливать храм Христа Спасителя, а возвести над бассейном дворец, но не Советов, а русской литературы со стометровой статуей Пушкина на крыше, поскольку наше все – он, а не Ленин, который, как и Достоевский, наше не приведи Господи. Нашли в музее истории архитектуры покрытые пылью чертежи Иофана, и стали над ними думать. Конечно, перед тем как начать думать, создали комиссию из писателей, пушкинистов, архитекторов, общественных деятелей разных мастей, академиков и части депутатов Московской городской Думы. Поэтов решили в комиссию не брать, потому как доподлинно известно, что толку от них в комиссиях и на заседаниях...

Напридумывали самого разного. Конечно, самую большую в мире поэтическую библиотеку, зал поэтической славы с автографами знаменитых поэтов, написанных медью на мраморе, зал для выступлений и состязаний, еще один для пения стихов под музыку, театр для постановки пьес, написанных стихами, помещения для литературного музея и для отдельного музея Пушкина, издательств, книжных магазинов и редакций толстых литературных журналов. Додумались даже до планетария и обсерватории в голове Александра Сергеевича с зеркальным телескопом и коронографом. На внешней поверхности головы, среди бронзовых кудрей, антенн сотовой связи, радиолокаторов и красных сигнальных огней предполагалось устроить маленькую площадку, с которой можно было бы прокричать в небо: «Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?» или просто читать свои стихи созвездия Гончих Псов, или туманности Андромеды, или среди миров в мерцании светил повторять имя какой-нибудь звезды, известной тебе одному.

Когда делили еще не построенные помещения для редакций журналов, поругались в первый раз. Во второй поругались, когда решили на сто двадцать втором и сто двадцать третьем этажах устроить мастерские для выдающихся современных поэтов и служебные апартаменты владельцев некоторых журналов и издательств. Именно мастерские, а не квартиры, которые можно потом выкупить или передать по наследству. Само собой, постановили образовать еще одну комиссию, которая составит список выдающихся и владельцев. Ругаться начали еще во время выборов в комиссию, а когда дошли до обсуждения квартирного вопроса, который, как давно известно, испортил москвичей, то ругань перешла в драку. В третий раз поругались, когда писатели предложили оставить бассейн, над ним разместить поликлинику Литфонда, кабинеты физиотерапии, перевести с Большой Никитской Центральный дом литераторов с рестораном и договорились даже до рюмочной*, в которой из уважения к памяти великого поэта наливали бы бесплатно членам писательского профсоюза французское шампанское... но по плану московских властей на первом этаже вместо бассейна предполагалось устроить двухуровневую подземную парковку с автомойкой, над ней торгово-развлекательный центр, над ним департамент культуры московского правительства, над департаментом деловой центр, этаж над деловым центром отдать управлению по капитальному строительству самого памятника и его обслуживанию... Правду говоря, в третий раз даже поругаться толком не успели – сразу начали драться.

Потом выяснилось, что музей Пушкина не хочет переезжать в памятник, потому как ему и на своем прежнем месте в усадьбе девятнадцатого века хорошо, а союз писателей России требует, чтобы между его этажом и этажом, на котором поместится союз писателей Москвы, в котором кишмя кишат либералы и безродные космополиты, было как минимум два этажа, потом выяснилось, что подземную парковку, не дожидаясь утверждения проекта, уже начали строить, потом долго выясняли, кому же принадлежит земля, на которой собрались строить дворец с памятником, а когда выяснили, то оказалось...

Пока ругались, пока выясняли кому положены мастерские, кому служебные апартаменты, а кому только стул в рюмочной, в городскую думу стали одно за другим поступать письма от граждан, в которых говорилось, что памятник Пушкину у них уже есть, и не один, тратить народные деньги, тем более такие огромные, на еще один памятник нет никакого смысла, а потому лучше восстановить то, что было разрушено в тридцать седьмом. Требовали распустить комиссию, которая только бутербродов с красной рыбой и икрой на каждом заседании съедает до полусотни, не говоря о бутербродах с копченой колбасой и напитках. К письмам граждан прибавились коллективные обращения в Думу деятелей культуры, науки и спорта. Кончилось все известно чем... Правду говоря, оно и не могло кончиться по-другому. Хорошо еще, что успели вовремя спрятать чертежи Иофана потому как горячие головы порывались их вовсе сжечь.

*Предлагали разные варианты названия рюмочной – и «Капитанская дочка», и «Выстрел», и «Гаврилада», и «Кастальский ключ», и даже «Маленькие трагедии». По этому поводу писатели перепились и переругались между собой еще до заседания комиссии.

Принести домой из лесу охапку самых разных слов – голубых, белых, золотых, янтарных на просвет, паутинчатых, на суставчатых лапках приставок и окончаний, прощальных, задумчивых, плакучих, туманных, дождливых, ветреных, легких на подъем, улетающих за тридевять земель от одного только холодного взгляда, тронутых первыми заморозками, посеребренных инеем, покрытых ледяной глазурью, тонко и бархатно грустных, скучных, сонных, серых, шуршащих, сладко и терпко пахнущих опавшей листвой, грибами, дымом, прозрачных, не требующих ответа, с приятной горчинкой, просто горьких, и шариковой ручкой или карандашом навязать из них затейливых кружев. Выложить все связанное на чистый лист бумаги, посидеть над ним полчаса или час, пытаясь расставить лучшие слова в лучшем порядке, походить из угла в угол, полежать на диване, посмотреть в окно, полить цветы, поменять мох в горшке с орхидеей, подсыпать ей сосновой коры, посмотреть в окно, поговорить с женой, перестать с ней спорить, сделать так, как она сказала, помыть посуду, выбросить мусор, вернуться к письменному столу, взять еще один чистый лист и на него пересыпать слова с первого, накрыть второй лист первым и пойти лечь спать. Через неделю или две заглянуть под первый лист и, даже не начиная спорить с женой, пойти мыть посуду.

С возрастом начинаешь больше ходить – приходишь куда-нибудь и никак не можешь вспомнить зачем. Приходится возвращаться туда откуда пришел и вспоминать зачем. Постоишь там, постоишь и... сядешь потому, что в ногах правды нет, а в том месте, где она должна была быть, образовалось отложение солей. Посидишь, посидишь, придумаешь себе новое, за чем и пойдешь куда-нибудь еще. Постоянно хочется позвонить очкам, ключам, таблеткам от давления, которые

нужно принимать за полчаса до еды, и строго спросить – где вы, черт побери, валяетесь вместо того, чтобы давно лежать под языком. Из снов пропадают дальние страны и острова соковыищ. В детстве они могли быть на соседней улице, в зарослях лопухов, в парке, а теперь... Тогда и клад можно было найти в ямке, вырытой под деревом во дворе и накрытой осколком стекла. О полетах во сне и говорить нечего – даже на бреющем не можешь пролететь и трех метров. Руками, конечно, машешь и подпрыгиваешь изо всех сил, но кончается все тем, что жена переворачивает тебя на другой бок, чтобы не храпел так сильно. И эти вода с травой, которые раньше были мокрее и зеленее... Правда, дожди в те почти безоблачные времена кончались быстрее и были всегда летними, проливными и теплыми. Легкость в мыслях была... а теперь можешь одну мысль думать и день, и два... На третий день плюнешь в сердцах и вспомнишь, что на послезавтра записан на приеме к ортопеду и пора начинать собираться, чтобы не опоздать. Лет в двадцать или даже в двадцать пять не успеваешь додумать одну мысль, как ее уже и след простыл – улетела. Начинаешь другую думать, а за ней третью... И все разноцветные. Вроде сладких горошин. Теперь не так – теперь все черно-белые и все неотвязные. О вкусе и говорить нечего. Таблетки от давления – и те слаще. Добро бы лежали себе тихонько в голове и зарастали мхом, но нет – ворочаются, особенно по ночам. Наконец, точка зрения, которая в молодости могла расплываться, превращаться в точку с запятой, в многоточие и легко меняться на противоположную, теперь отвердела, заржавела, прикипела к одному месту, и ее не вырубить топором.

Бог с ней, с точкой зрения. Пусть себе ржавеет. Не вырубать же ее в самом деле топором. Пойдем пить чай с мятой и улитками из слоеного теста с изюмом и заварным кремом, в который жена всегда добавляет немного темного ямайского рома. Такого, послевкусие которого наполнено мягкими и немного обжигающими нотами карамели, дыма и тропических фруктов. С возрастом начинаешь кое-что понимать в чае с мятой, в улитках из слоеного теста, в заварном креме с добавкой ямайского рома и особенно в послевкусии с мягкими и немного обжигающими нотами карамели, дыма и тропических фруктов.

Снег идет и идет...
Тишина понемногу белеет
Превращаясь в безмолвие

Снег идет и идет...
Понемногу белеет и стынет
Превращаясь в безмолвие
Наше молчание

Дарья МЕЗЕНЦЕВА

Аргонавт

землю рассекли раздробили на части
и выносят по карманам кто что смог
клешни вставные челюсти снасти
лески клок голубой поплавок

и я там был храбр и я был мудр
потому что умел таскать наугад
и теперь у меня во рту перламутр
из раздвоенных симплегад

им я прикармливаю волны
разворачиваю корабль

и обратно домой а что такого
на удачу по крошечным слогам
разломаю куриную косточку слова
выйду навстречу куриным богам

Awakening

все что со мной происходит
происходит не со мной
безличное наблюдение
делается чьим-то
а все что не делается
исчезает навсегда
*все что я сейчас говорю
будет на экзамене*

города
состоят
из машин и домов
красных углов
и пяти углов
голов без тел
и тел без голов
и общественных
слов

Дарья Мезенцева родилась в 1994 году в Красноярске. Поэт, переводчик, преподаватель древних языков. Окончила кафедру классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Публиковалась в журналах «Кварта», «Новый мир». Предыдущая публикация в «Волге» – стихи (2023, № 9-10). Живет в Санкт-Петербурге.

это маленькие,
маленькие слова
или пыль от гранитного крошева

остановишься –
слышишь свои шаги
запоздалые как эхо
проходящей мимо грозы

хрупкие ребра белорукой тени
полные обожженных легких
просвечивают жаром:
это воздуху не хватает воздуха
и откуда такая усталость?

хочется только снега
луна то исчезает в бесследном небе,
то появляется
и белого зайца не видно на снегу
но откуда такая усталость?

люди идут на работу памяти
шевели желваками

встаньте,
женщины Амфиссы
время будить
беспризорных вакханок
время гибко как плавник
память одна неотвратима
как утро на площади
как грот-мачта

*все что сейчас происходит
со мной говорю не я*

так бывает рассеянно
смотришь из окна
на встречный поезд
и думаешь:
я мог бы ехать в ту сторону
а еду в эту
я мог быть с теми
или с другими
стать чем угодно на карте
города
но мысли блуждают
как головы без тел

и каждое чужое слово –
продолжение меня

Орешек

*есть русская жестокость, ещё хуже «азиатской».
она тем страшнее, что какая-то бестолковая,
почти добродушная и легко сменяется жалостью и слезами,
тоже не имеющими никакой цены*

бренчат ночные поезда
молчит неведомое племя
куда ни плюнь и то вода
и это жили как всегда
сложили время бремя

вымя пламя знамя путь
нас везут куда-нибудь

холодный зуб дорожный зуд
течёт звезда блесит мазут
и что-то видно с краю
куда брат Поджо нас везут
брат Поджо я не знаю

декабрь Ося глуп и нем
в нем правды нет и перемен
исхода нет и бога
в нем Саша десять двадцать лет
протяжная дорога

одна из крепости в острог
из человек и рук и ног
мы жили еле-еле

и пели а едва ли у
тянули может потому
другого не успели

и не доедем никогда
в село Куда и Усть-куда
в конце второго тома
идут пустые поезда
все дома

Бедные люди

quand je chante c'est pour toi

как будто сон такой покой
откуда сны мои берутся?
мне город снится над рекой
пытается не задохнуться

слепой художник пиблокто
в тоске по мировой культуре
плывет в беспомощном пальто
на рыбьей шкуре

плывут миную провода
септимий с акмой аква с витой
разъединенная вода
осколки соли ядовитой

плывут писатель и поэт
косяк сомнамбул стая пьяниц
плывет бесславно небо вслед
молочной пенкой покрываясь

плывут смешавшись с темнотой
печник фонащик и шарманщик
плывет фруктовый и пустой
из-под младенца ящик

плывет цветочник раскидав
свои гробатые мимозы
и крысолов и кошкодав
и бурлаки и водовозы

плывут понтер и банкомет
учитель греческий футлярный
ростанов нос гвинпленов рот
акакий титулярный

плывет ни с кем плывет иной
апокрифически похоже
плывут влюбленный и больной
а в сущности один и тот же

кто в этом городе живет
плывет счастливей кто венеру
благоприятней назовет
и подлинней химеру?

как будто город мон ами
доволен выцветшими снами
как будто с бедными людьми
недужной музыкой за нами
плывет пристыжен и понур
и в узнавании напева
чихнув направо мон амур
чихнет налево

Ginsterblut

Ihre Augen blau wie der Enzian

хранительница синего цветка
как ночь твоя легка
как речь твоя ложится нежна
никому не нужна

а я в подвижности фоном
небрежно глухим
открыт подчеркнуто закрыт
(смотри словарь долгот)
язык мой слеп стал весь размыт
сиюминутный рот

распалась сгнившая ветошь его
и высох синий цветок
наше молчание речи исток
всего

Н. З.

мы живём как запертые в ящике
прошлогодники ненастоящиики
но всамделишно стучатся иногда
к нам луна чужая и вода

дымка атомов мистическая гладь
колебаний тени как нам понимать

куда заводит медленная река
глубоководный страх
не бойтесь мы незаметней малька
в её тартарарах

и ничтожнее чепухи
которая наверху
и безымяннее блохи
которая на слуху

и с нами легче себя луна
вода и река теней
не бойтесь мы разглядим со дна
как станет ещё страшней

с толстой сумкой на ремне
мотыльки плывут по мне

гусеницы ящери
в неподвижном ящике –

мир наждачный голубой
поедаемый собой

свет барачный розовый
в роще той березовой

Needless Point

купи в квартиру зеркало-псише
из уважения к своей душе

понаблюдай возможно где-то ты
за ломаным стеклом
смех многополой комнаты
о думы о былом

это целый конкурс
на восстановление
утраченных конечностей
тебе какой не хватило?
протяни мне руку, лаокоон!
теперь другую!
(я пошутила)

гляди в пустое зеркало-псише
из отражения к своей душе

неисполнение желаний
на исполнение мечты
опять ребро опять бедро
возможно где-то ты

это целый символ
борьбы с судьбой
на змеевидном берегу
удержит кто
равновесие мускул?
я могу!
(лаокоон тянет руку)

из размножения к своей псише
раздаться до эм-же

знакомая улыбка новизны
перерастание света
ненаступление весны
на тление лета

это все были правы
а я неправа
из лаокооновых сыновей
растёт трава
из штукатурных стен
идёт голова
на шарнирах
встаёт над собой
и видит прозрачно
осколочными глазами

как серебро
как голубо
е-ща-ни-про
е-щё-не-по
сог cordium стучит на дне канала
(тебе *его* не доставало?)

из уважения к чужой душе
прости себя уже,

слышишь?

это ангелы
танцуют
на острие
(*нашли место*)

и пронзительно

музыка
музыка
музыка

Колыбельная Summertime

mon verre s'est brisé comme un éclat de rire

играет запись летняя пора
не надо плакать бейби са ира
растет луна для павловского парка

успокоительны вполсилы вечера
когда поют до самого утра
и жарко пить и ничего не жалко

в реке славянке возится русалка
калека-папа мама-театралка

рыбак латает крылья кое-как
крошится лодка сыплется табак

и ты взлетишь и ты утонешь тоже
с пустопорожним джазиком под кожей
у башни-пиль под арочным мостом
с распоротым как рыба животом

с волной начнешь качаться и мельчать
начнут смычки по-ихнему сверчать

у них оркестр струн живой бродвей
у нас на записи колокола церквей
у них цветы вино мюर्मюр де роз
у нас вода из музыки и слез

у них не надо плакать бейби спи
пока играет запись потерпи
пока играет летняя пора
и жить легко и кажется игра

всего-то колыбельной

(Не)прямые речи

твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз

пространством и временем полный
набравшись как рот под водой
остаточной бранью невольной
пейзанской бродяжной мурдой

на память-приманку-затравку
с истертым ее лоскутом
иду во фруктовую лавку
и в швейную лавку потом

иду хоть куда богоравный
в своих заповедных бедах
по коже озноб виноградный
роса на торговых рядах

в которых пространство и время
застыв сторожами горят
и мне говорят будет время
пошей тонкорунных зверят

им будет вино из подвала
и мед и морская вода

такая как помнишь бывала
как знаешь на свете когда

хозяйка любимая всеми
ткала умирала ткала
теплом наливаясь висела
одежда истлев добела

лежит мое бедное сердце
под троей известно седьмой
клянется осталось вглядеться
однажды вернется домой

изгнанник двойник попрошайка
смущается ищет меня
на рынок послала хозяйка
достать из-под трои огня

а я возьму и уеду на дачу к аннетт
пускай аннетт давно уже нет
и веры во мне едва-едва
она конечно была права

но мы всегда смеемся
над предсказателями

Agnosia

не сны стоянки одиссея
проникновенные миры
в кивотах сельского музея
географических откры

ты будешь слеп я буду рядом
а ты узнаешь не меня
я сам проездом я нарядом
я здесь не проживу и дня

ни песен воск ни вдох эолов
в дорогу вышитый рубец
кормилицы я телегонов
и твой наверное отец

все десять лет ещё немного
как снова будет десять лет
спустя запутана дорога
где песни выбирают след

и захолустный свет на месте
стрелы в двенадцатом кольце
ты будешь нем я буду вместе
хвала цирцеевой пылице

и снам ты веришь поневоле
что завтра стало как вчера
но телегон кричит от боли
стоп-игра

Сны Уильяма Вордсворта

*one thousand and one yellow daffodils
begin to dance in front of you (oh dear)*

я плыл блудливо в облаках
долиной вверх горами вниз
грустил о разных пустяках
припоминая парадиз
где у озёр и кипарис
мне танцевал нарцисс

как смеет солнце танцевать
и брызжет светом млечный путь
когда бледнеет небо вспять
а звезды падают на грудь
так я наутро понимал
ты с ними танцевал

со мною вместе только я
лежал один почти без сил
хотя танцуя и поя
поэт не может быть уныл
в такой компании с тобой
в компании любой

с тоской пустой наедине
я забываясь всякий раз
танцую если снится мне
смущая истощенный глаз
нарцисс весь белый в золотом
и песенка о том

В СТОЛБИК С КРАСНОЙ СТРОКИ

Рассказ

Выпивку с закуской искал с прицелом на других.

Пиво в sixpacks, белое, красное, сидр, в стеклянном шкафчике джин, виски, коньяк (кто это будет пить у моря?), соки, кола, чипсы, орешки такие, сякие, далее сыры (застыли прибором) – до сладостей не дошел.

Неопределенность ставила меня перед выбором: быть либо трусливым зрителем, либо сбитым летчиком. Какую играть роль, еще не решил.

Я вернулся к двери магазина и посмотрел сквозь нее на парковку. Но, черт дери – было ли это обыкновенным зрением или, скорее, неожиданной встречей, не знаю (трудно объяснить). Как говорил известный русский поэт Б.: когда-нибудь... на нашем месте... тоже что-нибудь такое, чему любой, кто знал нас, ужаснется – в Ростове была школа, теперь на ее месте построили магазин.

Я решил, что нужно действовать: сделать записи здесь и сейчас. Я стоял с тележкой, лихо-рабочно набивал в айфон перечень случившегося и, кажется, уже тогда выстрелил себе в ногу: записывал по памяти не прямые факты, а блуждал по литературовидным закоулкам (слонялся от образа к образу.) Эти свидетельства заведомо складывались в скрытый сюжет. Нет, не так – превращались в ловушки, которые едва ли сработают (оставлю айфоновскую опечатку: даже она становится чем-то вроде приговора).

Сижу в Берлине, разгребая.

В голове складывается фрагментарная композиция с второстепенными деталями, то мое время вытанцовывается кусками, рывками, а место как бы размытым (разрытым?). Незаконченная фраза где-то посередине заметок «первые шаги были...» явно подталкивает к началу повествования, но убей – не помню, что я этим хотел сказать:

– Дети шли друг за другом, широкая дорога извивалась, сливаясь с проходами-арками под бесконечно длинными пятиэтажками, затем растягивалась длинной финишной прямой, асфальт был мокрым и гладким, я вздрогнул от какого-то шипения, школьник на велосипеде прокатился по луже, он ехал с открытым ртом, жадно глотал воздух, небо обесцвечивалось, ветер скручивал ветку в бараний рог, на торцевых стенах школы сияла клинкерная плитка, бетонный фасад рассекали полосы окон с двумя створками, откидной внизу и поворотной сверху, перед главным входом ни массивного навеса, ни широкой лестницы, название свинтили (меняли?).

Я зашел.

Был понедельник, одиннадцатое сентября двухтысячного.

Совпадение с датой разрушения WTC (пусть хоть и за год до событий) сейчас мне видится вдвойне неслучайным. Во-первых, школа тоже будет разрушена. Во-вторых, если верить в якобы мистическую комбинацию цифр – 9/11, то и я, значит, могу смело приписать скрытый смысл своей считалочке – первый урок английский, кабинет на втором этаже, сел в третьем ряду, занял

Даниил Бендицкий родился в 1985 году в Нижнем Новгороде. С 2000 года живет в Германии. Окончил архитектурный факультет в Берлинском Университете Искусств (Universität der Künste). Журнальные публикации: «День и ночь», «Кре-щатик», «Берлин. Берега», «Рижский альманах», «Сетевая словесность», «Топос». Предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Берег левый, берег правый» (2023, № 11-12).

четвертую парту, оказался в восьмом классе вместо десятого, мне пятнадцатый год, двадцатым будет (бисер многоточия) хорошо, остановлюсь, пожалуй, на этом.

Дети притаились, гадали: чувак то ли с неба свалился, то ли вылез из-под земли. Учительница же к появлению инопланетянина будто готовилась – наконец-то появилась возможность тряхнуть стариной, вспомнить Старшего Брата. Поговорить на *język*'е, что еще недавно являлся – по определению – правдой.

После вопросов о том о сем англичанка неожиданно зашла с козырей:

– Скажи, пацему ти уйехалъ?

Будь я сегодня на ее месте, я бы заменил «уйехалъ» на «приехалъ» (мол, что ты здесь вообще забыль, малшик?) – но тогда нужно было отвечать, а не подбирать за нее правильные слова для допроса – моя попытка признания оказалась до неприличия многословной: «ну, как сказать... видите ли... даже не знаю... в общем...»

Я думал о том, что бы еще добавить, и посмотрел в окно: возле школы летали огромные чайки, на стене соседнего дома я разглядел надпись – подсказку с одним неизвестным: значения слова *sowieso* я еще не знал, но «зовизо» догадался, что оно означает. Черной краской было написано: *Ihr werdet sowieso sterben*.

«Вы всё равно умрете».

Сообразив, что я подозрительно долго тяну с четким ответом, учительница попросила детей рассказать о себе по-английски: мальчики, словно сговорившись, сообщили, что они *like to play football*, девочки ни во что не играли, любили *to listen to music*. Что ж, по рукам.

Затем был урок истории. Учительница с ходу обменялась со мной классовым паролем: «мая мама работайт на фабрике», потом вывела на доске кириллицей: «венн ду дас лезен каннст, данн бист ду кайн думмер весси» (если ты можешь это прочитать, значит ты не тупой весси) и внезапно обрушилась на меня – потребовала перевести на немецкий фразу: «Нет, мы пойдем другим путем».

Ни перевести, ни сказать, чьи это слова, я не смог.

Очевидная политизированность урока меня не смутила, удивили исторические прыжки: под лозунгом восточно-немецкого ресентимента розовым мелом она прицепила к доске репродукции трех революций: Французской, Октябрьской и Немецкой – в этих событиях дети должны были найти какие-то параллели, общие свойства.

Мы скакали, как в известном стихотворении поэта Х., от причины к причине и своих же следов найти не могли.

Я пытаюсь ухватиться за образ истерички (тут должно быть слово «исторички», но автокорректор решил иначе), хочу опознать черты ее лица. Их, лиц, было два: большое – с идеально круглой формой, короткой стрижкой, близко посаженными узкими глазами, и другое – маленькое: вернее, это был взгляд, который изображал отрешенность. Второе лицо скрывалось за первым.

Сейчас, когда я перетасовал все записи, начинает вырисовываться хронологическая последовательность. Заметки выстраиваются в лестницу, которая ведет меня от начала к концу. Каждая реплика мне кажется важной ступенькой, хотя бы одну упустить значило бы, что я проваляюсь и прерву связь времен.

Подражая известному реконструктору памяти, немецкому писателю С., в свои романы о пропавших жизнях и разрушенных городах вставлявшему фотографии, я делаю вид, будто держу в руках документ и тоже пытаюсь вшить его в собственный текст. Эта потребность в фиксации, точнее – использование свидетельств, по которым восстанавливается прошлое, становится рабочим приемом личного принуждения (так даже самому себе легче верится, что ли).

Я убеждаю себя в том, что наспех записанные в айфон слова считаются последней истиной. Они трансформируются в естественную часть истории, в ее несущие элементы – без них конструкция текста развалится. Смушает, правда, одно «но»: что бы изменилось, будь это повествование, составленное из фрагментов, придумано не в магазине, а дома, в тепле – тогда этот источ-

ник не прокатил бы? Связь со школьным *genius loci* из берлинской квартиры, а не среди полок с алкоголем и закуской – она какая-то другая?

И все же та магазинная оптика приводит к неожиданному результату: не только показывает бывшее, но и влияет на настоящее.

На большой перемене детям приказали: *An die frische Luft!*

«Выходим на свежий воздух!»

Мы выбегали во двор, разбивались на группки, тупили. Важным условием коллективного проветривания мозгов была тишина. Мы молча глядели друг на друга, дышали.

В эту картину как бы сбоку влезает точка моего наблюдения: я в магазине – передо мной стеклянная дверь, снаружи нацарапанная надпись на стекле – рассматриваю свое отражение. Это не то чтобы взгляд со стороны, скорее извне: я вижу себя в школе спустя столько-то лет, мне нравятся думать, что и на школьном дворе, и по парковке гулял один и тот же ветер.

После воздушных ванн мы вернулись в класс, и я снова начал играть роль толмача, хотя правильнее будет сказать – известного юного волшебника-очкарика (вро – он станет знаменит только через несколько лет, но определенное сходство уже тогда наклеивалось).

Я пишу: от меня ждали открытия нового сорта развесистой клюквы. Слово «открытие» мне не подходит – ниже добавляю синонимы «изобретение», «находка» и «выведение». Еще ниже я приписываю другую растительность à la russe: говорил с учителем о цветущей черемухе в овраге (чего, конечно, быть не могло, откуда ему вообще знать, чья эта цитата?)

В своих заметках я жонглировал словами так и сяк, пока, наконец, не перескочил от биологии к химии – бывший профессор, оказавшийся в гимназии после сокращения в университете, вовсе забыл на предмет. Его волновало занимательное толмачество, граничащее с конспирологией. Он попросил сначала перевести, а затем объяснить тайную связь фамилий последнего советского генсека, первого русского президента и второго (нового).

Справиться с «елью» (*Tannenbaum*) и «путем» (*Weg*) было легко, «горб» (*Buckel*) я нашел в словаре, но для того, чтобы разжевать про нерушимый ландшафт с голым холмом, хвойным лесом и раздолбанной дорогой, мне не хватило кусочка мозга. Пришлось рисовать этот пейзаж на доске.

Урок химии превращался в исследование русских символов. Я ничего против не имел, но подозревал, что эксперименты добром не кончатся – быдловатый одноклассник наконец не выдержал:

– *Wir hassen Russisch!* («Мы ненавидим русский!»)

– *Dann hasse ich euer Deutsch!* («Тогда я ненавижу ваш немецкий!»), – вступился за меня оскорбленный русшишферштеер.

Кажется, я тоже обиделся. Захотел поверить в существование известного заговора. Что касается химии, то меня аккуратно предупредили: формулу источника жизни впредь не вздумай называть «аш цвай о», потому что «аш», точнее, «арш» (при произношении «р» проглатывается) – это «жопа». Запомни – только «ха цвай о».

Позже выяснилось – угодить в полную задницу было проще простого. Довольно быстро я стал замечать, что с моей речью происходят необъяснимые метаморфозы – грамотно сформулировать (и главное – без акцента произнести) хотя бы одно предложение ни на родном, ни на чужом языке не получалось, любая мысль натывалась на преграду, и тут я изобрел «шпрахоязык»: дословно переводил немецкие фразы на русский. Узус состоял наполовину из ляпов и предполагал лексическое вытеснение. Универсальный ответ был: «я панимаю тибя не».

Можно смеяться после слова «*Schaufel*» (лопата).

Я заново учился разговаривать: на *Russischunterricht* наверстывал упущенное. Забегаю вперед: спустя несколько лет мне рассказали историю, как при выборе второго иностранного языка учительница объясняла логику великого и могучего:

– Смотрите, дети, есть такое русское слово «лифчик». Из чего оно состоит? «Лиф» – это как наш *Luft*: представьте себе, как будто что-то наполняется, а «чик» – это когда что-то закрывается. Разве русские слова не логичны?

Интерактивное нижнее белье мало кого убедило – из трех классов по двадцать детей Russisch рещили изучать шестеро. Я стал седьмым. Остальные выбрали *lingua latina* или *fran ais*.

Мода на великий и могучий бесследно прошла, потому-то *deutsche Kinder* от звукоподражательных славянских междометий и шарахались. Мне же в своих записях удается обойти стороной высоколобое определение «язык пространства». Я слабо понимаю, что оно означает, хотя профессия (архитектура) обязывает разобраться: описать все то, что было вокруг (стены, потолок, окна, двери) не получается, для них как будто не существует слов.

Сейчас я вынужден бить себя по рукам – нельзя искать в гугле фотографии ГДРшных классов и восстанавливать прошлое по чужим изображениям, нужно довериться источнику, созданному на месте – я пишу лишь, что стал частью мебели, врос в парту. Это все, что осталось. Понять не могу: то ли само пространство куда-то затерялось, то ли в нем затерялся я сам.

Впрочем, впереди меня осталась сидеть девочка Л., которая постоянно ко мне оборачивалась. Она посылала мне странные сигналы: я их слабо улавливал. Как разговаривать с дикарем, она не знала, и в мой первый день Л. решила воспользоваться проверенным бабушкиным методом – написала любовное письмо. Содержание из памяти напрочь стерто, но сейчас я не могу избавиться от соблазна всё опошлить, то есть приписать немецкой девочке русские мысли в духе: «Зачем вы посетили нас?» или «Я знаю, ты мне послан богом»; еще хлеще – вывести (за нее же) на том же клочке бумаги заветный везель Л. & Д.

После этого *Liebesbrief* (с расшифровкой мне помог карманный *Langenscheidt*) в голову совершенно ничего не лезло. Я оставил бумажку в кармане штанов и постирал ее в тазике вместе с другим грязным бельем. Отвечать на размытые доверчивые признания да невинные излияния мне показалось странным. До откровенного разговора так и не дошло, вплоть до абитура мы особо не общались. Можно считать, что мое молчание равносильно известному нравоучению.

(Спасибо классiku.)

Здесь мне приходится вставить историю с небольшим налетом мистики (ввожу постфактум, нарушая главное условие повествования). Я никак не мог записать ее в магазине – она вырывается из контекста и живет сама по себе.

Я приехал в Росток на встречу с одноклассниками. Договорились, что каждый с собой что-то принесет. Я взял в магазине пиво и чипсы, Л. пришла со своим мужем. Муж оказался военным, говорил, что служил в Афганистане, все лицо в шрамах, его имя, точно помню, начиналось на N.

Это фантастическое совпадение с сюжетом из энциклопедии русской жизни привело меня в полный восторг, но Л. даже не вспомнила, как меня звали, в присутствии израненного мужа интереса ко мне не проявляла. Верхом пошлости было бы, конечно, если бы эту Л. я подкараулил и признался ей в любви, но я весь вечер скучал – выпил два пива и укатил обратно в Берлин.

Год спустя я вернулся к записям и вдруг прозрел: история первого учебного дня, которая вполне годилась для быстрого пересказа, совсем не туда разворачивается. Дело, как выясняется, не в реконструкции, а в разрушении памяти. Я перечитал несколько раз айфоновскую простыню и понял, что все время мучительно собирал из кусков пазла только лишь уничтожение школы.

Хотя нет, это был не пазл, а – как бы позаковыристее сказать, – метание дротиков. Я швырял в мишень обрывки фраз: одни попадали в яблочко, другие даже не долетали и падали. Сколько бы очков в этом дартсе я ни набрал – записи о разрушении школы так и остались головоломкой. Что тогда, в магазине, что сейчас, в берлинской квартире, я задаю себе странный вопрос: как описать разрушение, которого сам не видел?

Я выношу ушедшей эпохе пафосный вердикт: в моем балтийском городе никогда не было таинств, время шло медленно вверх-вниз – мелкими волнами, бывшая Восточная Германия накрывалась медным тазом, единственным источником жизни было страдание, местное население настаивало на собственной второсортности и спорило о том, как бы поскорее уехать «на West», спасать было нечего, все наглухо заколачивалось, школы закрывались, мой класс до конца абитура одиноко шатался по коридорам и должен был выйти последним из горячей избы (автокорректор опять ставит подножку).

В айфоновских заметках я пытаюсь присвоить себе травматический опыт – постоянно прокручивая в голове разрушение школы. Это навязчивое, как у известного психоаналитика, повторение в конце концов приводит к «нарушению покоя». Воспоминание о первом дне вытесняется моим собственным идеалом руин. Это полубредовое состояние имеет такую власть надо мной, что кажется, будто разрушенная школа – это реальность. Меня переполняет не столько чувство чего-то потерянного, сколько нежелание с этим потерянным расставаться.

Я отправляюсь в путешествие по трем этапам сноса здания. Смотрю из магазина на парковку и заставляю себя поверить в уничтожение школы. Попытка что-то разглядеть становится чем-то вроде wishful thinking.

Сначала территорию обносят забором, на стенах заброшенного здания я исследую граффити, замечаю в оконном проеме комнату, из которой еще не успели (забыли?) убрать классную доску, часы и карту Европы; эти предметы специально оставили, чтобы подчеркнуть, что их скоро тоже сровняют с землей.

Потом школа распадается на части, экскаватор цепляется ковшом за фрагменты, обломки с грохотом падают, гора строительного мусора шевелится, рабочие (поляки? румыны? нет, румын тогда в Германии еще не было) тушат из шланга облака пыли.

Наконец я смотрю на парковку, ожидая увидеть на ее месте пустоту, от школы не осталось и следа, по ней будто прошли катком, я нахожу в этом голом ландшафте табличку с описанием нового проекта, и меня тут же начинает раздражать эта моя псевдополемика с поэтом Б.: теперь так мало детей в Ростове, что мы сломали школу, дабы построить на свободном месте магазин, в такой архитектуре есть что-то безнадежное, хотя, быть может, это храм потребительства, он приносит больший сбор, чем знамена учения и прочее бла-бла.

В довесок к трем этапам сноса школы я продельваю еще одну безнадежную мыслительную операцию: мне втемяшилось, что русский поэт Б. и немецкий писатель S. сами не знают, как подступиться к разрушениям. Они не ностальгируют по уничтоженным зданиям, а говорят о невозможности их описания – разрушения превращаются в аллереорию, в них нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего: на месте руин непременно появится что-то новое, и это новое сотрет нашу память.

В эту недокрученную мысль вдруг врывается дед с тележкой. Этот «черный лебедь» гавкает на меня: чего встал у входа, здесь магазин, тыкайся в телефон у себя дома, дай пройти. Из-за пререканий (в эпоху ношения масок люди не разговаривали, а только орали друг на друга) мой руинный фетишизм вмиг исчезает, стеклянная дверь (мой бинокль) запотевае, последующие записи автокорректор не распознает и подчеркивает красной пунктирной линией.

Кем или чем моя осведомленность о разрушении школы была сконструирована – дай ответ. Не дает ответа.

Я вышел из магазина с пивом и чипсами и разглядел на стене соседнего дома надпись: при переводе ее одним словом «фигня» смысл высказывания никак не менялся. Я уехал к морю на встречу с одноклассниками, а то слово забыл записать.

Валентина ФЕХНЕР

НА ЯЗЫКЕ КАТАСТРОФЫ

*засыпаем в разные сны
просыпаемся в один сон*
Артур Аристакисян

занавес стихотворения вспорот зрелищем речи
поэт потягиваясь слепотой продирает смерть
проигрывает не просохшие слезливые раны корриды слов
без сожаления кладет на весы войны

что перевесит ярость?
что переплечет смерть?

спи моя mops усни прежде отхода ко сну сын кладет под голову новый скелет
колыбельной
мама дай мне их всех близнецов хочу каждую ночь складывать свою голову за
каждого из них
вместо хлеба дай мне масштаб силу слова
однажды я проснусь за всех мертвецов с мирной улыбкой колыбельного разговора

ангелический убийца под нимбом младенца совершает
священный акт совокупления органом исторической памяти

и ослепленное млеко семени брезжит повсюду
оно вскормило взрастило тебя и меня

чье это семя? это твое семя? это мое семя? ты это семя? я это семя?

что-то из грязи из колосьев вылепило дитя и оно кричит и рыдает без сна

а когда нечаянно засыпает
семя впадает в припадок земли и грязи
мясник в люльке корриды только и шепчет что я м а г у м а м а м а г у
и речь красна стыдлива
и тряпка языка просыпается в провокацию в одно и то же стихотворение

Валентина Фехнер родилась в 1989 году в Донецке. Живет в Париже. Училась в Литературном институте им. А. М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Гвидеон», «Кварта», «Волга», «Формаслов», «Дегуста», «Плавучий Мост», «Мета-журнал», «Изыян», «Прочтение», на портале «полутона» и других, переводились на сербский, французский и английский. Автор книги стихотворений «Око» (М.: Стеклограф, 2021).

гул облупления
разрумянец конец
разрутина начало
то ли насилие вызревания

язык облупленный вехой диалога на кострище речи
невеста разговора на mine замалчивания

это и есть теперь твое стихотворение(?)

подорваться на чашечке слова
в чаду поэтической сирены самоповтора

но нищие труждающиеся и обремененные
ходят за черепа речь и месть

но коленопреклоненные кошмары
моя варварская мольба

подорваться на (по)пытке стихотворения

эксгумирую то ли воздеваю храм вопроса
а там
молчальная фреска-вывих
мироточивое проклятие

потому что одеждой умерших покрыто цветение

вижу

бутоны плакальщиц гроба

вижу

тряпье мысли сброшенное в общую могилу произнесенного слова

дочь вырвавшая язык матку самой себя
как отказ порождать ответы

мама я умолкла в тебе как маньяк вопроса перезрелый предел речи

но если бы я покрыла себя первым криком
галлюцинацией возможности разговора
шизофреническая голубица имен свила бы гнездо

вкруг предметов явлений
и мы бы высиживали слезинку дитятко оклика будней войн катастроф
вылупляя распущенные бутоны ножичков возвращенные
до слезливых ножей оправдания насилия вер ideologies

вижу

удавку сожаления на шее сердцебиения

вижу

ветошь наркотического ответа
рассеянные по земле останки нагого вопроса

вот и лечь на истертую мертвую речь
и вполлогоса вымолкнуть голую горечь увядший меч

а это будет текст пустой
болезнь строчки холостой
и рана капли дождевой
(не стать еще одной слезой
не стать еще одним пустым
стихотворением холостым)

но рана глубины такой
что не кровит уже – босой
идет по темноте косой
и труп прямой дороги
крадет себе под ноги

вот так вот на него и лечь
забывшись в то что было речь
и заговаривая горечь
пустым пустое жечь

II

пока в захлебе нашего крушения
игла погибельного продвижения
в ушко ныряла и прокалывала бездну
как водолаз во глубине беды
хватаясь за познание воды
но преломилась точно водный след
болящий то чего уже и нет

и если как и помнили его
то будто обреченное весло
гребущее в себя само
крушащее себя само

надрыв плода
и вьется паразит сердцебиения
в пыли дыхания
а что от яблони родимой осталось

отдышаться от семени
отрешиться родины
выжечь невозможность на линии огня
воды времени утопить в колосьях марсельского моря

сын на велосипеде зноя едет собирать яблоки
плоды лихорадит
заблудши в педалях потребности
он терпит крушение и растерянность кровит отовсюду

пустыми корзинами яблок червивые
мы тосковали по смерти как малые зерна пшеницы падшие в рану чужой земли,
но выжившие и оставшиеся одни

разрозненные как ссадины вещей
на теле времени

«...больше чем смерти я боюсь прошлого», -
сказал он, расчесывая червоточины часов, а потом надорвалось где-то
между словом и тьмой
...и вился логос дождевой и паразит прикорневой сточил словесность на покой
уродец боевой

на языке катастрофы:

и зерно голодает и кислород жаждет
и человек смертен и угасание разгорается иродом деторождения

эй мальчик в аскезе ребенка
эй юноша в газовой камере опыта
эй старик во з(о)ле потери

эй семя мое

смерть zaczynaет от тебя сердцебиение упокоя
но ты мой разбросанный камень слова умолкни вавилон утробы

на языке предела:

прородила троих живых сыновей ≈ одну мертвую дочь

первый сын – слепок пустых руин

второй сын – слово незрячих спин

третий сын – тайна выколотых причин

дочь называла надеждой
а после гибели – груди налились проклятием
и человечество прикладывалось к ним

окаменелое то ли
рутина прекрасная уже смердящая плакальщица слóва

пока причесывала прорезы будней
заправляла постели плача
пеленала древние колтуны разрушенных связей
хлебá насилия покачивая
две простыни истертые оскоминой стыда
игрушки сшитые для живых сыновей набитые грядущей погибелью
ты изорвал их в клочья мертворожденного лепета вырвал язык пророчества
не пыталась остановить только
холокост рутины стихотворения
наложила руки на речь

...как будто преломил слово и протянул уже холодный окаменелый язык
...бегом бросаться друг в друга останками галлюциногенных азбук
забивать прощание до новорожденного крика

тени аэродрома полет опадает багровый красный иссушенный машиной повтора
разрывая органы взлета падения небесной опоры...
что я делаю здесь на севере Ломбардии среди палящего пота Бергамо
в попытке выветрить духоту отчаяния...

но Икар уже разминает крыла катастрофы
но мой десятилетний сын Леонид уже завешивает окна своей комнаты простынями
последние три дня он отказывается принимать лекарства

WE WILL, WE WILL ROCK YOU

Рассказ

Вчера Водопласову Сане накатило пятьдесят пять. Стояла поздняя осень. Небо за окном затянуло серым с прорехами покрывалом, обещая к вечеру дождь. Саня сидел за дощатым столом, укрытым клеёнчатой скатертью, и вырисовывал меж полосок морду кота. Фредди Меркьюри задорно выкрикивал из новомодной колонки «We will, we will rock you». Саня кивал в такт музыке, набросок ему не нравился, он стирал его полотенцем и рисовал следующую. Мохнатый оригинал на диване демонстративно отвернулся, не желая позировать.

Саня отложил фломастер и, стерев очередные усы, на его взгляд, чрезмерно пышные для кота, плеснул в стакан из большой стеклянной бутылки рябиновой настойки, цвет которой определил для себя как «глубокий пурпурно-красный», и добавил громкости песни.

«The Queen» обожал с юности, а ещё, конечно же, «The Beatles», Боба Дилана и «Nazareth». Рождённый в семидесятые, не мог пройти мимо музыкальных идолов того времени. Любовь сохранил на всю жизнь, хотя и современные группы нравились, но Фредди, как считал Саня, был Абсолютом. Да и настойка, приготовленная из сочных ягод на дешёвой водке, заходила под Фредди подобно нектару. На языке оставался мягкий привкус рябины и обжигающая кислинка водки.

А вот врач Савушкин, вспомнилось Сане, выступал против подобного сочетания: музыки и алкоголя. Приговаривал, что депрессивные расстройства, беспорядочно заливаемые водкой, приводят к...

– Да шёл бы тот Савушкин, – сказал Саня чёрному, с округлым брюшком коту, что приблудился невесть откуда прошлой весной, да так и остался. – Та ещё сволочь была. Ты знаешь, Фред, как он ходил, эта безупречная сволочь, в белоснежном халате, выбритый до зеркального блеска. И пахло от него, – зло крикнул Саня, сделав проигрыш «The Queen» на телефоне чуть тише. – Невероятно свежо.

Вспомнилась койка с пружинистой сеткой, тело, перетянутое простыней, только что Саню опускали в тёплую ванну. Процесс Савушкин называл по-домашнему мягко – укутка. Простыня высыхала, и Саня чувствовал себя куколкой бабочки. Казалось, вот распадётся кокон, и Саня вылетит в узкую щель решётчатого окна, чтобы никогда не вернуться. И он пытался разбить головой подсыхающий кокон. Из углов бывалые куколки вещали ему назидательно.

– Не горячись, парень, запишут в журнале «Возбуждён, болезненно заострён на значимых для него темах». И аминазин тебе обеспечен.

И Саня затихал в своём коконе. Утром приходил Савушкин, разгоняя медикаментозную вонь ароматом сандала с нотами бергамота. И пока он назначал уколы, от которых глохли звуки и наваливалась сонливость, Саня чувствовал волну свежести, знакомую и родную, папа ведь тоже обожал «Шипр».

Андрей Ломовцев родился (1968) и живет в Мытищах (Московская область), писатель и путешественник, учился в мастерской А. Аствацатурова, школе лит. мастерства «CWS», студии «Vapd». Автор публикаций в журналах «Дружба народов», «Урал», «Волга», «Сибирские огни», «Север», «Уральский следопыт» и др.

А Саня подвёл папу. Он всех подвёл. И жену, и сына, и сотрудников в институте. Надо было с крыши, а не таблетки эти.

We will, we will rock you.

Фредди закончил, публика засвистела. Саня затёр недорисованного кота и сполз аккуратно с высокого табурета. Убрал бутылку рябиновой в белую пасть холодильника. Хватит. Достал сыр, два яйца, сваренных вкрутую. Бухнул на плиту пузатый обтёртый чайник.

Хватит. Вчера, тоже вот, благопристойно всё началось. И он решил сходить в баню. А что, юбилей, имел полное право. И даже кота позвал по привычке. Располневшая туша, Саня назвал кота – Фред, уставилась в телевизор. На экране, по широкому мосту ходил человек с микрофоном, справа и слева плескалось море. Саня терпеть не мог море, дважды тонул, и дважды спасал его папа.

Сейчас показалось, что зря.

А вот баню Саня любил. Готовился к процессу загодя, протапливал до восьмидесяти, сбрызгивал настоянной на хвое водицей жаркие доски. Заползал, жмурясь от удовольствия, на верхнюю полку. После трёх заходов словно рождался заново, благостно на душе становилось. Главное с бражкой не переборщить, что булькала в резиновую перчатку, натянутую на пластиковую бутылку.

М-да. Саня отрезал ломоть белого хлеба, накинул сверху тонкий лист сыра. Вчера перебрал чуток. День рождения, праздник, который был востребован в детстве. Папа приносил круглую шоколадную «Прагу», лимонад и коробку, в которой Саня находил краски и очередные карандаши. Мама суетливо украшала свечами торт, бабуля скрипела, что не успевает дорезать салат и запаздывают Беловы. Лишь дед безразлично заполнял комнату запахом беломора. Под два метра ростом, парторг химического завода, относился к нему как к собачке, что лезла радостно под громадную его ладонь, приглашая погладить.

Праздник повторялся из года в год. Саня научился передаривать краски. Беловы развелись и приходили порознь, исправно опаздывая. Будто застыло то время, словно врос в него сам именинник, не собираясь взрослеть и расти. Он просто был счастлив. И «Прага» казался необыкновенно вкусным, не то что сейчас.

По прошествии десятилетий праздновать стало не с кем. Пока гремела перестройка, а Саня перерождался в лечебнице, незаметно ушли родители. Маша, дочь тех самых Беловых, на три головы выше Сани, не боявшаяся пересудов и слухов, на многие годы ставшая верной женой и подругой, элементарно устала. Ждать, бороться и выживать. После развода, продав квартиру, переехала в Петербург, пристроилась библиотекарем. Сын рассказал. Счастлива, ходит в оперу и пишет стихи.

Сын. Павел. Павлуша. Лучик света, что, отклонившись от горизонта его жизни, уже не вернулся. Но позванивает. А Маша вообще никогда, словно отрезало.

Сколько же он сына не видел, Саня задумался. Чайник вскипел, и он плеснул кипятком в высокую кружку, помотал в воде чёрный пакетик. По всему выходило лет десять. Как укатил Павлик на стажировку в Германию. Хвастал, что получил гражданство, девушка у него, немка из Казахстана. Приедут когда-нибудь, повидаемся.

Вчера Павлуша не позвонил. А может быть, связь плохая. Саня куснул бутерброд, стараясь захватить зубами побольше сыра. На ломтике остались отметины, словно кусал ребёнок. Сыр подсох и казался безвкусным. Саня запил его чаем. Душа плакала и просила плеснуть рябиновой.

Хотя вот чего он раскис? Петька ж, Свиридов звонил. Вместе протирали штаны с первого по десятый. Петя звонил исключительно спяну и в неурочное время. Говорливый, журналистом всю жизнь отпахал. Пётр Владимирович теперь. Саня почитывал его опусы в интернете. Ничего так, забавные.

– Рассказ подумываю о тебе написать, – нетрезвым баритоном вещал в телефонную трубку Свиридов, после короткого и невнятного поздравления. – Нужен мне образ героя, такой, знаешь, ну, чтобы огонь и медные трубы. Ну ты понял. Ты ведь герой у нас, Сань, просто забыл об этом.

Саня подрастерялся, представил себя, нечёсаного, с подвисшими щеками, ростом чуть выше метра, с выпирающим из-под рубахи брюшком и нетрезвого к вечеру. Героя не получалось, хоть застрелись.

– Саня, ты чего загрустил? Ровнее дыши, не волнуйся, – голос Петра Владимировича превратился в насмешливый шепоток Петьки, что, обернувшись вполоборота, списывал контрольную у мелкого Сани. – Помнишь выражение, что вызывало у тебя нервный тик? Ну это, – Пётр попытался изобразить тонкий голосок вчерашнего одноклассника. – Ты что, самый умный?

В тот момент скрипнула дверь, потянуло свежестью из коридора, моргнул на стене светильник. Саня на скамье замер. Посмотрел – никого. Показалось.

– Алё, Саня, ну ты вспомнил то выражение?

Ясен пень, вспомнил. Ему неизменно хотелось крикнуть в ответ:

– Я самый умный, разве не видно.

Но молчал всякий раз, как его рассмотреть, этот ум. А он читать начал в три. Достоевского, чьи страницы дед перед сном мусолил, Саня раскрывал и бубнил под нос. Родня прислушалась, он слова проговаривает. Непредсказуемая реакция случилась у бабки, потащила его к врачу.

– В три года ребёнок не различает понятия – звук, буква, слог, и тем более слово. И не в состоянии осознать прочитанное.

Вердикт вынесла рыжая тётка в очках, докторша. Бабка лыбилась и тюкала Саню по затылку когтистым пальцем. А Саня подхватил со стола сказки и отчеканил с выражением с пятой страницы. А мог не читать, помнил всё наизусть.

Ну а то, что в школе на золото шёл, вообще история скучная, понятно же, шибко умный.

Только маленький. Нарушения гормональной регуляции, свой приговор Саня запомнил.

В классе кличку приклеили – Гном. Одноклассников и всех прочих соседей, что дразнили, Саня, стиснув зубы зарисовывал в толстый альбом, подаренный папой. Одни там болтались на виселице, другие корчились на костре. У кого топор в спине, у кого нож в глазу, в каждом правом углу гильотина с отрубленной головой. Сознание оказалось изобретательным, и детская рука не дрожала.

Чтобы как-то подмаслить реальность, Саня старательно делал домашки для одноклассников. В алгебре ему не было равных, посылали на математические олимпиады. Первые места занимал и по химии, и по физике. Директриса готовилась послать «умного гнома» в Москву, на олимпиаду по биологии. И Саня впервые встал в позу.

We will, we will rock you.

Победы не приносили Сане радости, только боль позора и унижения. Он выходил к награждающему на сцену, и зал взрывался оглушительным хохотом.

Потом бабка случайно нашла школьный альбом. Саня был бит плотным ватманом и отведён к психиатру. Узнав о происшествии, папа взбесился, в семье случился скандал. Авторитетный дед

встал на сторону бабки. Мать подчинилась родне. Папа, забрав школьный альбом, хлопнул дверью на два долгих года. Саня скучал, но, с другой стороны, его не мучили уроками рисования. Потом был выпускной, непонимание отца, сложный разговор с дедом и поступление в институт назло увещеваниям близких.

Саня вздохнул и засопел в телефон:

– Ты к чему клонишь, Петь? Хочешь эксгумировать труп моей прошлой жизни?

Голос в трубке рассыпался смехом, а Сане показалось, будто из парилки потянуло горячим воздухом. Так и есть, дверь приоткрыта. Заглянул на мгновение, лицо обволокло влажным паром. Чёрт. Опять показалось. Он вернулся, налил браги и включил звук в телефоне на громкую связь. Пётр что-то там вспоминал:

– и тогда ты рюкзак её взял, что был с тебя по размеру. До остановки тащил. Ну и чем не герой? Эх, Саня, а помнишь, кандидатскую твою обмывали? Я проездом в Москве, пиво с раками, ну в ресторане, что на Арбате. Не помню название...

– Прага.

– Точно! Ты шутил, что дорос до ста двадцати, и хорошо, что не килограмм. Говорил, что юмор твоё оружие от назойливых взглядов, и мы сцепились на эту тему. А ты помнишь, рассказывал, что все окружающие – папарацци...

– Конечно. – икнул Саня. – А я «гвоздь программы», бежавший из бродячего цирка. Вам ведь жутко прикольно, как я в автобусе на сиденье карабкаюсь. Альпинист типа. Фотографируете украдкой, друзьям показать. Знаешь, Петь, хватит об этом. Давай просто выпьем за нас.

Саня глотал сладкую брагу, пока глаза не упёрлись в стеклянное дно стакана. Выдохнул, закусил сухариком. Телефонная трубка в ответ крикнула, шмыгнула носом и произнесла сильно хмельным баритоном:

– Погоди-ка, Александр Григорьевич, не до..говорил я. Прожить жизнь в стране великанов, ты считаешь не подвиг? Ты, пы..тался бороться.

Трубка икнула, чиркнула спичка, Пётр Владимирович выдохнул сигаретный дым:

– Развал страны пережил, и развод. Это ли не поступок героя? Про то и будет рассказ. Что скажешь, Сань, р..разрешаешь?

– Герой, напрудил в штаны под горой, – Саня долил браги в стакан. – Герои должны умирать. Петь, так Ремарк написал. Если они выживают, то становятся скучнейшими людьми на всём белом свете. Мне кажется, такими я стал после развода с Машей.

– Ну брат, житейское об..стоятельство.

– Да, да. И не забудь в рассказе, упомянуть про ликвидацию института, про запои. Попытка суицида – увлекательная перипетия. И уверяю, читателю понравится переезд несостоявшегося героя из палат лечебницы в Хреново-дальнее, на вечное поселение.

Саня цедил брагу: домик в посёлке остался ему от родителей, и сердце к нему не лежало, слишком многое напоминало о прежней жизни. С годами пообвык, устроился в местный «Водоканал», сверял показания счетчиков, настаивал рябину на водке и вспоминал Машу.

Телефонная трубка молчала, в окно забил крупными каплями дождь, погасла лампочка в коридоре. Закинув голову, Саня смотрел на мокрые пятна на потолке. Крыша течёт, и в доме, и тут, а лезть и ремонтировать страшно, куда ему, со своими куриными лапками, обувь он покупал в «Детском мире». Мысли плавали и тонули в сахарно-дрожжевой мути браги. Разговор хотелось закончить.

– Давай закруглятся, Пётр Владимирович. Поздно уже, спасибо, что позваниваешь иногда.

– Так что, ис..пользую твои жизненные коллизии?

– Петь, пиши чего хочешь, мне до лампочки, чесно слово.

Фред свернулся в чёрный клубок и наблюдал за хозяином. Саня поёжился, в области лопаток словно прижгло крапивой. Почесался худым боком о жёсткую спинку стула. После беседы с Петром, он помнил, полез менять лампочку, да так шарахнуло током, что слетел с табурета. Очнулся в густой темноте, из парной шёл странный звук, похожий на свист.

В прошлой жизни, которую Саня пытался похоронить, а она вылезала воспоминаниями, словно сорняк, он, Александр Григорьевич Водоплясов, имел классическое образование, означенное в дипломе, как – почвовед. И его познания в области биологии, геологии и агрохимии предполагали исключить из реальности всякое мистическое и библейское заодно. Настрой закреплялся опытом проживания в стране безверия и победившего социализма. Потом империя лопнула, но после клиники Саня пристрастился читать Кинга и Симмонса. Может быть, потому испугался посвиста в темноте.

Пальчики его задрожали, губы задёргались. Так нервный тик проявлял себя с детства. Затакала по врачам его бабка. Всё не верила, что в семье с такими корнями и родословной возможен генетический сбой. А потом этот чёртов альбом...

Да, он вчера испугался, как малый ребёнок. Пот пробил от звука в крошечной тьме. Кто это мог быть, не хотелось и думать. В тот момент Саня перекрестился. И вспомнил молитву, неожиданно для себя. Хотя только в книгах читал да слышал в храме. Запомнил всего две строчки.

Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё;
да придёт Царствие Твоё; да будет воля Твоя...

И словно жёсткой щёткой по спине протянуло. Подумал ещё, что умер, черти в преисподнюю тащат. Вот ведь дурак.

Рванул домой, босиком, во влажной от пота рубашке.

Переодеться бы, да крышей заняться, – подумал Саня, рассматривая в кружке разбухший чайный пакетик. Вот уж поистине, будет поступок с моей стороны.

Фред зевнул, словно соглашаясь с мыслью хозяина, и отвернулся. Сане понравился ракурс с хвостом, да фломастер куда-то запропался.

Рубашка натуральным образом не снималась. Словно цеплялась за большое, воздушное за спиной.

– Твою ж мать.

Дальнюю комнату Саня держал под склад ненужных вещей. Тапки в налёте пыли на полу оставляли следы. Нашёл зеркало, оставшееся от бывшего родительского гардероба. Оттёр пыль. За спиной ничего не увидел, но ладонь нащупала нечто мягкое и будто пушистое. Вот ведь чертовщина какая, – ругнулся Саня и дёрнул за мягкое. Болью отозвалось в лопатке. Сознание пробила нелепая мысль – это что, мать твою, крылья?

Предположение показалось невразумительным, и на трезвую голову не пугало. Во что он вляпался вчера в бане?

Саня вернулся в комнату, постоял у стола, прокручивая ещё раз ночную картинку: удар тока, полёт с лестницы и... темнота. Ну да, свист ещё, вроде как мелодичный.

Резонным казалось пойти посмотреть, что там и как, в бане. Но мысль вызвала приступ слабости в коленных суставах. Саня ухватился за стол. Недорисованная рожа кота, казалось, ему подмигнула.

Блин. Как они этими крыльями пользуются, мелькнула шальная мысль. Не хотелось додумывать, кто они, он просто напряг спину. Что-то, невидимое его глазу, опрокинуло табурет. Фред на диване зашипел и дал дёру.

– Фига себе, – философски заметил Саня. – Ты видал, брат, какую штуковину я подцепил? – спросил он, ища глазами кота. – Глупый, – резюмировал Саня и вскинул руки к реечному потолку. Ступни оторвались, оставив на линолеуме мохнатые тапочки.

– Ё-моё...

Тело пробило жгучее возбуждение, восторг, который не испытывал с момента нежного возраста. Приложившись затылком о перекладину, Саня опустил руки и рухнул на пол. Кот тарашился на него из-под тумбы.

– Как же круто, Фред, ты просто не представляешь. С таким подарком мы и крышу в момент починим.

Дождя не было, на улице пахло хвойником и перегноем. Почерневшая крыша из ребристого шифера выглядела неприступной крепостью. Сунув в пакет кусок рубероида и горелку, Саня начал штурм лестницы, что упиралась о водосток. В пылу борьбы позабыл о приобретении за спиной. Уже ступив на край замшелого шифера, услышал ядовито-весёлый голос соседки.

– Ох, Григорьич, осторожнее там, не свались ненароком.

Этот голос словно сдёрнул с последней перекладки ногу.

– Сука.

В полуметре от кома влажной земли Саня напряг спину и выставил перед собой ладони. Завис, растягивая рот в злобещей улыбке:

– И вам, добрый день, Марина Васильевна.

Истеричный визг соседки огласил округу почище пожарной сирены. Саня расслабил спину и аккуратно встал на ноги.

– Не, ну реально ведьма...

Сплюнул и поспешил в дом. Ведь разнесёт по округе бывшая учительница, вроде, истории, вызовет ментов, а ещё хуже скорую. Хотя и сняли с учёта мильон лет назад, да с таким подарком навечно в психушку засунут. А ведь только взлетел, как бабочка.

Саню затрясло, пришлось достать рябиновой настойки. Выпил, закусил шоколадным батончиком. Кот наблюдал из укрытия. Саня пробрался к окну. Большегрудая Марина Васильевна шагала в сторону автобусной остановки, ветер размывал на горизонте пепельные облака.

Да и плевать, подумалось Сане. И он налил ещё на полпальца.

К обеду вышел доделать работу кровельщика. В три приёма залатал дыру на крутом скате, ловко расплавляя рубероид пытящей горелкой, и вернулся на землю, не тронув злополучную лестницу. Из-за покосившегося забора захлопали и заорали знакомые голоса:

– Вау! Круто, мужик. Копперфильд отдыхает! Давай ещё покажи что-нибудь...

Соседские мальчишки снимали происходящее на телефон. И когда успели прознать? Дурная баба уже растрепала, шумело и тревожилось в голове. Вспомнилось про Копперфильда и прочих. Почёт, слава, деньги. Неплохо. Но, главное, его признали, как в далёкие годы юности. Увидели в нём не гнома.

В голове разлилось радостное возбуждение. Саня завис в воздухе и раскланялся. Улыбнуться не получилось, спина жутко чесалась. Плечом дёрнул случайно. Невидимое крыло снесло лестницу, и та влетела в забор. Подростки бросились врассыпную.

– Не получилось великого фокусника, – бормотал Саня, заходя в дом. Новоприобретённое чудо срочно требовало инструкции. В интернете ничего не нашёл. Набрал Свиридова, может, подскажет чего, писатель. Пётр внаглую сбросил вызов. И сколько ни набирал, абонент был временно недоступен. Да и чёрт с тобой, подумал Саня, вот интересно, какие они, эти крылья, белые, чёрные, или розовые, как у фламинго? Папа называл цвет – глубокий розовый. Сане он нравился.

И тут снова вспомнил про баню. У крыльев точно имелся хозяин. Идти было страшновато. Возле постройки крылья затрепетали, Саня почувствовал в спине напряжение. И одновременно слышал стук. Долбили в деревянный переплёт узенького оконца. В стекле висело лицо, черты казались знакомы, но вспомнить не получалось. Бледный скрюченный палец застучал повелительно. Саня едва не сел в грязь, колени совсем не держали.

В предбаннике воняло сгоревшей серой. В дверях фигура, обмотанная полотенцем. По виду, будто подросток. Ангел, прикинул Саня, а может быть – чёрт? Инопланетянин, как вариант. От запаха защипало в глазах.

– Ты кто? – сорвалось с языка.

– Конь в пальто, – выдохнула фигура тонким мальчишечьим голосом. – Смотрю, крылья мои понравились? Звездой решил стать? Подозревал, что ты не от мира сего, мерзкий гном.

Саня растерянно молчал, прикрыв нос ладонью. Ангел показался слишком невоспитанным. А с другой стороны, рассуждал Саня, разозлишься, когда у тебя крылья упёрли.

– Ты ангел или навозный жук, что так воняешь?

– Ангел, епена мать, ты слепой, что ли, – расстроено пожала плечами фигура. – Всегда так пахну. Зубы не заговаривай, крылья верни, тебе они ни к чему.

– Разбежался, – решил не отступать Саня, вспомнив восторг в глазах пацанов на заборе. – Профукал крылышки, так и сиди, не вякай. Я с ними кайф почувствовал, вторым Копперфильдом стану. Деньги, почёт, уважение.

– Ты дурак? По второму кругу пойдёшь? У тебя уже было всё...

Саня запнулся. После почёта и уважения, к кандидату наук заглянул змей зелёный, с которым невозможно бороться, следом белочка и отвращение к миру.

– Себе не обманешь, – кивнула фигура. – Давай так, ты мне крылья, я тебе наводку, в какую сторону двигаться. А то опаздываю на свидание.

– И как я узнаю, что не обманешь?

Фигура присела на табурет.

– Никак. Придётся поверить на слово.

– Ну хорошо, – Саня кивнул, сглатывая слюну, подумалось – крылья лучше отдать, что с ними делать всё одно непонятно, снять самому всё одно не получится.

– Слушай, а я был уверен – ты мой ангел, ну типа хранитель. Разве не так?

– Раскатал губу. За инспектором закреплён. Фатеев из тридцатого дома знаком?

Саня кивнув. Белобрысый, весом за сто килограмм, Володя жил с матерью через дом.

– Ну вот. Это брательник мой.

Тут Саня вспомнил, на кого похожа эта фигура с лицом подростка. Хулиганистый брат соседа. Наглый пацан, что обзывал Саню гномом. Говорили, его зарезали в пьяной драке.

И таких набирают в ангелы, расстроился Саня, что творится в небесной той канцелярии?

– Не любит брательник баню, вот к тебе заглянул. Крылья на минуту оставил, а тут ты.

– И почему же они ко мне прилипли? – спросил Саня.

– Кто их знает, – пожала плечами фигура. – Первый раз с таким феноменом сталкиваюсь.

– А ведь я с детства чувствовал, нет у меня защитника на небесах, – расстроено сказал Саня, – у инспектора есть, я чем хуже?

– Тебе не время ещё.

– Обидно. Чёрт с тобой, забирай свои крылья, – Саня развернулся спиной. – Солью бы надо посыпать, я в интернете прочёл.

– Не надо. Читай меньше ереси, понял?

Фигура, обхватив крылья, рванула их на себя. Потеряв сознание, Саня рухнул на пол, уткнувшись лбом в дубовую дверь.

– Ну прости, – ангел перешагнул через тело и бросил сверху ненужную простыню. – И вот ещё что... Делом займись, к которому тебя с детства вели.

Саня очнулся к вечеру от пронзительного воя полицейский сирен. По спине словно прокатился бульдозер, рубашка разорвана, и крыльев он не нашупал.

Произошедшее казалось дурным сновидением. Он перебрался в дом. Померил температуру. Стандарт, но голова кружилась. Заглянула соседка, голосистая Марина Васильевна. Принесла «божьему» человеку, как шёпотом назвала Саню, бутылку тёплого молока и бидон парниковых огурчиков.

– Слышали, Фатеев-гаишник подростка сбил ночью на переходе. – доверительно сказала соседка, убирая молоко в холодильник. – А утром застрелился из табельного пистолета. Совесть, видать, замучила. Представляете, какие дела.

– Да ладно, – удивлённо протянул Саня. В памяти воссоздалась фигура с бледным лицом вчерашнего хулигана, немой взгляд, чёрные крылья раскинуты за спиной. Тут же пришло на ум фотом дать пегие облака и заходящее солнце в цвете лавандового крайола.

Саню пробил озноб.

Боже, какой же он простофиля. Папа же в детстве всему научил: цветовая шкала, полутень, пропорции, перспектива. Ему на блюдечке подали профессию, он решил доказать, что способен сам выбрать. Какой он... кретин в самом деле.

Название картине дал «Падший ангел». Осталось с утра доскочить до Твери, купить свежих красок и холст.

Он вдруг почувствовал себя нужным, ощутил радость, поднимающуюся изнутри, без рябиновой настойки и браги, обжигающую и волнующую. Видел её в палитре темнеющего неба цвета индиго, услышал в каплях начинающегося дождя, почувствовал в запахе свежего молока и кошачьего корма. Он сможет передавать свою радость через картины. Вот, например, соседке, которая и не сука вовсе, а удивительно милая женщина.

Он сидел и улыбаясь смотрел на суетливую Марину Васильевну, что перекладывала огурчики: в резиновых стоптанных ботах, широкая цветная юбка до пола, седой волос из опущенного платка, нос с горбинкой, округлые красные щёки. Полутёмная комната с паутинкой в углу окна, пол шершавый в извилистых трещинах, липкий свет абажура и зелёные огурцы в модном цвете влюблённой жабы.

Выстраивались в голове элементы второй картины.

We will, we will rock you.

– Ну что, Фред, покажем этому миру, на что ещё гномы способны?

Кот залез Сане под руку, потёрся о маленькую ладонь и заурчал.

Владимир МОРОЗОВ

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

– Почему здесь не красят заборы?
– Потому что заборов здесь нет!
Только реки, леса, косогоры,
Да неяркий, мерцающий свет...

День сегодня какой-то дурацкий:
Нет бензина, и дождь проливной –
Мы застряли в степи волгоградской,
И не можем вернуться домой.

Отгорожен которые сутки
Мир от нас бесконечным дождём...
Мы сидим в ожидании попутки
В Красном Яре, в столовой, и ждём.

Мы везде навсегда опоздали –
Поезда перестали ходить,
Электричества нет на вокзале,
Невозможно билеты купить.

Ветер листья вдоль улицы носит,
Проступают в тумане дома –
Значит скоро закончится осень
И, быть может, наступит зима.

Слабый свет. Саратов

Бывали лучше времена,
Бывали и похуже.

Владимир Морозов родился в 1958 году в Якутии. В 1980 году закончил геологический факультет Саратовского государственного университета. Публиковался с 1985 года в журналах «Литературная Грузия», «Новый журнал», «Волга», «Последний экземпляр», «Формаслов». Автор книг стихотворений «Холодный воздух» (Саратов: Контрапункт, 1998), «По дороге к декабрю» (Саратов: Музыка и быт, 2018) и «Любимые птицы предместий» (Саратов: Музыка и быт, 2023). В России жил в Саратове и Санкт-Петербурге. С мая 2022 года живёт в г. Остин (Техас, США). Предыдущая публикация в «Волге» – стихи, 2021, № 1-12.

Деревья стыли у окна
От новогодней стужи.

Покрытый вьюгой снеговой
От центра до окраин,
Нам этот город под горой
Порой казался раем.

А что мы делали тогда,
Как жили – помню плохо,
Тем более что навсегда
Закончилась эпоха

Таких надуманных страстей,
Таких банальных истин...
Под утро стало чуть светлей
И больше палых листьев –

В тумане люди не видны,
Да и деревья тоже,
И только слабый свет луны
Течёт по бездорожью...

Проводница на подножке,
Старый прицепной вагон.
Дождь ночной идёт в окошке,
Стынет кофе с молоком.

Ночь дробится зеркалами
Угасающих огней,
Словно плачет вместе с нами,
Только мы не верим ей:

В этом маленьком буфете
Толкотня и суета –
Мы одни на белом свете,
Уезжаем навсегда.

Сказано уже немало,
Прожито совсем чуть-чуть...
Дождь за стенами вокзала
Льётся на железный путь.

Плачут мокрые деревья
На рассвете в тишине,
И хранит их отраженья
Сон, приснившийся не мне.

Порой немного странно,
Что мы одни на свете,
Что наши рестораны
Песком заносит ветер,

Что все цветы завяли
В ночных библиотеках,
Что пусто на вокзале
И некуда нам ехать,

Что утром дождик мелкий
Штатается по саду,
И часовая стрелка
Прилипла к циферблату,

Что рано на рассвете
Сбегают постоянно
Приснившиеся дети
По лестнице стеклянной,

И тихими шагами
Идут осенним садом,
Твердя: мы рядом с вами,
Мы вечно будем рядом...

Непредсказанный дождь застеклил поутру тротуары,
На прощанье удвоив листвы облетающей вес,
Словно город большой и, пожалуй, действительно старый,
Обнаружил себя ненадолго и снова исчез.

А ещё фонарей догоревших лиловая сажа
Заметает колёса застывших навеки машин...
Здесь кончается мир и деревья стоят, как на страже,
И хотят, чтобы ты наконец-то остался один.

Накануне зимы куда торопиться не надо,
Потому что туман, оседая, скользит по реке,
Потому что река, потому что пора листопада,
И мосты над рекой говорят на своём языке...

На рассвете

Дай грошик, Гаврошик! Смотри: фонари –
И те перед носом твоим выключают!
И двери все заперты... Слёзы утри,
Давай лучше выпьем горячего чаю.

Нам так надоело пустое враньё,
И жизнь ускользает из наших объятий –
А мы отпускаем на волю её,
Худую волшебницу в бежевом платье.

Такие погоды нас гонят вперёд,
Каких не встречали мы в наших кочевьях!
И серое солнце неспешно встаёт,
И сушит росу на траве и деревьях,

И можно увидеть, чуть-чуть погода,
Как ветер холодный несёт над домами
Пустые облачки ночного дождя,
Которого вечером не было с нами...

Зимние птицы юга

На нас напали марсиане,
Деревья в парке захватив,
И тянут, спрятавшись в тумане,
Свой нескончаемый мотив.

Неживших сущностей приметы
Мы узнаём по голосам,
Когда, теплом живых согреты,
Они приходят в гости к нам –

Как будто призраки с тобою,
Теряя память, говорят...
Исполнен палою листвою
Декабрьский медленный закат.

Зимы не будет в этом мире,
Поскольку времени здесь нет,
Здесь даже в брошенной квартире
Всю ночь горит неяркий свет,

И только птиц ночных круженье
Невысоко над головой
Твоё скрывает отраженье
В небесной тверди вековой.

Алексю Голицыну

Трали-вали-пассатижи –
Неба ледяной металл –
Дождь всю ночь стучал по крыше,
А под утро перестал.

День с утра такой холодный,
Словно зеркало с водой,
Словно на бумаге плотной
Чей-то росчерк неземной.

Лёгкой поступью кошачьей
Приближается зима –
В этот ранний час на даче
Наступает тишина,

И все утро над Затоном
Тонут наши корабли,
Исчезая в невесомом
Небе около земли.

Вот эта воля, это пламя
Реки, ушедшей навсегда:
Зима застыла за домами
И больше не спешит сюда.

Сегодня тот же день недели,
Что и пятнадцать лет назад,
Когда холодные метели
Сгубили наш фруктовый сад.

Декабрь серебряный над Волгой
Под утро застит небеса,
Чтобы затихли ненадолго
Ночных прохожих голоса,

И птицы за стеклянной дверью
Во тьме хлопочут ни о чём,
Кидая выпавшие перья,
Как камешки, в наш спящий дом...

Когда ты вспомнишь о дожде,
Дождь обязательно начнётся –
Как будто ночью, в темноте,
Сад на мгновение очнётся.

Сегодня в мире ни души,
Река течёт неторопливо,
Шумят в заливе камыши,
А после кашляют с надрывом,

И лодки сами по себе
Стучатся твёрдыми боками,
Как знаки перемен в судьбе,
Или того, что было с нами...

А мы глядим в ночную тьму,
И ничему уже не верим,
И знать не знаем, почему
Бессмертье бьется в наши двери –

Как будто слабая душа
Слоится в утреннем тумане
И, тихо крыльями шурша,
Кружатся ангелы над нами...

Легенда кружев и запястий
Разочарованный уклад
Прошедших дней – не в нашей власти
Вернуться в тот забытый сад,

Где ночью тонкие созвездия
Мерцают в полной темноте,
Как корабли из ржавой жести
На дне ночного моря, где

Взлетают старые столицы
К нависшим низко облакам,
Как будто северные птицы
Стремятся к южным берегам...

Феликс ФИХМАН

СНЫ О РОССИИ

Из архива Э. Э. Гера. Публикацию подготовил Г. Г. Лукомников

*Воззри в лесах на бегемота
(М. В. Ломоносов)*

Пролог

Я выгляну. На воле – до утра
Незыблем кайнозойский гнусный воздух.
Я вяпаюсь в яичницу двора –
Взирать на мертвые, сочувственные звезды.

Как бы толпа. Как бы сошлась глазеть.
Как бы рабы. Как бы безумный Фатум.
Как бы навис мещанский Колизей
Морщинистым лицом Амфитеатра.

Еще базальт на этажерках гор,
Еще полно необожженной глины.
Еще – и ящеры, и воющий укор
Воюющим грядущим исполинам.

Но за Цикладами, за пенною грядой –
В бега, в бега совращена Елена.
От ломких «ля» до лакомого «до»
Растянуты аккордеоны лестниц.

(Продолжение следует)

(продолжение)

Бугрящийся, багровый этот сон:
Сиянья бледные и жуткие кометы;

Феликс Фердинандович Фихман – поэт, эссеист, переводчик. Родился в 1942 году в Караганде. С детства жил в Вильнюсе. Окончил историко-филологический факультет Вильнюсского университета. Переводил с литовского (в частности, стихи и статьи Эдуардаса Межелайтиса) и армянского. Работал переводчиком и корректором в вильнюсских периодических изданиях; некоторое время – экскурсоводом. Активно печатался как переводчик, но его оригинальные стихи почти не публиковались. Автор слов «Февральского романа» («Ты ль, февраль, на душе?..»), фактически ставшего фольклорной песней. Умер в Вильнюсе в 2011 году.

Не плугом вспахан – иссечен косой
Бескровный лик, землистый лик планеты.

Страшна не кровь. Страшнее отчий кров.
Страшней – пора безлюдья и беззверья.
Страшней морщины мощных парусов,
Опущенных безветрием беззверья.

Ты, мощь безглазая (негнущийся рычаг),
Не знающая ни поры, ни меры!
О страны! – Струны в скрипке палача,
Что умертвил ацтеков и сумеров!

От полюса до полюса, как ток,
Бегут Америки от севера до юга,
А поперек, на сладостный восток –
Евразия (на карте – образ плуга).

Восток – ты шелк под пальцами купца,
Ты лишь прикинулся дамасской сталью.
И нет тебе рожденья и конца,
И нет препоны бодрому ристанью.

Вот октябрем земля обнажена –

Аж до коры – и нет ее голее,
А все-таки все вертится она,
Как при Тиверии, вокруг древней Галилеи.

1. Город

На северном печальном снеге
(А. С. Пушкин)

По стеклу зудит курсивом
Дождь, как сизый виноград.
За стеклом лежит Россия,
Как музейный экспонат.

В братоморье-государстве
В мартобре наступит март.
Слякоть, сплетни о начальстве,
Питер, каторга, ломбард.

Чада чада – петербуржцы,
Выметаясь из дворов,
Так и мнутя, так и жмутся
Под кнутами кучеров.

Непроспавшийся чиновник,
Дура с томиком Зола,
Бедствий родины виновник
Анархист – исчадь зла.

Боек, как обычно, Невский,
Процветает пищепром.
Кто-то досыта-не-евский
Бьет старуху топором.

Ужас, Брокен, пляс ведьмачий!
А в прекрасном далеке
Декаданс один маячит,
Словно труп на чердаке.

Петербург. Пурга и буря.
В Зимний тащат динамит.
Изнуренный, как в ауре,
Жмет мадонну содомит.

Ад чердачный, неудачный,
Паутина по углам.
А в подвалах – гогот смачный:
Дети ввержены в бедлам.

На Перинной в смрадной блинной,
Зябко кутаясь в платок,
Магдалина, Магдалина
Выставляет локоток.

Вот просторная Сенная
(В Святокаменье спьяна
Окрестили, дело зная,
Площадь имени Синая
В площадь Мирра и вина¹).

М-да... Со Съезжей на Сенную
Девку тащат напоказ.
Боже! Тельце рыбы снулой
И ручьи из дивных глаз.

О некрасовская муза,
Падла, битая кнутом!
Сколь ты тяжкая обуза
На пути моем крутом!

¹Ныне Сенная – площадь Мира (Здесь и далее примечания автора. – Ред.)

2. Ресторан

С кого они портреты пишут?
(М. Лермонтов)

На фиг страхи, на фиг жалость.
Будем пить боржом, перно
И с заводов им. Жан-Жака
Натуральное вино.

Впрочем, что ж я? И не надо!
Будем рыбу жрать ножом,
Водку лопать до упада,
А боржом мы оборжем.

Нас (а мы иных дородней)
Мучат газы и артрит.
Ветер свищет в подворотне
И с душою говорит:

Взятку в лапу – и с приветом.
В «Метрополь» – а там уют,
Там червонные валеты
Жрут пожарские котлеты,
Курвы денег не клюют.

Без оглядки, без опаски
Ресторан галдым-галдит.
С шиком панским над шампанским
Шулер Шиллером глядит.

Лейб-гвардеец с харей сладкой,
Бонвиван, любимец дам,
А во лбу, хотя ни складки,
Но для шарма – бледный шрам.

Севастопольский калека
(С ветераном не шути)
Сделал – невидаль-то эка! –
Культ из собственной культи.

В уголку бурчит невнятно
Поседельй господин –
В ранг обрядности опрятность
Возводящий Н. Щедрин.

С рыжим выкрестом Шапиро
(На всю Русь такой один)

Талмудычит про Шекспира
Кетчер¹, друг шипучих вин.

Кто-то в подшофейне сильной
Хрюкорявкнул, как со сна:
«Бей жидов, спасай Россию» –
И Россия спасена (!).

Всех наслушавшись до шока
И объевшись ассорти,
Парвеню розовощекий,
Рот зажав, бежит в сортир.

Кабинеты в ярком блеске
(А обслуга! Ну – Париж!).
Нувориш гудит ноблессе
Непристойное: «Оближь».

И фисташки из Айовы,
И игристое во льду:
Всё, что пенисто – х....
(С римского перевода).

Хрумким верненским² апортом
Ветхий давится Адам.
Из графинчатой аорты
Хлещут вина в лифы дам.

А за лифами – лафеты.
Ке-с-ке-ву, месье, ла фэт?³
И сотрудники в салфетках –
Как майоры в галифе.

Непорочную избили
В кабинэ партикюлье⁴.
Ах, какое изобилье
Было за дезабилье!

А под дверью ресторана,
Не слезая с облучка,
Сонный ванька с мордой рваной
Поджидает седока.

¹ Известный переводчик Шекспира

² алмаатинским

³ Что, сударь, вы с ней вытворяете?

⁴ отдельном кабинете

3. За гарью гарь

*И вот, нахлебавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете*

(А. Толстой)

Помолюся оглоеду
Князю, на-конь – и ура.
А с победою приеду –
Дома та же конура.

Чтой-то с Западом творится,
Чтой-то всё у них не так.
Платит Русь за всё сторицей
Плюс неверно понята.

Там легенда об Икаре
(А на кой Икар нам ляд?),
Здесь – преданье о Макаре,
Не гонящем телят.

Там крестовые походы,
Здесь – лизня татарских ж...,
Вот уж напишут оды,
Скажут Всаднику: «Ужо».

Нет, недаром, не задаром
(Иго – ордунга оплот)
Петр-митрополит татарам
Лета многая поет¹.

Умостились мы под иго.
Иго-го! – никто ж на ны.
Умастился хан-ханыга
Хной до пят – и хоть бы хны.

Наконец орда зачала,
Разварилась на куски;
Тамерлан ее расчавкал
На двоих с Маке-Донским.

Всё одно дорожки розны:
Там Эразм, Рабле, Монтень,
Здесь – Иван Васильич Грозный
Тень наводит на плетень.

Здесь Отрепьев с Васькой Шуйским,
Там – Сервантес и Шекспир.
Вот такие, братец, шутки:
Вверх Батыга в шок – и спим.

¹ Историч факт. Митроп. Петр отслужил молебен за здоровье хана и присных его.

Только выперли мамаев,
Как скуфейники туды ж
Набежали-прихромали,
Влезли в душу – не продышь.

Третий Рим – а сплошь кликуши
И вопросы все поверг
Кардинальный: можно ль скушать
Гриб-масленок в день-четверг?

Над народом бездыханным,
Преданным (когда и кем?)
Кесарь реет богдыханом,
Грабит и ссылает в Кемь.

И ничто уже не мило,
И скрипит неначь кирза
Стобоярская фамилья –
дуз-ордын-туган-мирза.

4. Арапник Петра Великого

*Ничто от роковых кохтей,
Никая тварь не убегает.*
(Г. Державин)

Вулканическою лавой
(Наконец-то цель обрел)
Византический, двуглавый
Сверху ринулся орел.

Но в Европе без манирлих
Указали на шесток.
Вот и стал клевать сонливо
На восток, восток, восток.

Исчерпамши все начатки
Монголоидных наук,
Он уперся в край Камчатки,
Дальше вроде бы каюк.

По краям у государства
Благодатные края.
Мы, как галлы – *in tres partes*¹:
Русь, Рифей² и ни...

¹ О трех частях (*Omnia Gallia in tres partes divisa* – Caesar, *Comm. de bella Gallico*)

² Поэтич. назв. Урала

К счастью – облыл, звероликий
(А Европе реверанс),
Смастерил нам Петр Великий
Безрессорный ренессанс.

На все на три океана
Отпустить хотел козла.
Шапка, шапка мономана,
До чего ж ты тяжела!

Русь в камзол одеть – так, верно,
Надо вбить через кость ум.
Экой подвиг беспримерный –
Без примерки шить костюм!

Петр сыскал себе игрушку
И зажарил: «Пшел» да «Пшел».
Видел за морем телушку –
Перевоза не расчел.

За Петром – императрицы
(Тоже миленький аспект).
То ли двадцать, то ли тридцать? –
Ломоносов всех воспел.

Гинеократия – слабым.
Мягко стелют – с жестким спят,
И „Das Reich muss uns doch bleiben“¹
Немки мощные сопят.

Все блондинки да шатенки.
Автократорша-вдова –
Голоштанная с Голштейна
Мессалина № 2.

Кто готов царицу выдрать?
Выступай вперед смелей.
С этой старой мудрой выдрой
Дело стало веселей.

Развела она конюшню
Из Орловых-рысаков.
Шла страна ни за понюшку
Под мелькание совков.

Верный Фалл на зависть зубру
Матку вправду разрезал.
И amicus Plato Зубов
Выбрал большую из зал.

¹ Царство <небесное> будет нашим во что бы то ни стало (нач. строка лютеранского гимна)

Что тут печься о примерах?
За монархиней – хоть в гроб.
И барахтался в портьерах
Рытый бархат мятых роб.

Век прогресса. Что за новость?
И, суперкамзол надев,
К москвитам Казанова
Мчится, очень зол на дев.

И не хлопнул же кондратий!
И не сгнили ж на корню!
Дали всход аристократий
Мужебляди-парвеню.

Но зато «Наказ» написан,
Хвалит нас за то Дидро –
Кланяется нам на бис он,
Разглагольствуя мудро.

Взвейтесь, соколы, орлами!
Полно горе горевать!
Будет и у нас парламент
Заседанья открывать.

Это ж надо (плачьте, други!) –
Так узреть коцитов брег:
Лопнуть на горшке с натуги
В героический столь век.

5. Содом победы

*С кем мы пойдем войной на Гиену?*¹
(Г. Державин)

Не читаю – чту страницы.
Войны – прямо как запой.
С ревом ухали границы
Под потемкинской стопой.

Русь Осману повторила
Недозубренный урок:
Шасть корридой на Тавриду –
«И в темный лес ягненка уволок»².

¹ Т.е. Францию

² И, действ., коренное население Тавриды (бычьей страны) было в 1944 г. вывезено в Сибирь.

Взяли чурок мы за жабры –
И вступила в строй домбра.
Киплинг наш, мурза Державин¹,
Одой брякнул: одобрял.

Подоспел как раз Суворов,
Всю Европу изумил
И под сень штыков спроворил
Неприступный Измаил.

В царстве там бычков и мидий
Трех империй полюса,
Письма с понтом² там Овидий
Корешам своим писал.

Наш солдат могуч во брани.
Ах как хочется в Царьград!
Золотой бы Рог – в бараний!
Ну а там – сам черт не брат.

Всю, бля, музыку попортил
Сукин сын Наполеон:
Воевал страшнее черта
И к тому же не пил он.

Тут кунктатор³ меднолобый
Бой у филькиных⁴ стен дал,
И ховался по сугробам
От Давыдова Стендаль⁵.

Слопать Русь – не схавать жамку,
Хоть Москва с Бородина
Не спаленная пожаром,
А как целка отдана.

Уважительна причина,
Чтоб слинять аж за Урал,
Но какой-то мужичина
«Шапки к бою!» – заорал.

Ух! С отступу и с разбегу
На Европу Александр
Покатил арбу-телегу –
Все четыре колеса.

¹ Keep – держать (англ.)

² Epistulae ex Ponto

³ Кунктатором (медлителем) римляне прозвали Фабия – победителя Аннибала. Поразительно соответствие (и в мелочах!) второй Пунической войны и Русского похода: Тразимены, Канны, стояние в Капуе – и (без видимых военных поражений) постыдное бегство.

⁴ Совет в Филях.

⁵ Стендаль спасся от казаков, притаившись в сугробе

На врага поскачем лавой,
Гикнем – ну, держись, мон шер.
Правый царствует расправой,
Смелым – рай и в палаше.

Ждали вы армагеддона? –
И на Бледе на коне
Вот ассаргадончик с Дона –
Грозный Платов, как в кине.

Помнишь то, француз, веселье –
Как топтал столицу гунн,
Как мабишь¹ твою с похмелья
Осчастливил полк драгун?

Ать-два – Лейпциг, Ватерлоо,
Брошен враг скале в оскал.
Царь доволен. Вытер лоб он
И в Россию ускакал.

Ах Европа, мать-Европа,
Ах страна святых чудес!
Съел тебя он без сиропа
(Рифма, слава богу, есть).

Кознодейка-заграница
На коленях и в слезах
(Даст бог, статус сохранится
В этом quo врагам на страх).

Свой народ глядится зверем,
Но сойдет все с рук трэ-бьен²,
Ибо глуп и суверен
Сиволапый суверен.

Разобрались научно.
Торжествует сатана.
Русь подушно и поштучно
И поштычно учтена.

И в покое величавом
Может наш Агамемнон
Ферлакурничать и чавкать,
Трюфлями набив мамон.

¹ Супругу

² Наилучшим образом

Он – покой. Рцы слово твердо¹.
(Русский вариант – ГДЕ ЁЖ?)
Аз есмь буквица для смерда:
Нет мякины – жри бриошь.

Вот стране увеселенье:
Парадиз – и вдруг парад.
Зоре, фрунту, поселенью
Будь же, россиянин, рад.

Рассиялся пред трюмо царь,
Глаз не может отвести:
Лысый ангел, чистый Моцарт.
Надо б Катю² навестить.

Ну-ка к Кате в Тверь закатим,
Затворим тихонько дверь.
Катя, Катя! На закате
Человек – не царь, а зверь.

6. Тетрoгa и нравы

*Не о былом вздыхают розы
(Тютчев)*

Режут волны пироскафы
(Ох, не понял Бонапарт):
Века нового раскаты
Очевидней всяких карт.

Вижу: барские хоромы.
Говор. Дышится легко.
На столе искрится скромно
Вдовья лепта от Клико,

Занд зондирует кинжалом,
Есть ли сердце в Коцебу³.
Эпиграммочку? Пожалуй:
Пушкин жалит: «Koz eбу».

Дать *им* землю? Сграбить выкуп?
Сбагрить, к матери, царя?
Что вопрос – то заковыка,
И уходит время зря.

¹ ОПРСТ (по слав. азбуке)

² Вел. кн. Екатерина Павловна, инцеста Александра I. В целях прекращения скандала была выдворена правительством в г. Калинин.

³ 1819 г.

Пездель раздувает брыли.
Варианты, вроде, верны:
Чем мой батя для Сибири,
Тем я буду для страны¹.

Бух! Расселся Аракчеев –
То-то соло и вокал!
Растолкал он книгочеев
По углам и соловкам.

В барских гнездах страх и одурь.
Шайки на ногу легки.
Аж с 12-го года
Партизанят мужички.

Но и войско огромально,
Лязг затворов и штыков.
Направляется команда
В усмиренье мужиков.

Наш майор рожден был хватом,
Бородинский был герой.
Жаль его: сражен ухватом,
Спит теперь в земле сырой.

Вот потрянуть бы черной мощью!
Пособляй, дедуль Пахом!
В ермитаже пол навощен –
Прогуляйся петухом.

Ego vos (а в переводе –
Брысь, ату, задам же вам!).
Будет трепка при народе
Алансонским кружевам.

Жакерия? Ну не дай бог.
Перекладина да нож.
Как прорвет имперью-дамбу –
Так в полвека не заткнешь.

Да и впрямь ли есть надёжа,
Что взбеснуется народ?
Хватка у него бульдожья,
Но зевота во весь рот.

¹ Отец П. Пестеля на посту генерал-губернатора Сибири прославился неслыханным даже для России лихоимством и жестокостью. Что же касается пестелевой «Русской правды» – об этом «Mein Kampf» судите сами.

А что мужичье погнали
Спины гнуть да голосить –
Это вроде маргиналий¹
На полях святой Руси.

Заросли цынготной тиной
Лопань, Вобля, Хопр и Цна.
Лапотник! Тебе полтинник –
Просто красная цена.

Ерго – сами. Вижь, вождь медный:
На алтарь кладем живот.
Кверху бровь и взор надменный –
Хоть сейчас на эшафот.

Жертвы мысли безрассудной!
Одного не разочли:
Смерти средь природы скудной,
В тайных пропастях земли.

7. Действительность неразумного

*Кто русской глупости не хочет бить челом,
Тот враг отечества и сеятель разврата.*
(А. Пушкин)

Диалектика наитий
(Нет! – нашествий). Не грусти!
Челобитье с мордобитьем
Симметричны на Руси.

Призрак больше не обманет.
Тигры совесть не грызут.
Лишь струна звенит в тумане
Да Поприщина везут.

Но азарт куда же денешь?
Хоть сигай ты с ним с моста.
За студенческие деньги
На галерке есть места.

Сколь феатр тебе сподвижник,
Вольнолюбческая прыть!
Весь раек восторгом выжжен.
Вот сопрано воспарит –

¹ пометок на полях (книжных)

Разом вихорь пролит арий,
Разум в ярус ярость мчит;
Сверху – шлюмпен-пролетарий,
Аплодируя, мычит.

Дома – с другом спорь, ругайся,
Книги толстые читай
(Но не перенапрягайся –
Не поймешь ведь ни черта).

Начитался ты Волтера,
Брат-оппозиционер,
И привык, что *figma terga*¹
Философия – в цене.

Ринулся с отвагой прежней
С брега, но обманут: ил!
Чем невнятной, тем безбрежней;
Это Кант Иммануил.

Эк ведь транс трансцендентальный! –
Ни пространства, ни времен.
Разуму досмотр детальный
И дотошнейший ремонт.

Время заодно с пространством
(С Рюрика до Колымы)
Даже не в солдатском ранце,
А в Нигде нищой сумы.

Штурм унд фюрунг (нахт унд нибель)²,
А для русского ума
Это все капкан унд гибель;
Р-расходись-ка по домам.

Остается только шамкать,
Рыться в мешкотной мурье.
Возвышает послушанье
И листание Фурье.

Всё разумно, всё в порядке,
Всё блесит как на парад.
Не играй с начальством в прятки,
Встань, как винтик, в аппарат.

В средоточье аппарата,
Хоть бранись, хоть не бранись,

¹ верная опора

² Буря и натиск (ночь и туман) – лозунги Гете и Гитлера

Восседает автократор –
Самодержец (онанист?).

Прикуси язык собачий!
Causerie¹ не козырай.
Фордыбачить – Ачинск бачить.
Жить средь коми и зырян.

Русский суд недаром назван
Скороправедным судом:
По Сибири, по Кавказам,
Чаадаева – в сумдом.

На Руси к послушным чутки,
А ослушнику – лоза.
Кот, пригревшись на печурке,
Alter ego² облизал.

Хочешь выжить? Спой-ка ты гимн –
Дескать, «боже сохрани»,
Чтоб начальничек Топтыгин
Не приписывал херни.

Против власти? А никóли!
Эта штука для жидов,
Мы же свято о Николе
Посещаем божий дом.

Можно жить! По спальням шарить,
Всяки смачности жевать.
Право слово! Что мешает
Честно жить да поживать?

Вот усы нафабрил гаер,
Едет к миленькой-другой.
Колокольчик, гаргалгая³,
Балалаит под дугой.

Благодетельное лоно!
Спасены и жир, и честь.
Ну зачем, скажи, законы?
Вместо них – порядок есть.

Враз чиновников наперло –
Охренительную рать.
Стали гаркать во все горло:
«Дайте жрать» да «Дайте жрать».

¹ Искусство острословия (фр.)

² Второе я...

³ т. е. дар Валдая

Тут-то наши все рязани
Вместе с тьмою мудаков
Дали им на растерзанье
До скончания веков.

Николай раздал им перья,
Чтоб способнее скрести –
И пошла писать имперья,
Ножки глиняны скрестив.

Надоумь-ка: недоимки
Как съютить тут из полтин.
Доставай, мужик, ефимки:
Подать надоть заплатить.

Мужичьем тебе, отчизна,
Понастроим пирамид.
В рай оно пути расчистит –
Там уж спину распрямит.

До чего проста волынка!
Помня про глаголь¹ и штык,
По приказу вяжет лыко
Всероссийский пашалык.

От томленья духа (финстер
Ерн!²) нагрянул катаклизм:
На Москве славянофильство,
В Питимбурхе – спиритизм.

Надоело шлаться в церковь,
Надоело всё чернить.
Не пойти ль, как под проценты,
В рост под выстрелы чечни?

Зри российскую отвагу!
Вновь кипит хвастливый лях,
Но Суворов³ едет в Прагу
В орденах и соболях.

Три прихлопа, два притопа.
Штык, конечно, молодец.
Сдан геройский Севастополь,
И всему пришел кобздец.

¹ Виселица (по сходству с буквой Г)

² Ни фи́га себе! (евр.)

³ внук

Зря Нахимов и Тотлебен
Защищали бастион.
Впрочем, был урок целебен –
Протрезвления рвотный стон.

На фига ж мы обозлились?
Что в Крыму нам за рожна?
Как в Содоме, засолились
Флот и флотова жена.

И от Перми до Тавриды
(По пути – Царевкокшайск¹)
В ополченках инвалиды
Стали совесть искушать.

А моряк (вся грудь – наколка)
Шепчет горничным (аврал!),
Что архистратиг Николка
На хрен всю войну прос...

Мы-то думали, что Молох
Нас и наших деток ел.
Оказалось – просто олух,
Удалившийся от дел.

8. Отрадно спать, отрадней камнем быть

Спите! Бог не спит за вас.
(В. Жуковский)

И рекли тогда безумцы:
Нам гарантий бы чуток,
Конституций и презумпций –
Дабы увенчать чертог.

Новый царь-ослобонитель
Зануделил канитель
Розыска корней и нитей.
Земство учредил. Антей...

Вековую, злую он цепь
Безрассудочно расторг:
Думал – воссияют солнце
И братанье и восторг;

Медом закипит и млеком
Благодарный отчий край,

¹ Йошкар-Ола

Мириадами молекул
Строя броуновский рай.

Всё построим! Каждый знает,
Что Россия – чистый лист.
Утопистом погоняет
Утописта утопист.

Не пахать бы нам, не сеять,
А толстеть бы все с лица.
Тятя, тятя! Наши сети
Притащили мертвеца.

Пиф-паф! Каракозаностра¹,
С заратустриных знай книг:
Старых ведьм – по темю острым;
Падающего толкни.

Потому как мы мерзавцы
(Это ясно и ежу) –
Подавайте нам эрзацы.
А какие – доложу:

Демократию и вермут
На отечественный вкус.
И тогда пойдем поверх мы
Вермахта – до Сиракуз.

Отдохнешь, коль замордован.
В Сиракузе жисть сладка:
В берегах архимедовых –
Сверхмолочная река.

Одного мне жаль: что вермут
Чище зевсова орла
Печень русскую, наверно,
Доклюет вконец со зла.

*

Стали нигилистогонным
Казачата Русь лечить
И по стогнам цоком конным
Ход событий горячить.

Даже не спрося фамилий
(А ведь мы куды горды!)

¹ 1866 г. (выстрел Дм. Каракозова)

Поголовно обхамили
И составили в ряды.

Дисциплинка – то, что надо.
Лишь начальник: «Гав!» – в ряд
Встали, смирно ждут наряда
И тихонько говорят:

Нам не надо конституций,
Кроме милости начальств.
Чем мы, право, хуже Турций? –
Всё гаремы по ночам.

Возвращаясь от портнихи,
Мудр умом и сердцем чист,
Aut bene aut nihil¹ –
Воскликает нигилист.

Надо б умственно развиваться,
Надо б Гегеля понять.
Но ташкентца-евразийца
Даже страхом не пронять.

Суть матерьялизма терпка:
Spiritus² есть дух чуней.
Вот в чем мысль: «Мослы есть – ergo
Есмь». Чуней оно черней.

Не труди мозги напрасно:
Очень много лет назад
Изложил все это ясно
Водянистый Аквинат.

Аквинат был аккуратный,
Очень верный был Фома.
Не персты влагал в стигматы,
А могучие тома.

Нет последствий без причины.
Ты поноса вспять не нудь;
Будешь смирно жить и чинно –
Так позволят и гульнуть.

Ну-ка, братцы, дружно гряньте,
Каждый будь калиф на час.
И не надо нам гарантий,
Кроме милости начальств.

¹ Или по-хорошему, или совсем не надо

² спирт; <винный> дух

Вот что мне скажите, братья:
Кто вопит, идя на рать?
Похвались, идучи срати.
Ну куда бы нам удрать?

Вертикаль переиначьте
В поперечный грубый брус –
Выйдет мачта, а на мачте
Выгнут парус – Иисус.

В парусах гуляет ветер.
Сон о будущем пухов.
В Новом Свете в новом свете
Всё увидел Лопухов.

9. Апофеоз

«Россия, торжествуй! вскричал я. – Без меня»
(Н. Карамзин)

Ад чердачный, неудачный,
Паутина по углам.
И сезон, кажись, не дачный,
И эпоха – сущий срам.

Чада чуда – русопяты
Всех воззрений и мастей –
Вырастают, как опята,
С дозволения властей.

Вани, Васи, Севы, Коли –
Все, усердием горя,
Хочут¹ видеть на престоле
Всеславянского царя.

Браво, браво, русопяты!
Прорастайте там и тут:
Выше лобных мест треклятых
Наши уши не растут.

Что нам буби, что нам червы!
Начинали мы с азов.
Делом первым Петр I
Навалился на Азов.

Но черней, мрачнее тучи.
Мы Европе насолим!

¹ Автор знает, что пишет

Вон взалхлеб считает Тютчев:
Рим, Стамбул, Ерусалим.

Мы полякам вырвем жало,
Нанесем такой удар,
Что раскинется держава
От Амура до ЮАР¹.

Вот Европе зеро-зеро!
Рази ж нёмчин не видал,
Как от Зеи² до Ганзеи
Раскидались невода?

Мы тунгузов победили,
Персам вывели баланс,
Мы бурбонов посадили
На престол ля дусэ Франс³.

Наш Суворов брал Варшаву,
Пугачева усмирял
И, штыком махая ржавым,
С Альп на заднице съезжал.

Не продаться ли за злато?
(Дыры, злато залатай.)
Но за златом, аты-баты,
Надо топать за Алтай.

В-вах! У нас кабаньи нервы.
Стоит воинство позвать –
И попрется прорва к Мерву⁴
Сартов⁵ цивилизовать.

Вот проходят сотый с лишком
Хрен какой меридиан,
Пробавляясь ясачишком
И лупцуя по мордам.

При, ребята, ратным строем!
В ясаке есть ярый смак.
Уж герои так герои –
Дежнев, Атласов, Ермак.

¹ Тогда – Капская республика (Кейптаун назывался Капштадтом)

² Приток Амура

³ сладкой Франции

⁴ Сейчас – Мары

⁵ Узбеков (по Сыр-Дарье)

Dormit bonus aliquando¹.
Щи продул – и был таков.
Вдруг депеша из Коканда:
Нужно тысячу штыков.

Волны нам Амура вторят.
Как составим каталог
Нам потребных территорий –
Каталог под потолок.

Дальше? Veni vidi vici.
Сколько выйдет на грош йен?
Будем с гейшами сходиться,
Comme des chiens avec leurs chiennes².

Тама – польки под сурдинку,
Здесь – цукци задарма,
Посрединке – насреддинки;
Было б глупо задремать.

Русь ты Русь! Тебя до Мерва
Не понять и не обнять.
Шиной, в общем, не измерить³,
Сколь бензин ни обонять.

10. Путешествие из N в N

Гони, ямщик, е.... м...!
(А. Пушкин)

Русь ты Русь, моя чахотка
(Грамотней – туберкулез).
Кенигсберг – и вдруг Чукотка,
Двадцать дён под стук колес.

Больно уж типаж заманчив.
Ничего уже не жаль!
Как гидальго из Ламанчи,
Я из Вильны уезжал.

Я жиденок обруселый,
Я обрушен – c'est le mot⁴,
Я рассеянный с Бассейной,
Недотепка-соломон.

¹ Благостный – дремотен (Гораций о Гомере)

² Как кобели с суками (фр.)

³ Аршином общим не измерить (Ф. Тютчев)

⁴ Се – слово

Мысли черные отринув
(Да и чувства злые те),
Сквозь Сибирь я, как нейтрино
Через космос, залетел.

Ехал-ехал, мерил версты –
Никому ты не чета!
А кругом снегов ковер стыл,
И царила там Чита.

Полустанки – и цыганки
(Ах! Увы! – не в шалашах),
А в зубах у них цыгарки,
Серьги звонкие в ушах.

Нагадай в кофейных зернах
Гущу сладких перемен.
Что ты выпялила zenки?
Мой карман – он твой, Кармен.

Приходи к меже заветной,
Там с тобой поворожим –
От заката до рассвета
Всю копну разворошим.

На Камчатку пру, как Чацкий,
Одеяльчиком накрыт.
Так Тезей решился мчаться
В миг критический на Крит.

Подвела ты, Мнемозина.
Разве это не Байкал?
Баргузин над магазином,
Словно бог, с неба икал.

Стройка. Рядышком помойка.
Дым и гром и дуст и хруст.
Шась в кабак – за стойкой Зойка
Прячет свой прокрустов бюст.

Русь! Взметнешь ты сарафаном,
Закружишь – лови ловчей!
Но сидел я Митрофаном,
Грустный, как виолончель.

Чтой-то больно ты, зазноба,
Размахалась подолом,
Кажный рыжий пялит оба,
Ну а впрочем – поделом.

Дьявол с ним. Грузовиками
На восток, наискосок.
Не угнаться за веками
Даже пулею в висок.

Камень, медь, за ней железо,
Когерентные пучки.
Что от бога – бесполезно.
Так-то, братцы-мудачки.

Всё устало, всё обрыдло,
Отовсюду слышно «Ша!»,
На одних весах повидло
И бессмертная душа.

Я воочью зрел бессмертье
(В этом благе есть пол-зла) –
Как из пасти бессемера
Сталь витийственно ползла.

Что воистину бессмертно?
Цеп, стучащий на току,
Назывная соразмерность
Слов, вколоченных в строфу.

Тракт познания истоптан:
В ямах, в рытвинах цитат.
Ямб грядет четверостопный –
Звонкогордый, как центавр.

Век сменился (фу ты, ну ты).
Литераторам афронт,
Но заместо латифундий
Презентован им Литфонд.

Вся отчизна полной чашей.
И с поэзией – о'кей.
Затвердил я отченашим:
Не играет трус в хоккей.

Ни Бентама я, ни Сея
Даже в Вильне не читал,
А на берегу Енисея
Вдруг такая вот мечта.

Енисей похож на тушу.
Есть река – узка, мелка,
Но глядится прямо в душу
Око родины – Ока.

Там деревья в декабре
На заре стоят попарно,
И блевотина в коре
Оставляет «Бжег янтарный».

Я алкаш на излечёнке.
Встань с похмелья в ясный день,
Сквозь чугунные печенки
Ношпу дивную продень.

Чудно! Вдруг очнулся – «Тында»!
(Не ослышался? Во-во.)
Как же Тынде той не стыдно
Прозыванья своего?

В захолустях (в рот им дышло)
Не названия, а сон.
Побратайтесь, городишки –
Ты, Поцдам, и ты, Херсон.

Всю дорогу спирт и вобла.
Ни мур-мур и ни гу-гу.
Вот гляжу на фигу в оба –
Наглядеться не могу.

Топит женку Стенька Разин.
Впереди-то ждет помост.
Плаха – плохо? Нам без разниц:
Скрасть, пропить – и псу под хвост.

Вот Аввакум за двуперстье
Прется прямо на костер.
Следом в петлю лезет Пестель
(А умен был, а хитер!).

Полови на эти шансы
Да зипун на плечи вздень:
Половина – ницшеанство
Сверх рахметовских гвоздей.

Ну страница! То Малюта,
То Басманов, то Ермак.
Мордобой один – как будто
Очередь в универмаг.

Перечтешь, припомнишь – взвыть бы!
Аракчеев, Муравьев...
Длинный, длинный, длинный свиток
Равнодушно Клио вьет.

Все народы-государства
Уступают тройке путь,
А на ней сидит мордасто
Чичиков, не кто-нибудь.

Эпилог

Щенок должен съесть все и вылизать миску.
(Наставление по служебному собаководству)

Чу! Бубенчик ладой-птицей
Залился на весь Валдай.
В знойном мареве все снится
Оголтелый Субудай.

Ах пути, пути крутые,
Чудеса на чудесах!
Например – сынок батыев
Святоневский Александр¹.

Все мерещится, все снится,
Как, с полуденных морей
Дотянув к Москве десницу,
Жег ее Девлет-Гирей.

*

Усть-Пиздинск. И дождь вполсилы.
И сидишь, всему не рад.
За стеклом лежит Россия –
Как музейный экспонат

1974–1976, Вильнюс

¹Ал. Яр. по прозвищу Невский пошел в приемные сыновья к хану Батыю ради того, чтобы занять теплое кресло главного сборщика даней на Руси

«ИНТОНАЦИЯ ЯВЛЯЕТСЯ СУТЬЮ ЖИВОГО»

Беседа Дмитрия Авалиани с Лилией Патриковой (при участии Ольги Иорданской-старшей). Расшифровка магнитозаписи и редакция Германа Лукомникова

Москва, 1992 год. В квартире, которую семья Иорданских из Сокура (поселка Новосибирской области) снимала в начале 90-х в писательском доме на Красноармейской улице, близ метро «Аэропорт».

Из архива Евгения и Германа Иорданских (Сокур – Новосибирск).

Магнитозапись, о существовании которой никому не было известно, чудом сохранившаяся и недавно найденная Германом Иорданским в куче старых кассет.

Магнитозапись очень плохого качества, что-нибудь расслышать очень трудно. Поэтому многие фрагменты расшифрованы предположительно; таковые заключены в угловые скобки. В случаях особо сильных сомнений добавлен вопросительный знак в обычных, круглых скобках. Зачастую приходилось использовать пометку «нрзб», т.е. неразборчиво.

Дмитрий Евгеньевич Авалиани – выдающийся поэт, палиндромист, мастер комбинаторной и амбиграммной поэзии. Родился в Москве в 1938 году, умер там же в 2003.

Лилия Алексеевна Патрикова – режиссер новосибирского школьного самодеятельного театра «Шляпа», журналист. По ее словам, работала также дрессировщицей медведей.

Ольга Михайловна Иорданская – педагог, сотрудница редакции одной из новосибирских газет. Жена сокурского литератора, архивиста, издателя, поэта и автора-исполнителя песен Евгения Иорданского.

Лилия Патрикова. Мне, значит, интересно вот что. Ну, это, конечно... (Звон бокалов.) Как происходит вот этот у вас, ну, если брать процесс, ну не творческий, нет, конечно, нет... Вот чувство рифмы, вот что это такое – чувство ритма, рифмы?

Дмитрий Авалиани. Ну, рифма для меня – это дело десятое. Не знаю... Есть... один верлибрист, он тоже Герман¹, который считает, что, ну, уже, ну нельзя вот, уже сейчас рифма – это совсем... какая-то там колымага по сравнению с нынешним...

Л. П. Ну, то есть что важнее, рифма или ритм все-таки?

Д. А. Нет, ритм, конечно.

Л. П. Ритм.

Д. А. Да, а рифма... Внутренняя рифма...

Л. П. А как вы относитесь к магии слова? к магии слова? Вот есть такое вот понятие – магия слова?

Д. А. Ну, в самом названии «Волшба»...²

Л. П. Да, да. То есть, слово – это... то есть, как вот говорят, по Библии, что сначала было слово...

Д. А. Да-да. Да.

¹ Имеется в виду поэт Герман Константинович Лукьянов (1936–2019), более известный как джазовый музыкант и композитор. «Тоже» – потому что тезка сына Евгения Иорданского – художника и фотографа Германа Иорданского (и мой). – *Здесь и далее примеч. Г. Лукомникова.*

² Так называлась большая подборка палиндромических и других стихов Д. А. в газете «Гуманитарный фонд» (№ 30 (133), 1992), составленная и прокомментированная мной и оформленная Германом Иорданским. Фактически первая публикация, представлявшая творчество Д. А. достаточно разнообразно и довольно обширно (она занимала более половины выпуска).

Л. П. Почему? Это же недаром говорят?

Д. А. Ну да... Ну, всё так. Всё так, да.

Л. П. Слово, которое создает вокруг тебя определенную... То есть от слова рождается материя.

Д. А. Ну и?..

Л. П. Есть определенный код в слове?

Д. А. Ну, я вот что хочу сказать. Что на самом деле вот я не считаю, что на самом деле как бы словами можно всё изменить. Но слова, определенным образом поставленные, они доносят ту интонацию, а интонация, в общем-то, это самое важное, вот... что является, ну... сутью живого. Вот это сохранение живого и это продление живого...

Л. П. То есть это какой-то информационный справочник, да, или что? Что? Как это назвать одним словом?

Д. А. Это не информационный... Информация есть информация, а интонация есть интонация. Это разные вещи.

Л. П. Интонация. А такие вещи, как звучание, не интонированное звучание, а звучание... сочетание...

Д. А. Оно всегда интонированное.

Л. П. Ну... как бы... Это же природа звука, это же, ну, определенное колебание, то есть, создается в атмосфере, да?

Д. А. Ну, да... Ну, я не физик. Я тут...

Л. П. К примеру, которое несет определенное... Нет, дело не в физике, я имею в виду... Ну, это вид материи, да? – слово.

Д. А. Ну да, конечно.

Л. П. Вид материи... да? Один из видов материи.

Д. А. Конечно, конечно. Да, да. Мне один антропософ сказал, так сказать, что вот... круглые слова... вот эти вот... палиндромы... вот... Я говорю: наверно, это в астрале? Нет, говорит, это не в астрале, это, говорит, выше... Вот. Подымай выше. *(Усмехается.)* Ну, в общем, он нынче покойный, вот. Человек замечательный был. Несмотря на свою антропософию, он еще и людей даже от рака вылечил. Вот. Ну вот так. Вот. Какие-то короткие... удостоверения.

Л. П. То есть, а что такое палиндромы? Это шар в вашем образном виде? Какой формы вообще эта штука? Это кольцо, да?

Д. А. Ну да.

Л. П. Кольцо замыкает, да?

Д. А. Ну, палиндром – это частный случай анаграммы. Анаграмма – это перебуквица. По-русски. Когда из тех же букв...

Л. П. Я тут неграмотный человек. Это что такое?

Д. А. Анаграммы писали... Вот Гомер, как говорят специалисты, половина эпоса Гомера написана анаграммами. Ну, анаграмма, ну например: «харизма – архаизм». Ну вот. Вот. Вот анаграмма.

Л. П. Так, вот и еще, вот это... палиндром... Каким образом он у вас рождается? Вот это же тут надо видеть, видимо, слово. Не то что там... У многих же стандартное мышление...

Д. А. Ну, я не скажу, чтобы я...

Л. П. ...слева направо. А у вас и не справа налево.

Д. А. Нет, я не вижу.

Л. П. У вас, видимо, какое-то очень круглое видение, такое, знаете, видение внутреннее слова. Как это происходит? Что вы видите вообще? Вот почему это происходит? То есть мне важно вот – ваша структура, как это вот ваше слово вот это рождается.

Д. А. Вы знаете, я... я не скажу, что у меня... что я вижу вот слово так, как.. ну... что оно во мне... что я его могу щупать изначально, как по своей, что ли... ну, как я родился. Этого не было. Вот. Но вот почему-то так получилось, что, ну, мне, что ли, захотелось... Ну вот это гераклитов-

ское: течет, всё течет, всё... И это... это страшно скорбно, и хочется... хочется остановить. Вот. Именно из желания остановить – не просто ж для шара, а вот... а вот остановить. Остановить...

Л. П. Мгновение, да?

Д. А. Да, да. Остановить... Потому что это какой-то курсив, понимаете? В общем, мы говорим много всяких слов, но, скажем, когда вы скажете что-то такое... м-м... «Я не меж иными “я”, и “мы” ниже меня». Вот. И это, в общем, какая-то вещь, которая сейчас стала очевидной. При... Вот. Но она...

Л. П. В палиндроме же еще смысл, кроме звуко сочетания, он какой-то очень несет социальный смысл.

Д. А. Ну, всякий, да. Вот. Но она, эта фраза, вот она как-то вот, она... Ее уже... тут ни одной буквы нельзя изменить. Она... она курсивом <стоит>, понимаете?

Л. П. Скажите, вот форма палиндрома, да? – это как? – форма, жанр или как это называется? Жанр, видимо, определенный, или что? Или стиль? К чему это относится?

Д. А. Ну, жанр.

Л. П. Жанр, да? То есть самостоятельный, да? Он присущ только русскому, или его можно на других языках делать?

Д. А. Конечно.

Л. П. На любых языках это можно делать?

Д. А. Конечно, конечно. Особенно... И в Китае есть палиндромы. Вот. И, там, <на иврите>...

Л. П. То есть это международный язык. Но в переводе палиндром не звучит? Она подвергается переводу вообще, эта штука?

Д. А. Да нет.

Л. П. С одного языка на другой.

Д. А. Нет.

Л. П. Совершенно, да? То есть всё.

Д. А. Это... Я... Это... Собственно, ну, он... Это суть языка. То есть каждый язык в палиндроме показывает, ну, свою психологию, свой характер... Вот.

Л. П. То есть это присуще только данному языку?

Д. А. Да. Но я... Скажем, вот, есть, например, какие-то вот анаграммы, скажем, ну, вот есть слово «морфа» и есть слово «форма». «Морфа» – это, так сказать, латинское, а у нас – «форма». Ну вот такие есть переключки с другими языками. Вот. Но... Но интересно вот. Интересно это.

Л. П. То есть палиндром... она не... Переводу не подлежит? С одного языка на другой.

Д. А. Да, ну конечно, ну как? Да вообще стихи не... неперее...

Л. П. Ну да. *(Смеется.)*

Д. А. Да, в общем, стихи – они невозможны, ну что вы... Я уж не говорю о Хлебникове, и Мандельштам – невозможный, и Пастернак – невозможный... Даже Пушкина не знает, собственно, Европа до сих пор. А уж сколько лет прошло, а... Для них, ну, Достоевский – да, а вот... а Пушкин – нет.

Л. П. И еще, каким образом... Вы работаете над словом? Или слово само приходит к вам? Или вы бегаете за словом? То есть ну как, образно если сказать?

Д. А. И то и другое. Нет, есть и... есть мгновенные какие-то...

Л. П. Да?

Д. А. ...а есть и долгая работа. Конечно. Есть поиск. А поиск – интересно, знаете. Если б это сразу приходило, ну какой был бы интерес? Я б <выдал (?)> сразу... Но для меня-то, мне же интересно именно вот это ощущение, что за углом что-то такое есть.

Л. П. Вы знаете, я, конечно, вы меня, это... ну как... я привыкла, может быть, в силу своей профессии говорить образные сравнения. Образ вот этот... Когда я вас почитала, там, у меня вдруг создалось ощущение о вас. Ну, по вашему вот... Там немного, конечно. То, что я там могла в газете¹

¹ Видимо, имеется в виду подборка «Волшба» в «Гуманитарном фонде» (вых. дан. см. в предыдущем примечании).

почитать. Но сразу мне вдруг показалось, что это что-то действительно очень круглое, в образном виде, и что вы как жонглер, понимаете? У вас <много-много шариков...> круглых... И вы, знаете, вы жонглер. Вот...

Д. А. Ну я понимаю.

Л. П. И вдруг я подумала, что вы все-таки жонглер слова.

Д. А. Ну, вообще, ну, жонглер – было такое слово...

Л. П. Мастер <жонглерства>...

Д. А. ...среди поэтов, когда трубадуры были, были жонглеры, мейстерзингеры. Было слово «жонглер». Это тоже были поэты.

Л. П. Да. То есть вы мастер словесного <жонглерства>... То есть я до этого не встречала такого. Ну, подобные штуки.

Д. А. Но сейчас это обидно, вообще говоря. (*Грустно смеется.*) Слово...

Л. П. Это много лет вы все это делали, да? Много лет собираете...

Д. А. Ну как, ну, в общем, ну как, ну, лет... лет десять.

Л. П. Так, и теперь возможно книжечку... что-то такое сделать?

Д. А. Да, да, да, да.

Л. П. Возможно, реально, да?

Д. А. Бонифаций¹ вот хочет меня, так сказать, вести дальше... Вот, так что... Ну, спонсор найдется – <будем нрзб>. Пока не знаю...

Л. П. Понятно. А как вот у вас складываются отношения с вашей... с вашими коллегами? По перу. Ну, есть ли взаимопонимание? Или каждый поэт тянет одеяло на себя? Есть у вас какой-то, ну... Или вы одиноки в своем творчестве?

Д. А. Ну, есть Пальчиков, который писал сонеты². Вот. Но у него беда вот в чем: в том, что он всё... он... он вкладывал... У него все строки одинаковой длины. Сонеты, строгие сонеты. Тогда как для меня интерес был именно находить ритмы через палиндромы. Они могут быть самыми разными...

Л. П. То есть вы замыкали?

Д. А. Да.

Л. П. Потому что любое стихотворение это все-таки горизонталь. А вы загибали и делали... вы замыкали. В общем, замыкаете. Понимаете, <это новая форма> стиха, то есть это чисто такая... То есть вы замыкаете горизонтальную строчку...

Д. А. Ну да, да.

Л. П. ...и заключаете ее в кольцо.

Д. А. Да, да.

Л. П. Замыкаете. Это совершенно... я считаю, что это... новый действительно жанр...

Д. А. Я строже, я там не допускаю мягких знаков³... вот... чем Пальчиков... Вот. Но в смысле ритма – наоборот, я ему не навязываю, а я от него жду. И поэтому... Ну, то, что он делает, это очень интересно. Вот. Ну, много и словотворчества. Вот. Но я, в общем, у меня блоки выстраиваются как-то, они сами друг друга... Я... меньше, меньше, может быть, меньше, ну, у меня славянизмов, там, – «иже», там, «аше», там, ну, всякие, так сказать... вот... слова, которые нужно в словаре... в словаре искать. Я предпочитаю пользоваться словами, которые, ну, есть в разговоре.

Л. П. То есть они... В разговоре.

¹ Бонифаций – мое прозвище и мой псевдоним тех лет. В 1992–1995 гг. я при консультациях Д. А. составил и отредактировал большую книгу его произведений, которая, увы, так и не была издана, но на ее основе были подготовлены некоторые его другие важные публикации.

² Владимир Иосифович Пальчиков (Элистинский) (1936–2019) – поэт, автор множества палиндромических сонетов (полипалиндромов, т.е. таких, в которых каждая строка является палиндромом).

³ Имеются в виду так называемый строгий и вольный стили, сложившиеся в русской палиндромистике. В вольном стиле допускаются некоторые отклонения от симметрии – в частности, не обязательная симметричность мягких и твердых знаков. В этом смысле Д.А. придерживался строгого стиля.

Д. А. Я... Да. Для меня разговорная речь...

Л. П. Да, у вас очень такой... язык... народный.

.....

Д. А. ...умершие слова.

Л. П. Так...

Д. А. А я хочу <живыми словами>.

Л. П. Вы водку пьете?

Д. А. Пью. <Ничего.>

Л. П. <Пойдемте сейчас выпьем?> У меня есть.

Д. А. Хорошо.

Л. П. А, или на работе не пьете?¹

Д. А. Нет, пью. Только попозже, а? Можно? Или...

Л. П. Ну попозже, ну я не спешу...

Д. А. Давайте сейчас...

Л. П. А, <это, что ли?>

Д. А. Да.

.....

Л. П. Так! Да, и зеркало... или, там, отражение... детское.

Д. А. Да, но я, <понимаете>... я же помню, я же помню, как я... Вот какие-то кадры отдельные... Я <нрзб, видите, одна из вспышек>, что вот... Меня <прозывают> «профессором» до девятого класса, когда я вышел из «вэшников» в «ашники»², и там уже я был не «профессор». <Хулиганство (?) нрзб>. Вот. <Нрзб.> Я помню, когда я... мне <еще три> года было, меня вынесли из кровати под деревья. Вот, солнечная... Август, что-то такое, вот деревья... <Тихо, хорошо...> И так хорошо. И так хорошо... *(Улыбается.)*

Л. П. И вот сейчас, допустим, в пятьдесят лет, вы ложитесь на траву и видите деревья над собой. Ассоциации, ряд вот этот жизни – или тот, детский?

Д. А. Ну...

Л. П. Или запах? Или что там?

Д. А. Ну да.

Л. П. Какие-то вещи точечные, да?

Д. А. Но вообще, конечно, всё сглаживается, всё стирается, а запах – это так... Чувство... Нет, чувство, когда женщина проходит с этими, с...

Л. П. Это сегодняшнее, а вот вчерашнее?

Д. А. А вот чтобы, скажем, чтобы различить, чем пахнет чай: тайский – жасмином...

Л. П. Нет.

Д. А. ...или корицей...

Л. П. Это сегодняшнее сравнение. А запахи детства?

Ольга Иорданская. Я помню запахи детства.

Д. А. Нет, ну это...

О. И. И запахи, и ощущения, цвета, всё помню.

Д. А. Это <нрзб любят> женщины. Вот. Это я... <так, как вы... как вы вот...> Я могу только в ваших глазах прочесть... прочесть вот это ощущение. А сам не могу.

¹ Д. А. работал консьержем в подъезде этого дома, и, очевидно, беседа проходила в день его дежурства.

² Видимо, имеются в виду школьники, учащиеся параллельных классов: «А», «Б», «В»... Возможно, в классе «А» учились ребята с более высокой успеваемостью.

Л. П. Или не хотите.

Д. А. Нет, хочу, но... Ну, мне тоже <нрзб>, что... или запах табака или что-то уже...

Л. П. Дело не в запахе и не в физическом ощущении, а нечто другое, это...

О. И. Память. Запахов.

Л. П. Память запахов.

О. И. Да, ощущений. *(Пауза.)* А есть люди, которые помнят больше сюжет, нежели чем ощущения.

Д. А. Нет, я... на самом деле мне хочется...

О. И. А я больше помню, <когда> ощущениями, чем фактами, да?

Д. А. Я так и не прыгнул <нрзб> с парашютом. Я... Да, я ездил...

Л. П. А вы со скалы ныряли в воду?

О. И. Я – нет. <Давайте> я тоже поеду.

Д. А. Да, я <нрзб>...

Л. П. Давайте поедem, я вас научу. Главное, очень важно – первый прыжок. Второй, третий – ничего.

Д. А. <Если что-нибудь получится> с моей этой штукой...¹ потому что <нрзб>, понимаете?

Л. П. А неважно. Нет-нет-нет...

Д. А. А тут <нрзб> мордой шмяк... это...

Л. П. Почему? Нет!.. Правильно! Вот я училась нырять, я училась прыгать с трехметровой, пятиметровой, десятиметровой вышки. В свое время я ныряла.

Д. А. Ну вот моя дочка. Она смелая. Дочка, вот ей уже <семнадцать> лет. Она смелая. Да. Она прыгает с больших высот.

Л. П. А вы спросите ее, как ей это досталось? Вы спрашивали ее?

Д. А. Она не боится...

Л. П. Вы видели только результат.

Д. А. Да, да.

Л. П. Но вначале, я знаю, первые три прыжка – это всегда болезненно. Первый прыжок – либо ты <нрзб> хребет и, там, мостиком уходишь – болезненно. Второй – либо... Второй прыжок – плашмя уходишь. Плашмя, я помню, у меня весь бассейн... Нет, я была <весь> сплошной синяк. Вот у меня все капилляры... сплошной синяк. Плашмя просто. Третий прыжок – уже знаешь эту середину, между крайностями, всё. Вот. Это свойственно любому телу. Вы если говорите насчет...

Д. А. Ну, я занимался слаломом. Я помню, как... ощущения на верху горы. Эти мальчишки на Воробьевых горах на своих коротких лыжах <гоняют>: вщты! вщты! вщты!.. А ты стоишь... Потом какая-то пружина вдруг – ах, пошел! – и <отправляешься>...

О. И. *(Смеется.)*

Л. П. Совершенно спортивный текст, но страх. <Есть нрзб> страх...

О. И. Который должен быть контролирующимся.

Л. П. Вот. Вот главное: вот эту штуку в себе преодолеть. Ведь вы же в поэзии эту штуку преодолеваете каждый раз.

О. И. То есть нужно страх перевести в ум, на другой уровень.

Д. А. Да.

О. И. На другой уровень, на уровень какого-то этого... осознания.

Л. П. И вот почему бы, а почему бы и нет?! Почему бы и нет? – вот эта вот штука. Раз! – нет, я сделаю это! И вы сделали это. Это уже спортивный интерес, там включаются всякие, ну, штуки, там, совершенно... А потом <думаешь>: боже мой, чтобы я когда-нибудь еще вот так вот <нрзб>... То есть, ну, штуки такие, да? Но, с другой стороны, конечно, риск...

Д. А. Ну я сижу, когда мне должна баба <нрзб> взять кровь из пальца, вот, у меня вот рука сама отдергивается.

¹ Видимо, речь о болезни позвоночника, которой страдал Д.А.

Л. П. Это нормально, это рефлексивная вещь.

Д. А. И я ничего не могу сделать.

Л. П. Правильно. Это нормально. Это нормально. И не надо от этого расстраиваться. Это нормальная вещь, это так и должно быть. Было бы гораздо хуже, если бы этого не было. Вы понимаете...

О. И. Естественно.

Л. П. Это нормальная вещь. Это... У детей то же самое. У моего ребенка истерика, как только ему кровь на палец, там... Всё. Понимаете? Хотя это не больно. Он знает – «комарик», это, он знает это... Но у него истерика. Это нормальные вещи. Это свойственно и детям и взрослым.

Д. А. А Машка моя говорит: я, говорит, боли не боюсь.

О. И. Истерика – ненормально, страх – нормально.

Л. П. Это уже форма, это форма – имидж, это спортивный интерес, они находят там какие-то штуки и показывают: ну, в смысле... выходят...

Д. А. Нет, она действительно, она... она такая.

О. И. У меня Дианка¹ тоже может терпеть.

Д. А. Да, это, нет, она... она совершенно оторвана...

Л. П. Это зависит от нервной структуры. Вот, допустим, я всегда говорю, вот дайте мне Родину, я ее продам. *(Смеется.)*

О. И. Это от мозга зависит, Лиля. Это от мозга зависит, Лиля.

Л. П. От нервной структуры, от нервной организации это зависит.

О. И. Нет.

Л. П. От сигнала.

О. И. От мозгов зависит.

Л. П. От сигнала. Да, в мозги, да. Ну, опять же, да. Потому что я вот боли, никакой вид боли терпеть не могу. Вот я тоже в этом отношении...

О. И. Да ты что?

Л. П. Не, не... Ты думаешь, я Зоя Космодемьянская? Не, ни в коем случае.

О. И. Я любую боль могу <вытерпеть>.

Л. П. Я всегда говорила, дайте мне Родину, я ее продам. Только не вырывайте мне ногти. Я как Мальчиш-Плохиш, за банку варенья продам Родину.

О. И. Ногти нет. Ногти нет.

Л. П. Просто к примеру. Лишь бы меня не пытали. Понимаешь?..

О. И. А я не смогу.

Л. П. Вот. Понимаешь, в чем дело? Как продам? Ну, ее без меня продали, собственно, просто... дело не в этом! *(Смеется.)* Вот. Я лучше сама повешусь, уйду из жизни, чтоб не выдать, допустим, информацию, да? Если это завязано с жизнями других людей. Но лишь бы не проходить через пытки. Кто-то может это проходить, кто-то не может.

Д. А. Нет, ну, я... Когда-то, ну, скажем, я мог голодать месяц, я мог переключиться. Я, там... Первые три дня нужно суметь, потом уже идет нормально. Вот.

Л. П. Для этого нужен смысл.

Д. А. Да.

Л. П. Очень большой смысл.

Д. А. То есть вот умение переключения – это есть. Но вот мгновенно вот к этому быть готовым, к боли...

Л. П. Нет. Нет. Это... Это нормальная вещь. И тут... И поэтому нельзя, там, винить Мандельштама того же и Мейерхольда, которые писали, там, в оправдательной, что я, такой-то, есть шпион и прочее...

Д. А. Ну да, тут мне Бурич говорил, что вот, вот вышла статья большая «Смерть Мандельштама», где его, так сказать, разбирают по косточкам...

¹ Диана Иорданская – дочь Ольги и Евгения Иорданских.

Л. П. Что он там, <Цветаеву> предал?

Д. А. Ну, в общем, и вот <такая какая-то мораль (?)>, такое <какое-то вот>...

О. И. Сами они мразь, кто пишут, понятно? Вот так вот.

Д. А. Я говорю: нет, я знаю об этом заявлении... Э-э-э... «На страшной высоте блуждающий огонь...» Я это...

Л. П. «Я не волк по природе своей...»

Д. А. Да... Вы этого не написали! Это... это... это же... за это <нрзб>, что бы он ни делал! – я ему все равно буду всегда благодарен.

Л. П. Может, это под пыткой было <подписано>?

Д. А. На нормальных глагольных рифмах, элементарных, так гениально написано.

Л. П. Да, насчет глаголов, можно у вас вопрос? То есть мы уже переходим...

Д. А. Да. Да.

Л. П. Что для вас глагол? Действие или слово все-таки? (Пауза.) А?

О. И. (Смеется.)

Д. А. Да нет, ну дело в том, что, конечно, я... я... нет, я...

Л. П. А вы избегаете глаголов, вы заметили? У вас нету глаголов совершенно...

Д. А. Я...

Л. П. Практически... Нет, это как связка.

Д. А. Я как раз недавно написал стих...

Л. П. Только как связка у вас глаголы.

Д. А. ...написанный почти на одних глаголах.

Л. П. Да? <Нрзб>

Д. А. Ну да... Нет, но... Туда глаголы... Просто в палиндромах они... мало входят, так сказать, они... Вот... Но в палиндромах, кстати...

Л. П. А что на глаголах у вас? Можно? Дело в том, что вся режиссура строится на одних глаголах. Меня это совершенно... интересует просто вот эта штука – природа глагола. Действие, да? Действие, наверно.

Д. А. В русском языке вообще глаголов очень мало. Очень мало вообще.

Л. П. Но есть действенный глагол и есть недейственный.

Д. А. Ну их очень мало, глаголов...

Л. П. Вы разделяете глаголы? Есть пассивный и активный глагол. Что я делаю и что я сделаю.

Д. А. Нет, у меня <все-таки>...

Л. П. Будущее и настоящее, да?

Д. А. ...глаголы... играют большую роль...

Л. П. И что я делал? Три, да? Глагол – это что, вскрывает природу времени? Или что? Или действие? Ну, действие, время... Как? Ну, давайте вот, чисто интересно... (Пауза.) Ну, природа глагола... Ну, что это такое вообще – глагол?

Д. А. «Глаголом жечь сердца людей».

Л. П. М?

Д. А. ГУЛАГом жечь сердца людей.

Л. П. ГУЛАГом... (Пауза.)

Д. А. Глагол – это энергия. И очень интересно, когда... Но вообще говоря, это... Дело-то вот в чем: что глагол... практически... он не нужен.

Л. П. Не нужен в русском языке?

Д. А. Да. Потому что... ну, подразумевается. Есть тире...

Л. П. Тире?

Д. А. Да.

Л. П. Которое может заменить глагол?

Д. А. Которое подразумевает...

Л. П. По паузе? Да?

Д. А. Конечно.

Л. П. Смысловая пауза, да?

Д. А. Да, да.

Л. П. А пример можете привести?

Д. А. Я в этом смысле у Цветаевой, так сказать, учился.

Л. П. Да. Да.

Д. А. Я... Мне не нравится Цветаева, так сказать...

Л. П. <Нрзб>

Д. А. Мне не нравится, *о чем* она пишет. Но мне нравится...

О. И. ...как.

Д. А. ...ее... Это вот... Эта лаконика.

Л. П. <Нрзб>, кстати, у нее <есть>...

Д. А. Эта лаконика, да. Вот. Это... это... это... это выходит из интимной... из интимной беседы. Это умение. Умение... умение <спрямлять>.

Л. П. Ну, хорошо...

Д. А. Вот. Это тире, да.

Л. П. То есть вы считаете, что глагол можно заменить не только тире – двоеточием, многоточием...

Д. А. Ну конечно.

Л. П. ...любой паузой?

Д. А. Конечно.

.....

Д. А. Вообще глагол...

Л. П. А вообще что присуще русскому языку? Вот мы говорим о языке. Какой наиболее, ну, так сказать, из оборотов русских – вот глагол, причастие, деепричастие и так далее... Что наиболее присуще, ну, не присуще русскому языку, а в речи, да? – в оборотах... Какие... как это назвать по грамматике правильно?

Д. А. Части речи?

Л. П. Это не части речи...

Д. А. Предлог... (Пауза.)

Л. П. Ой... Как же это, ну, скажите... Символика русского языка не в звуковом, а в...

Д. А. Вот я могу сказать, что один человек, армянин, <один>... ну, он <лингвист> такой... он мне открыл, что для {армянского}¹ языка, скажем, в отличие от Европы, для него характерно «ф», а для русского – буква «с».

Л. П. Это звук. А я имею ввиду... Вот слова, да? Вот есть глагол, есть существительное, да? Есть... какие еще там штуки?

Д. А. Ну неважно, ну есть – прилагательные...

Л. П. Что наиболее присуще, чаще встречается в русском языке?

Д. А. Ну...

Л. П. Скорее, существительные, а между ними связи, да?

Д. А. Нет, ну Лилечка, это мне неинтересно. Ну, статистически можно сказать, что <нрзб>.

Л. П. Статистически?

Д. А. Но... но это... но это же неинтересно, что чаще. Потому что, может быть, и чаще, но...

Л. П. Или связи все-таки. Главное – связи...

Д. А. Но... но курсив-то может быть...

¹ В записи Д. А. оба раза произносит «русского», но это явная оговорка, поэтому я решил в первом случае исправить на «армянского» (отметив исправление фигурными скобками).

Л. П. Что важно – само слово или связка между словами? То есть вот так если брать.

Д. А. Ну, конечно, связка.

Л. П. Связка?

Д. А. Конечно... Ну да.

Л. П. Между словами?

Д. А. Конечно, всё... Вся вот религия, так сказать, это связь...

Л. П. Связка, да?

Д. А. Конечно. Конечно.

Л. П. Значит, предлоги? С союзами.

Д. А. Вообще-то предлог... Предлоги, кстати, передают... Если взять просто смысл <звука>...

Л. П. Вы работали над предлогами?

Д. А. Ну... Ну, я не работал, но я знаю, что... это, кстати, <Менвар (?) мне> открыл, что в пред-
логах есть, ну, <звук (?)>... Что такое «б»?

Л. П. <Нрзб>

Д. А. Что такое «к»? Тык-к... Так... Что такое «по», «п»? «по»! «по»...

Л. П. Что это? Откуда это?

Д. А. Да. Это... Это вот смысл звука. Это вот... предлог...

Л. П. Ключ, да? Открытие следующего слова, да?

Д. А. Конечно, конечно, конечно. И поэтому когда... Само слово, собственно, и <раскрывает-
ся> через предлог...

Л. П. А вы когда-нибудь думали, что вот у нас предлогов, вот если взять весь земной шар,
да? – ну, нашу планету... В русском, только в русском языке столько много предлогов и союзов,
связок. Только...

Д. А. Ну да...

Л. П. В английском, в любых других...

Д. А. Я знаю одну француженку, которая писала специально диссертацию на каких-то вот...
связках – <«то» или... не помню...>

Л. П. Вы знаете, это присуще только русскому языку.

Д. А. Да, конечно, конечно. То есть это то, что вообще одушевляет язык. Эти вот всякие, так
сказать, ну, надо же, вот, вот, как бы, это вот...

Л. П. Такие штуки?

Д. А. Да, да. Эти штуки, они определяют... они дают душу языка. Хотя вот... Дух, на самом
деле, может и обходиться, там, без...

Л. П. А давайте мы с вами составим словарь по предлогам и союзам? и по связкам? *(Пауза.)*
Или это <неважно>?

Д. А. Это умертвит.

Л. П. Почему?

Д. А. Лучше... Лучше писать стихи... Я вот... Я написал стихи на... на синонимах. Я дал, так ска-
зать, вот одновременно и... и просто ряд синонимов... И одновременно я включил это в какой-то
смысловый текст. И в мелодию, в мотив. Вот. И...

Л. П. Вы играете на гитаре? *(Пауза.)*

Д. А. Я ничему не могу научиться, я только через себя <подключаюсь>. Я ходил когда-то
на борьбу, так сказать, занимался, но... Я левша... переученный. И, в общем, мне вот... мне этот
жест, я не могу... я не могу подражать, перенимать. То, что... То, что у нормального человека, так
сказать, <нрзб>...

.....

Л. П. Вы не могли бы мне сказать... Мне лично хочется. Ваше первое впечатление детства?

Д. А. Как меня моют. В Алма-Ате. В эвакуации. На столе. В ванночке. Вся кодла собралась...

Л. П. Это первое-первое воспоминание детства, да?

Д. А. Да, да. Вот я голый... я...

Л. П. Вы мальчишка...

Д. А. Да.

.....

Л. П. Вы знаете, что такое голод, что такое холод, что такое одиночество, что такое... То есть вы знаете всё. У вас было ощущение, вот допустим... Вы знаете, вот приходит какой-то этап, перигод, да? <Нрзб>, я всё знаю, мне ничто не интересно. Нет смысла жить, да?

Д. А. В этом смысле поэзия, она... она... она лечит. Потому что когда ты это скажешь, и когда ты это вынесешь, тебе уже, уже, уже легче, ты уже... уж вышел из этого состояния.

Л. П. Но это было, да, и часто?

Д. А. Конечно, конечно. Периодически. Неверие в...

Л. П. А суицидные мысли? Суицидные мысли.

Д. А. Нет.

Л. П. Никогда?

Д. А. Ну, нет, так, чтобы вот думать, вот я пойду, я... Это только...

Л. П. Я уйду, да?

Д. А. Да. Нет, это <было>... Состояния такие были, что вот так вот навалилось, понимаете... ситуация... но нет... Я слишком... Ну, я не... Ну, Лев-Тигр не может покончить с собой.

Л. П. Лев, Тигр. Вообще, это сочетание...

Д. А. Да.

Л. П. ...довольно-таки гремучее. А почему вы злой? «Почему злой» – я это говорю не в плане комплимента или, там, в плане, там, осуждения. Нет. Зло – это структура, понимаете? А от злости происходят <здесь> все очень хорошие вещи. От злости. Не от добра. От добра ничего не происходит. Добро – это миротворческие, не конфликтные вещи, только зло конфликтно.

Д. А. Ну, я <понимаю>. Лилечка, я... я... я понимаю ваши конструкции. И я понимаю, куда я <вставился>, когда болела спина.

Л. П. Угу.

Д. А. Я... Поэтому я не стал спрашивать и выяснять...

Л. П. <О чем?> (Смеется.)

Д. А. Я просто... я просто понял, куда вы... куда вы гнете. Ну...

.....

Д. А. А ну их...

Л. П. Такие <нрзб>... Почему бы и нет? Ну нет так нет, да? (Смеется.)

.....

Л. П. Вот люди делятся на официантов и на клиентов, да? Ну как? – которые пришли в ресторан. Ну, к примеру.

Д. А. Да.

Л. П. Вот кто вы? Либо официант... который, ну, обслуживает клиентов, либо клиент, которого надо обслужить...

Д. А. А, ну это другой вопрос. Это вопрос на пире у Платона. Что... Кем быть лучше, любящим или любимым.

Л. П. Да, да. Да, да, ну да. Хорошо.

Д. А. Ну да. Вот. Ну... На самом деле, конечно, ну, я, наверно, больше... больше *любимый*. Моя, так сказать... Вот. Но бываю и любящим, да. Бываю.

Л. П. Но вы выбираете пассивную сторону, да?

Д. А. Ну, по-разному.

Л. П. Вы берете дар любви?

Д. А. Ну да, вообще, пожалуй, беру.

Л. П. Пожинаете.

Д. А. Да, пожалуй, беру. Бываю и так. По-разному. Но... Но просто в «любимом» состоянии я естественней. Легче, интереснее.

Л. П. Да?

Д. А. Да.

Л. П. Здорово.

Д. А. Чем в любящем. Потому что в любящем состоянии – тут нужно быть изобретательным, а у меня – нет, у меня <тут тогда это уже>... кончается всякая изобретательность...

.....

Д. А. <Нрзб>. Вот.

Л. П. Насчет гения и злодейства. Всё-таки совместные это вещи или нет?

Д. А. Ну... Я думаю, что это Пушкин говорил не как... э-э-э... констатацию. На самом деле он ренессансный человек, и он понимал, что, скажем, человек типа, типа это... этого знаменитого ювелира – Челлини – вот, он и пройдоха, и мог <писать темные> вещи...

Л. П. То есть это гипотеза? Как вариант, да?

Д. А. Нет, это просто вот как пожелание. Так сказать, вот он своим именем это утверждает. И чтобы это было так отсеяло. Это не от... здесь... это <предположение>.

Л. П. Это две вещи несовместные, да?

Д. А. Да. Вот он это как царь, так сказать, это положил. Вот он... Он дал как бы свою скрижаль. Как Моисей, так сказать. А вот Пушкин – от культуры – дал это. Вот. Запрет на убийство для гениев. Тут нет... Здесь констатировать нельзя. Так сказать... Любая вещь может быть опровергнута. Конечно, найдутся и...

Л. П. В истории, да, примеры...

Д. А. Конечно. Ну конечно.

Л. П. Когда одно оправдывает другое, и цель оправдывает средства, и наоборот, средства оправдывают цель.

Д. А. Да, да.

Л. П. Это <нрзб>, этот вариант...

Д. А. Я думаю, что Пушкин... Пушкин был скорее ближе к Макиавелли. Вот. Он... человек, который... был... понимал... Понимал страшную ответственность шапки Мономаха. И понимал, что правителю не... правителю... просто кто-то все равно... кто-то все равно будет это делать. И человек, который возлагает на себя эту шапку, он просто берет на себя автоматически просто... Человек, когда идет к власти, он еще думает, что, ну, он либерал, там, он... Фридрих, так сказать, скажем, Великий, когда он не был еще королем, принцем был, он написал книжку «Анти-Макиавелли». А потом, когда он стал королем, то он понял, что он... он дурак. И он... он <гонялся>... собирал эти свои... Он стыдился того, что он написал.

Л. П. А кто из исторических деятелей вам наиболее симпатичен? Ну, по своей деятельности... по структуре, по его мероприятиям, которыми он...

Д. А. Ну, мне симпатичен... Волошин, который... не как... Как поэт он мне не нравится. А вот <нрзб>, который – и красные, и белые...

Л. П. Максимилиан.

Д. А. Да. Он был и... То есть он был вот где-то... надо всеми – и эти ужасы описал. И вместе с тем он, в общем, как-то он сумел быть... так сказать, не... не... Он был... Он мог бы быть каким-то вот действительно правителем. А реальных...

Л. П. Нет, не будем говорить о сегодняшних.

Д. А. То есть из бывших?

Л. П. По истории. *(Долгая пауза.)*

Д. А. *(почти шепотом)* Федор... Иоаннович...

Л. П. Все-таки <нрзб>?

Д. А. Ну да... *(Смеется.)*

Л. П. Как <литературоведение опять туда же, да?>

Д. А. Ну, потому что... потому что... Да, ну...

Л. П. Или все-таки Достоевский?

Д. А. Да. Потому что, ну, как ни соображай, государство настолько громадное... что и так плохо, и так плохо. А тут важно быть все-таки, ну, какой-то фигурой, вокруг которого бы крутилось... Чтобы хоть... Вот... Потому что там – я удивляюсь, как Сахаров туда попал. Он удивительный человек. Вот это его... Ну, просто – улыбка, всё вот... понимаете? Вот... вот такие люди, в принципе, они... Хороший человек должен посылаться к плохим. К плохим. А если он будет с хорошими, то какой смысл...

Л. П. ...и не будет хорошим.

Д. А. Если он <будет>...

Л. П. ...только с хорошими.

Д. А. Да, конечно.

Л. П. То есть мы говорили вот <о чем-то> в начале... <нрзб>

Д. А. Ну да, да.

Л. П. <Нрзб>

ХРАМОВЫЕ ГИМНЫ ЭНХЕДУАНЫ

Перевод, предисловие, комментарии Татьяны Бонч-Осмоловской

Предисловие

«Храмовые гимны» Энхедуанны, верховной жрицы шумерского бога луны Нанны в городе Ур, состоят из сорока двух гимнов, воспевающих значительные храмы тридцати шести городов Месопотамии и божества, которым эти храмы посвящены. Под последним из гимнов стоит «подпись», делающая Энхедуанну первой известной по имени авторкой в истории человеческой цивилизации:

Написала эти таблички Энхедуанна.

Мой господин, то, что создано здесь, прежде никем не было создано.

Энхедуанна здесь – историческое лицо, дочь Саргона I Аккадского (2334–2279 до н.э.). Она известна не по личному имени, но по титулу: Эн (госпожа, верховная жрица) – Кхеду (украшение) – Анна (Небеса или Божество Небес). А Саргона называют первым императором, так как он захватил, объединил и правил городами-государствами северной и южной Месопотамии. Принадлежащий по происхождению к аккадцам, Саргон объявил себя избранником шумерской богини Инанны, легитимизуя тем самым свою власть над обоими народами. Он также поставил свою дочь Энхедуанну верховной жрицей города Ур, а она написала «Храмовые гимны», в которых аккадские и шумерские храмы воспеваются вместе. Некоторые божества воспеваются под шумерскими и аккадскими именами в пределах одного гимна, другие чередуют имена в разных гимнах, все вместе складываясь в единую разностороннюю «семью божеств» обоих народов. Таким образом, единство государственного устройства империи Саргона подтверждается единым гармоничным устройством божественного пантеона.

В настоящее время тексты «Храмовых гимнов» найдены археологами-ассириологами на 37 глиняных табличках и фрагментах табличек различных размеров и сохранности. Впервые как единое собрание текстов их описал немецкий ассириолог Генрих Циммерн в 1930 г. В 1958–1959 гг. Ю. Бергманн транслитерировал более сохранный набор из десяти табличек, на которых были последовательно записаны эти сорок два гимна, а Аке В. Шёберг уточнил и дополнил его работу и перевел собрание гимнов. Наконец, в 1998–2001 гг. группа ассириологов Оксфордского университета под руководством Джереми Блэка осуществила новый академический перевод и представила тексты «Храмовых гимнов» в «Электронном корпусе текстов шумерской литературы». И даже в самых сохранных табличках есть пропуски фрагментов строк и целых строк текстов, в некоторых случаях восстановленные по совокупности иных табличек, а в других – некоторая информация все еще отсутствует, вплоть до имени божества и шумерского названия города.

Найденные таблички с гимнами датируются периодами Третьей династии Ур (XXII–XXI вв. до н.э.) и Древнего Вавилона (XIX–XVII вв. до н.э.), столетия после жизни Энхедуанны. Так что ее авторство является непростым вопросом, о котором еще спорят специалисты. Исследователи находят, что некоторые из текстов существовали и до XXIV в. до н.э. и по отношению к ним Энхедуанна могла выступить составителем и редактором, в то время как один из гимнов, посвященный обо-жественному царю Шульги, мог быть написан только не раньше времени его жизни, спустя двести лет после Энхедуанны. Тем не менее, и этот гимн написан в стилистике остальных и, возможно, заменил один из исходных гимнов. И даже если это собрание текстов приобрело каноническую форму во время Энхедуанны, вряд ли можно достоверно утверждать, что такой-то человек, живший

сорок пять веков назад, выполнил такую-то творческую задачу. Может быть, над гимнами работал коллектив авторов, или подлинное авторство принадлежит безвестной жрице, а принцесса поставила под текстом свое имя. В любом случае, ассириологи говорят о сходстве поэтического языка и о схожей структуре гимнов, о красочных метафорах и внутренних перекличках гимнов, и именно это собрание сорока двух гимнов стало каноном шумерской литературы, в традиции месопотамской атрибуции приписываемым принцессе и верховной жрице Энхедуанне.

В работе над переводами я исходила из транскрипции Храмовых Гимнов, из лексикона шумерского языка под редакцией Джона А. Халлорана, состоящего из более чем тысячи отдельных и двух с половиной тысяч составных слов, из академических транслитераций и переводов, выполненных первыми исследователями гимнов А.В. Шёбергом и Ю. Бергманном, из транслитераций и переводов ученых факультета азиатских и восточных исследований Оксфорда под руководством Дж. А. Блэка, представленной в Электронном корпусе текстов шумерской литературы, а также подробных комментариев к гимнам Бетти де Шонг Мидор и сборник древнейшей высокой поэзии разных народов «Труженики священного» под редакцией Джерома Ротенберга.

Каждый Храмовый гимн представляет собой восхваление дома божества (храма) и самого божества. Язык описания насыщен метафорами и аллюзиями, содержание которых в большой степени утрачено за тысячелетия, прошедшие со времени написания гимнов. Однако понятно, что каждый гимн представляет собой метафорическое описание воплощения божественной сущности в реальность мироздания. Метафорический язык и сила слова глубоко заложены в языке шумеров. Уже в первой строке гимнов слово «ти₂-а» (расти) состоит из двух частей: «ти» (петь, делать растущим) и «а» (вода). Таким образом, представленный здесь храм поднимается, если говорить буквально, силой «слова воды». Слово у шумеров обладает огромной силой, оно созидает и разрушает: когда говорит богиня, «сотрясаются небеса», слово страсти Инанны развевается по миру: «громогласно звучит слово желания и радости, им наполнены небеса». В завершающем собрание гимнов посвящении богине мудрости Нисабе слово фиксируется в тексте, на драгоценных табличках из чистого яркого лазурита она «вечно пишет слова».

С помощью текстов гимнов невидимые тотальные сущности становятся зримыми, причем к восхвалению божества жрица приходит всякий раз через восхваление храма этому божеству, уже воплощенному в мире. Храмы если не антропоморфны, то подобны живым существам: у них есть «šag» (сердце), «igi-zi-še₃» (глаза), «ka» (рот), «a-ga-zi-še₃» (зад, спина)... Собственно слово «é» (храм) в языке шумеров не называется специально, но совпадает со словом «дом», и божество обитает в храме как человек в доме. При этом здание храма является и многоуровневым кирпичным зиккуратом, построенным с такой точностью, что внутрь его «солнечный свет не проникает», и одновременно горным хребтом (hur-sag) – дом богини рождений Эхурсаг, и бездонным пресноводным подземным морем (engur) – дом бога воды Энки, и сияющей белизной (babbar₂) – дом бога Солнца Уту.

Божества являются квинтэссенцией олицетворяемых ими сущностей, так, знак «an» означает и небо, и бога небес Ану. Сами боги в гимнах редко называются словом «dígir» (божество), обычно: «en» (господин, госпожа), «ni» (властитель, властительница), «niĝ» (повелитель) и «nīn» (госпожа), что также приближает их к постигаемому. При этом у божества могут быть метафорические волосы («siki»), которые «густо текут по спине», длинная борода («sun₄») и широкая грудь («ga₃ba»). Авторка гимнов сравнивает их с могучими животными: диким быком, горным буйволом, дикой коровой, яростным львом, настигающим добычу леопардом, ядовитым змеем или драконом. Или со стихией – громыхающим штормом, южным ветром, песчаной бурей...

Любопытно, что среди храмов нет посвященного «прародителю богов», богу небес Ану, который присутствует над всеми богами как звездный купол, эквивалентный всем подлинным сущностям. И только в Гимне 30, храму богини целительницы Нининсины, Ану персонифицируется как отец богини и устроитель города, где восхваляется богиня. Все гимны обращены к сущностям, действующим на земле. И даже те, кто на небе, Луна (бог Нанна), Солнце (бог Уту), важны тем, что непосредственно влияют на жизнь людей. Само слово «мир» записывается как объединение знаков

«an» (небеса) и «ki» (земля). А Ану – гармоничный космос, совокупность высоких дальних небес, делегирует конкретным божествам соответствующие им доли «те» (судей, великих небесных властей), благодаря которым эти божества и осуществляют предназначение. Каждый гимн повествует о той порции трансцендентной сущности «те», которой располагает конкретное божество, что и делает его тем, что он(а) есть: так, суть воды подвластна Энки, суть воздуха – Энлилю, суть страсти, здесь и любовная, и страсть сражений – Инанне.

Главою пантеона оказывается бог воздуха Энлиль (en-lil, господин ветра, воздуха, дух места), храм которого в городе Ниппур воспевается в Гимне 2 и число которого 50. Числа вообще играли важную роль в месопотамской культуре, и божества были не только олицетворением природных сил и человеческой природы и основных человеческих занятий – земледелия, сражения, страсти, врачевания, рождения и умирания, но и числами. Как известно, Пифагор положил в основу своего учения утверждение, что «все вещи суть числа», и понимал мир как сочетание и взаимодействие чисел. Именно так понимали его в Месопотамии: взаимодействие сущностей описывается числами-божествами, их сутью и взаимодействием, то есть, говоря современными терминами, строится численная модель. Вряд ли шумеры дошли до решения дифференциальных уравнений и математического моделирования динамических систем, хотя, к слову сказать, их достижения в математике изумительны. Главное, они понимали числа как основу, как действующие, исходные сути мироздания¹.

Важнейшими числами для шумеров были два, три и семь, олицетворенные в Диаде, Триаде и Септаде великих богов. Первоначально в Триаду великих божеств входили правитель небес и отец богов Ан, бог воздуха Энлиль и богиня рождения, дикой и прирученной природы Нинхурсаг. А Септада состояла из богов, ассоциирующихся с объектами солнечной системы: Уту (Солнце), Нанна (Луна), Нергаль (Марс), Набу (Меркурий), Мардук (Юпитер), Инанна (Венера) и Нинурта (Сатурн).

Значимые боги являлись также и конкретными числами, кратными пяти: Ан ассоциировался с числом 60; Энлиль – с 50; Энки – с 40; Нанна – с 30, Уту – с 20, и Ушкур (аккадский Адад) – с числом 10. Богини, связанные с этими богами, соотносились с числами, меньшими тех на 5: Анту – с числом 55; Нинлиль – с числом 45; Нинки – с 35, Нингаль – с 25, Инанна – с числом 15, и Нинхурсаг – с числом 5. Получается, число пять, которое является порождающим кратным всех остальных, имеет точное имя: богиня рождения, дикой и прирученной природы Нинхурсаг-Нинту («nin-tiŕ», госпожа хижины рождений). Именно Нинхурсаг вправе сказать: умножайтесь, и умножением на пять породить все числа богов, и плодитесь, ведь она богиня рождений, в этом ее «те», ее власть и сущность.

Представляет также чрезвычайно любопытным, что общее число храмовых гимнов – сорок два, то есть произведение диады, триады и септады: $2 \times 3 \times 7 = 42$. А общее число строк гимнов, подсчитанное по оригинальным колофонам, т.е. заключительным, служебным строкам гимнов – ровно 500 строк. Вероятность случайного получения такого круглого числа равна вероятности бросить монету одной и той же стороной 19 раз подряд или случайным образом вытащить единственное золотое зернышко из десятилитровой корзины простых зерен. Так что можно предположить, что авторка гимнов специально выбрала такое круглое число, а собрание храмовых гимнов является, помимо прочего, еще и текстом с формальным приемом, а именно с точно заданным числом строк, подобно стихотворению строгой формы, сонету или секстине.

Более того, не только все собрание гимнов целиком, но и каждая из его половин, гимны с первого по двадцать первый и гимны с двадцать второго по сорок второй (по количеству, задаваемому триадой и септадой: $3 \times 7 = 21$ гимн), тоже дают круглое число строк – ровно по 250. Эта вероятность уже совершенно невозможная – как если бы мы бросили монету орлом 24 раза подряд или достали золотое зернышко из 350 литровой бочки. А 125 строк, ровно половина от этой половины оказывается в триаде триад (3×3) – первых девяти гимнах собрания. Вообще говоря, изучение последовательностей гимнов, в том порядке, как они заданы в канонических табличках, приводит

¹ См. также: Татьяна Бонч-Осмоловская. Количественные особенности поэтической структуры «Храмовых гимнов» Энхедуанны: <https://orientalistica.su/en/articles/2855/215528>

к наблюдению, что для каждого числа, ассоциируемого с божеством шумеро-аккадского пантеона, существует по меньшей мере одна последовательная группа храмовых гимнов, сумма строк которой составляет это число. И это совершенно поразительная численная характеристика гимнов!

Как писала Бетти де Шонг Мидор, «гимны, воспевающие божеств тридцати шести разных городов, создали мирную объединяющую дугу с юга на север, формулируя общие верования древней шумерской религии». И объединение шумерских и аккадских божеств в единый пантеон, выполненное Энхедуанной, авторкой Храмовых гимнов, вероятно по запросу ее отца, императора Саргона I, реализовалось в гимнах на самом глубоком, как его понимали в древней Месопотамии – на численном уровне.

Гимн 1. Храм бога воды Энки в городе Эриду

О Эунир, обитель великого повелителя, поднимаешься ты высоко, соединяешь небо и землю,
Основа вселенной, небес и земли, святыня святынь – Эриду, твой зал для пиршеств,
Извечное море-божество под землей – абзу, дом, что воздвигнут для господина,
Владыки священный курган, куда приносят в дар чистую пищу,
Она омыта в чистых водных каналах властителя.

Высокое место, очищенное травой омовений, трепещет от слова хозяина,
О абзу, песнь барабанов и арф прославляет твои великие власти.
Высокие стены окружают тебя в достойном порядке,
Внутри этих прочных стен место обитания бога,
Превосходное, непрезойденное место, солнечный свет не проникает туда.
Прочен твой дом, чист, себе не имеет равных.

Твой господин, повелитель огромной воды, величайший господин Эриду,
Возлагает он прочно корону, по праву возлагает в сиянии корону.
Вырастает, зацветает терновник, чистый терновник цветет для жрецов,
О абзу, извечное море, обитель властителя, твоё великое место.

От твоего основания звучат песни, поднимаясь до яркого солнца, до Уту,
В твоей печи встает хлеб, добрый хлеб для еды,
Святыня великого повелителя, что возвышается до небес,
Твоя печь огромна, как святыня святынь, величественный зал для пиров,
Твой господин – повелитель от небес до земли, слово его нерушимо,
Он произносит и слушает, он создает, он мудрый создатель,
... властелин Ну-дим-муд,
О Энгур, обитель подземных вод, установил свой дом на твоём основании
и занял место на этом престоле.

23 строки дому Энки в Эриду¹.

Гимн 2. Храм бога воздуха Энлиля в городе Ниппур

... о дом, сосредоточение небес и земли, святилище, где решаются судьбы,
... на твоём основании великий дом повелителя, ты поднимаешься высоко,
... о обитель Энлиля,
Твоя правая сторона, твоя левая сторона суть Шумер и Аккад.

Дом Энлиля, холодно твое сердце, твои слова отмеряют судьбу,
Твой дом расположен в горах, рамы твоих дверей – вершины высоких гор,
Твои прямые столпы стоят на высокой земле, прочно на твоём основании,
Твоя голова – вершина, достойная повелителя.

Твое основание распростерто от небес до земли.
Твой властитель, великий владыка Энлиль,
Повелитель пределов небес, тот, кто решает судьбы,
О храм Ниппура, он, великая вершина Энлиль,
Установил свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

13 строк дому Энлиля в Ниппуре².

Гимн 3. Храм богини воздуха Нинлиль в городе Ниппур

О дом Туммаль, обитель великой властительницы, что простирается и внушает ужас и трепет,
Твое основание, ритуалы чистого омовения, начало берут в абзу, море подземных вод.

Поселение древних времен, тростник на твоих полях, созревший, сухие стебли,
и юный зеленый тростник,
В сердце твоём возвышается гора изобилия, что воздвигнута в полноте.
На праздник нового года, когда всходит ячмень, ты обильно украшен, все восхваляют тебя,
Госпожа великого места Ки-ур тогда вровень с Энлилем.
Твоя повелительница, мать Нинлиль, любимая Нинумнира супруга,
О великий Туммаль, установила свой дом на твоём основании
и заняла место на этом престоле.

8 строк дому Нинлиль в Ниппуре³.

Гимн 4. Храм бога огня Нуску в городе Ниппур

О Э-мелем-хуш, дом устрашающего сияния, что исполнен величия,
О Эш-мах, возвышающаяся святыня, куда великие власти ниспосланы были с небес,
Дом древнего ящера, сокровищница Энлиля, повелителя великих властей,
достойный его высоты.

Высока голова господина, кто облечен правом советы давать великому дому Экуру,
Великолепен, прочен твой дом, вровень с сиянием небес,
Место, на котором провозглашают решения, великое место, где течет река испытаний,
Там решает праведным жить, предает тьме сердца зла.

Великое место, где жрецы проходят ритуал омовения, где очищаются судьбы,
Ты пируешь вместе с властителем Нунамниром.
Твой повелитель, господин, советник Энлиля, достойный высокой святыни Эш-мах,
Могущественный обитатель горного дома Экура, господин Нуску,
О дом Энлиля, установил свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

12 строк дому Нуску в Ниппуре⁴.

Гимн 5. Храм бога воителя и земледельца Нинурты в городе Ниппуре

О Эми-ур-анна, дом, в котором великие власти, дом, что стоит на достойном месте,
В тебе исходные сущности юного воина, основавшего город на этой земле.
Мощь сражения, булава молодого героя, колчан его стрел.

Прекрасна твоя стена, кирпичная, прочная, основание выдержит бурю.
Дом, что заложен изначальным владыкой, его решения исходят от небесных властей.
Чистая святая земля, что вырастает горой, где высоко сидит повелитель,
Возвышенный дом, вызывающий восхищение, твое торжество подобно сиянию солнца,
Э-шумеша, дом высшей власти, Энлиль наполнил имя твое устрашающим блеском.
Твой повелитель, непревзойденный герой, сила его безгранична.

Великий правитель для властелина Энлиля, твоя власть простирается от небес до земли,
Он держит в порядке печати отца Энлиля, он крепит совершенство небесных властей,
Великий властитель, Энлиль избрал его на высокое место,
Совершеннейший лев, рожденный высокой горой,
Кто побеждает врагов, разрушает враждебные земли, владыка Нинурта,
Установил, о Э-шумеша, свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

15 строк дому Нинурты в Ниппуре⁵.

Гимн 6. Храм «невозделанной» богини Сузианны в городе Гадимах

О Э-гадуда, дом в сердце кургана, что возвышается ...
Корона горной равнины, священное чистое место,
Дом, твое основание – торжество великого повелителя,
Твоя властительница, госпожа, кто заполняет дом и престол,
Одна такая гора в сиянии многих цветов,
В чьем сердце мудрость в великом избытке,
Дочь благородной горы Энлиля, кто царит вместе с ним,
Сузианна, младшая госпожа властелина Энлиля,
О одна гора Ду-шагдили, воздвигла свой дом на твоём основании
и заняла место на этом престоле.

9 строк дому Сузианны в Гадимахе, закрытой обители для посвященных женщин⁶.

Гимн 7. Храм богини рождений, дикой и прирученной природы Нинхурсаг в городе Кеше

О доблестный Кеш, дом, что возвышается от земли до небес,
Под защитой ядовитой змеи твой дом рождений, что наводит ужас и страх,
Дом Нинхурсуг, что находится в месте, преисполненном ярости,
О Кеш, мудрое сердце твое глубоко, стены высоки и сияют.

Великая буря, яростный лев, кто бежит по горной земле, кто бежит по широкой степи,
Дикий склон, что появился по велению слова, гора, где раздаются крики рождений.

В твоей вечерней обители красно, внутрь не глядит лунный свет,
Там только Нинту, преисполнена жизнью.
О дом Кеш, гладки твои кирпичные стены, на священных террасах твоих
лежит корона лазури.

Твоя госпожа в тишине, истинная хозяйка небес,
Она произносит слово, и сотрясаются небеса, она открывает рот, и гром громыхает,
Аруру, сестра господина Энлиля,
Установила, о Кеш, свой дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

13 строк дому Нинхурсаг в Кеше⁷.

Гимн 8. Храм бога Луны Нанны в городе Ур

О Ур, породистый бык, кто стоит посреди полей тростника,
Дом Э-киш-ну-галь, посылающий свет на землю,
Теленок коровы Нинлиль, в ярком сиянии небес, он стоит, где легла мать корова.

О Ур, что кормит обильно все земли, святыня, воздвигнутая на чистой земле, на месте Ану,
О дом бога Сина, впереди ты правитель, позади – повелитель,
Твой зал для пиршеств наполнен ударами барабанов, твоя святыня святынь
полна великого грохота,
Свет от тебя исходит, в твоей судьбе драгоценная власть.

О закрытая обитель гипар, чистое высокое место властей, что сияют как солнце,
Э-киш-ну-галь, дом, посылающий свет на землю, сияющий лунный свет,
Яркий свет дня, что заполняет все земли.

Обитель великого змея, ядовитого болотного змея,
Дом, твоё основание абзу, извечный океан под землей,
Число его пятьдесят, море подземных вод, их число семь,
Место священное, что глядит в сердце богов,
Твой господин, повелитель, кто принимает решения, корона просторных небес,
Асимбаббар, властитель небес,
О Ур, установил свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

17 строк дому Нанны в Уре⁸.

Гимн 9. Храм обожествленного правителя Шульги в городе Ур

О Э-мулах, дом громкого имени, гора, что поднимается до небес,
Твоё основание сияет, драгоценны чистые стены твои,
Твоё сердце преисполнено власти, сильной подлинной власти, свет от тебя исходит.
Святынище до высоких сине-зелёных небес, обращённое лицом к народам,
На шумерской земле ты проявляешь прочный завет и единый единственный путь.

Широкий водный поток, открытое устье, собирающее власти небес,
Ты внушаешь великий трепет, встает высоко гора на обширной земле,

Грандиозен твой дом, место великих властей, там многие сущности,
 повторяются громкие восхваления
 Дом, исполненный радости, многими торжествами улаждаются твои поселения.

Дом владыки Шульги, достойный царственного господина,
 ... что совершенен, прославлен ... сильный высокий ветер,
 Наделенный небесными силами для определения судьбы,
 О Эхурсаг, дом-гора, Шульги по благословению небес
 Установил свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

15 строк дополнительного гимна дому Эхурсаг бога Шульги в Уре⁹.

Гимн 10. Храм бога магических церемоний Асарлухи в городе Куар

Город, встающий из моря подземных вод, как вытекает из зерен мука,
 Равнина с многими тучами, что получает исходные власти из сердца густого тумана,
 В пределах твоих, о Куар, зал для священных пиров,
 Властитель, кто не скрывает блага, кто рад восхвалениям,
 Семеро мудрецов установили так быть повсеместно для всех, от южных до верхних земель.

Твой повелитель, господин Асарлухи, высокочтимый драгоценный владыка,
 Герой, кто рожден повелителем, леопард, настигающий жертву,
 Подобно громыхающей буре, он падает на земли мятежников,
 До тех пор пока они не повержены, он плюет на них ядом, до тех пор пока они не раздавлены,
 Асар-алим-нунна, верховный бизон, сын абзу,
 Установил, о Куар, дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

11 строк дому Асарлухи в Куаре¹⁰.

Гимн 11. Храм бога Солнца Нингублама в городе Киабриг

О Э-гуд-ду-кар, дом стада могучих быков, из черного камня сияющий дом,
в котором сидит повелитель,
 Открываются высоко двери для сына властителя,
 Твое тонкое масло кедра чисто, оно хорошо приготовлено.
 Дом полных чаш Габура, место чистых коров, кто не ест горькой травы.

Твой повелитель – подлинный дикий рогатый бык, дикий великий слон,
кто рад исполинской силе,
 Дикая корова с рогами, дикий теленок, кто рад сиянию рогов.
 Служитель порядка множества языков, кто облака приводит в движение по небу,
 Свет небес, голос бури, солнца свет, что льется на землю,
 Нингублам, сын лунного Нанны,
 Установил, о Киабриг, дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

10 строк дому Нингублама в Киабриге¹¹.

Гимн 12. Храм бога Луны Нанна в городе Гаэш

Святылище, о святыня святых, что основана там, где лежали коровы,
Малый город в сиянии Сина, чистая пристань Кар-зида,
Твое сердце – великий дар людям, твои пределы чисты и сияют.

Твой Гипар, обитель нетронутых женщин, основан он в чистоте.
Твои двери из крепкой меди, твои прочные двери на месте,
Загон для скота твой наполнен мычанием, ты вздымаешь рога, как юный могучий бык.

Твой повелитель, владыка небес, кто в радости преумножен,
В полдень сияет как солнце, он следует через небо,
О чистая пристань Кар-зида, Асимбаббар
Установил дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

10 строк дому Нанны в Гаэше¹².

Гимн 13. Храм бога Солнца Уту в городе Ларса

Дом, что появился с небес, которое ярко сияет в Куллабе,
Святылище Э-баббар, сияющий белый дом, белый могучий бык,
Подними свою шею к справедливому Уту-солнце, кто горит на море небес!
Сверкают твои рога, что вздымаются высоко к лазури небес.

Густа твоя борода, наполнена ароматами, в изобилии вплетен в нее лазурит.
Повелитель, господин ясного дня, кто владеет истинным словом,
Кто сияет на горизонте, кто сияет в зените,
Уту, властелин Эбаббара,
Установил, о дом Ларса, дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

9 строк дому Уту в Ларсе¹³.

Гимн 14. Храм умирающего и воскресающего бога плодородия Ниназу в городе Энеги

О Энегир, великий водный канал, сосуд возлияний в подземный мир, где владыкою Эрешки-
галь,

Жерло в мир Гудуа, через который отправляются все шумеры,
Протяженный дом Эгида, твоя тень распростерлась над владыками нижнего мира.

Твой господин рожден из семени величайшего господина, он хранитель земли, он рожден
Эрешкигаль,

Он громко играет на лире занару, он поет песню нежную, словно голос теленка.
Ниназу, кто слышит слова молитвы,
Установил, о дом Энегир, дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

7 строк дому Ниназу¹⁴.

Гимн 15. Храм бога подземного мира Нингишзиды в городе Гишбанда

Древнее место, глубокая гора под землей, что создана с мастерством,
Темная пажить, что вызывает благоговение и трепет,
Путь оттуда навверх человек не может постичь,
Малое дерево Гишбанда, скот, пересчитанный по заливкам, уловленный в тонкую сеть,
Оковы великой земли-под-землей, которую никто не может покинуть.
Твои внешние стены – ловушка, что поднимается высоко,
Твое широкое сердце – место, откуда восходит солнце.

Твой повелитель – владыка, кто простирает руку свою далеко, чистую руку небес,
Твои длинные волосы текут по твоей спине, густы, пышны и обильны,
великий властелин Нингишзид
Установил, о Гишбанда, дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

10 строк дому Нингишзида в Гишбанде¹⁵.

Гимн 16. Храм богини любви, страсти и битв Инанне в городе Урук

Дом великих властей в Куллабе, что возвышается на равнине, процветает великий дом,
Свежий созревший плод, о нем говорят с изумлением, чудесный, исполненный спелости,
Из сердца небес вырастает святилище, поднимается для молодого быка.
Дом небес Э-анна, дом о семи углах, дом о семи огнях, что пылают в ночи,
Дом о семи изобилиях.

Чиста и неприкосновенна твоя госпожа, кто поднимается на горизонте,
Твоя госпожа Инанна, пламя в каменной вазе,
Кто украшает медным сиянием женщин, кто платком покрывает главы мужчин,
В драгоценной короне небесной лазури, владыка святилища Нигингар,
великий дракон скрытой святости,

Повелительница небес и земли, Инанна
Установила, Э-анна, дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

11 строк дому Инанны в Уруке¹⁶.

Гимн 17. Храм бога плодородия Думузи в городе Бадтибира

Дом, увенчанный лазурными травами, что благоухают, разбросанные по широкой постели,
Брачный покой драгоценной чистой Инанны,
Место, где находит отдохновение властительница равнин.
Сложен из кирпичей дом-поляна Э-муш, глина его ярко сверкает процветает тот дом
Дом пастуха, кто на высокой равнине лелеет нежных овец.

Поднимаются стены твои, Арали, дом мира иного, падает тень на твоего господина,
Сияет владыка твой, лев, кто идет через горы, драгоценный агат, сокровище сиятельной го-
спожи,

Твоя грудь широка и прекрасна, повелитель, супруг великой Инанны,

Думузи, хозяин дома полей Э-муш,
Установил, о Бадтибир, свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

10 строк дому Думузи в Бадтибире¹⁷.

Гимн 18. Храм богини плакальщицы Ниншубур в городе Аккиль

О Э-игизу-уру, дом, чье лицо высоко, щедро лоно твоё,
Твоя сокровища – это гора изобилия.
Дом, в твоём аромате холм винограда,
Твоя госпожа исполняет великую волю небес,
Дом, твоя повелительница – на небесах первая,
Верная управительница дома небес Э-анна, она держит сверкающий скипетр в руках.
Ниншубур, подлинная хранительница дома Э-анна,
Воздвигла, о дом стенаний Э-аккиль, свой дом на твоём основании
и заняла место на этом престоле.

8 строк дому Ниншубур в Аккиле¹⁸.

Гимн 19. Храм богини заклинаний Нингирин в городе Мурум

О город, что основан на престоле подземного океана абзу, где проводят обряд очищения,
Дом, где произносят слова восхвалений небесам и земле, где их много читают,
Где рассыпают....
.... супруга
.... сильные
....
Чистая вода омовений на небесах и земле.
Твоя владычица Нингирин, госпожа сверкающей чистой воды омовений,
Воздвигла, о Мурум, свой дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

9 строк дому Нингирин в Муруме¹⁹.

Гимн 20. Храм бога воителя и земледельца Нингирсу в городе Лагаш

О дом пятидесяти, Э-нинну, десница Лагаша, первого в стране шумеров,
Птица Анзу, кто озирает мир с вершины высокой горы,
Грозный меч Нингирсу, что повергает ниц обитателей земли,
Сила великой битвы, кровавая буря, что грохочет над всеми людьми,
Дарованные великими богами Анунна,
Твоя кирпичная кладка, на этой чистой вершине, что поднялась вровень с горой,
где решаются судьбы,
Твои каналы полны воды, чистой воды без соли, они текут широко,
Твои ворота, что смотрят на сияющий град Ирикут,
Сладкое красное вино разливают там по чашам Ану, что глядят в открытое небо.

Все, что входит в твой дом, себе не имеет равных,
Все, что покидает твой дом – усмирено и навек сохраняется.
Ужас внушает твое лицо, твой дом в изобилии сияет,
Место, где господин Нингирсу выносит свои решения,
Что наполняют великим страхом!
На твой грандиозный пир собираются все боги Анунна.

Твой господин, яростный ветер, что разрушает города на землях врагов, твой повелитель,
Могучий свирепый бык, он рад своей силе, он яростный лев, кто сокрушает главы врагов,
Блистательный воин, кто достигает господства,
Прирожденный ко власти,
Могучий герой, непобедимый в сражениях, владыка, которому не имеется равных,
Сын Энлиля, властелин Нингирсу,
Воздвиг, о Э-нинну, свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

22 строки дому Нингирсу в Лагаше²⁰.

Гимн 21. Храм богини врачевательницы Бау в городе Урук

О чистый город Урук, где прорастает людское семя, дом чистого Ану,
кого зовут его добрым именем,
Сквозь твое сердце протекает река испытаний, которую лишь достойный пройдет,
Э-гальгашуд, дом повсеместной поддержки, вечная кладовая серебра и ляпис лазури,
Дом, откуда исходят решения и небесные силы, дом, где человек склонится перед богиней.

Твоя госпожа, милосердная повелительница этой земли, мать всех земель,
Владычица, великая врачевательница всех шумеров, она решает судьбу ее города,
Первороденная дочь священных небес, бога Ану, она дева, она мать Бау,
Воздвигла, о Урук, свой дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

8 строк дому Бау в Уруке²¹.

Гимн 22. Храм богини дальнего моря Нанши в городе Сирара

О дом дикой коровы, ...
Город, что предстает сияющим, ярким, город, украшенный для повелительницы,
Сирара, великое место властительницы,
Великолепен твой чистый дом.

Твоя госпожа Нанши, огромная буря, высокий потоп,
Она рождена на морском берегу,
Она смеется в пене морской,
Она играет в водах потопа,
Великая властительница Нанши
О Сирара, воздвигла свой дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

10 строк дому Нанши в Сираре²².

Гимн 23. Храм младшей богини моря Нинмара в городе Гуабба

О Э-адсагала, дом, что простирается посреди моря, ты воздвигнут на чистом месте,
Город Гуабба, в твоём сердце все умножается, ты надёжная кладовая.
Сияет святыня дикой коровы, все сохраняется там, все процветает для нее в изобилии.

Твоя госпожа Нингагия, высокая охранительница,
Могучая дочь властелина Энлиля,
Она держит совет с Нунамниром,
Она рождена в морских волнах, в высоком потоке,
Как и отец ее, она владычица чистого моря,
О чистый морской дом Гуабба, Нинмара
Установила свой дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

10 строк дому Нинмары в Гуаббе²³.

Гимн 24. Храм морской богини-ребенка Думузи-абзу в городе Кинирша

О дом Кинирша, что достоин его госпожи,
Прекрасный, словно гора, обитель властительницы, в твоём сердце звучат песни счастья,
Твоя госпожа – грозная буря, кто несется на сильном ветре, кто скачет верхом на льве,
Она поднимается в блистательной песне в гармонии громкими голосами,
Дитя истинной дикой коровы, вскормлена чистым молоком матери, которая породила ее,
О Кинирша, Думузи-абзу
Установила свой дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

7 строк дому Думузи-абзу в Кинирша²⁴.

Гимн 25. Храм бога пастуха Шара в городе Умма

О Э-бур-сигсиг, дом с искусными чашами, что глядит в небеса,
Высокий зал для пиров, где исполняются повеления,
Исполненный изобилия посередине чистого моря,
Там раздается песнь хвалы, песня радости.

Великолепный Э-мах, дом господина Шара, он верен тебе,
Воздвиг тебя, Умма, и преумножил твое изобилие.
Прекрасен твой дом Э-мах, твой повелитель – сын великой Инанны,
Он вырастает с удачей, изобилием и достатком,
Он расчесывает гриву коровы, он глядит взглядом дикой коровы,
Шара, кто исполняет благое, сын, преисполненный властью от матери,
О Умма, воздвиг свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

11 строк дому Шары в Умме²⁵.

Гимн 26. Храм богини любви и битв Инанны в городе Забалам

О Э-зерзидгуру, дом, облаченный в сияние, одетый в узоры драгоценных ярких камней,
Нигингар, исполненный блеска, что внушает великий трепет, в сиянии чистой Инанны,

В тебе подлинные власти небес, на всем твоём протяжении,
Забалам, святыня горной земли, святыня рассветной звезды,
Громогласно звучит слово желания и радости, им наполнены небеса,
Поет Госпожу, для нее подлинный зал для пиршеств и священное ложе желания.

Твоя владыка Инанна ... просторный загон... твоя единственная госпожа,
Великий дракон Ушумгаль кто произносит слова,
Кто обращает черноволосые головы в белые, всякий раз возвращает земли бунтовщиков.

Веер небес сияет волей ее от красного до зеленого, прекрасен ночами,
Великая дочь Сина, чистая из чистых Инанна,
Воздвигла, о Забалам, свой дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

12 строк дому Инанны в Забалам²⁶.

Гимн 27. Храм бога громовержца Ишкура в городе Каркара

Дом, что порождает трепет, словно огромный лев,
Кто решает определенно, подобно белому дню, судьбы тех, кто живет на высокой равнине,
Дом Ишкура, прекрасно твое лицо, твои стены роскошны,
Твое основание это рогатый бык, твое основание – лев.
Сияющий скипетр, обильное вымя небес, посылающий дождь для зерна и для льна,
... твои ворота распаивает дикий рогатый бык,
... твое основание прочно, твои стены поднимаются высоко,
.... к густым облакам, богатым дождем,
.... страшный змей гор...,
.... свет луны,
.... Ишкур, великий потоп, который все поглощает, который уносит с земли,
.... семь ветров с юга и семь ветров с севера,
... страшные ветра с севера,
.... что несется с ,
... он раскалывает громким голосом гору диорита, ярких камней,
....
....
....
.... семя земли шумеров,
.... повелитель, владыка водных каналов небес и земли,
.... кто дарует жизнь многим людям,
.... Ишкур,
Воздвиг, о Каркара, дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

23 строки дому Ишкура в Каркаре²⁷.

Гимн 28. Храму в городе

... крупный дар, размещенный здесь Ану
....
.... небес и земли

... Энки

....

....

....

....

....

Воздвиг(ла) дом на твоём основании и занял(а) место на этом помосте.

10 строк дому В ²⁸

Гимн 29. Храм богини рождений и дикой и прирученной природы Нинхурсаг в городе Адаб

....

....

... .. владыка ...

.... Ану... твоё основание....

Возвышенный дом, дом всего мира, достойный его госпожи,

Лицо твоё преисполнено света, сердце твоё – сияющего изобилия.

Мать Нинту, владыки Энлиль и Энки определили твою судьбу,

Дом радости Эшуга, к которому все направляются, дыхание жизни шумеров,

Ану одарил тебя властями мира из сердца небес.

Твои закрома пополняют святилище, как и в Кеш, Нинхурсаг благословила тебя.

Дом, в котором великие власти,

Прочное сияющее основание, где совершается очищающее омовение,

Аширги, божество Адаба,

Установила, о Адаб, расположенный на водном канале,

Свой дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

15 строк дому Нинхурсаг в Адабе²⁹.

Гимн 30. Храм богини врачевания Нинишины в городе Исин

О Ишин, город, основанный Ану, воздвигнутый им на пустынной равнине,

Твоё лицо возвышается, твоё сердце создано с мастерством и умением,

Твои великие власти это великие силы небес, их выбрал Ану,

Твой нижний престол отмерил Энлиль,

Это место, где Ану и Энлиль решают все судьбы,

Место, где преломляют хлеб, где пируют великие боги,

Оно исполнено сияния и трепета, он усиливается, расширяется,

Все боги Анунна приходят к твоему великому пиру, поднимают там чаши.

Твоя госпожа это чистая мать, кто носит ожерелья из драгоценных камней,

Кто держит в чистоте и сиянии внутренние покои Нигингар священного места,

Кто возлагает венки силы мира на головы жриц,

Кто открывает груди о семи сосках для своих жриц,

Кто дает звенеть слову о семи наслаждениях, заполняющих небеса,
Твоя госпожа, целительница земель всех шумеров,
Нининшина, дочь Ану,
Установила, о Ишин, дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

16 строк дому Нининшины в Исине³⁰.

Гимн 31. Храм бога Солнца Нумушды в городе Казаллу

О Казаллу, твоя корона достигает сердца небес,
Твое сияние восхищения достойно,
Твой владыка – порождение быка.... дитя огромного дикого горного буйвола,
Великий бизон с цветными глазами, повелитель с клыками льва,
Кто вонзает острые когти в теленка,
Кто улавливает в сеть человека,
Сильный лев, кто хватает быка,
Кто придает силу в сражении,
Властелин Нумушда установил, о Кунсату – ступени, что ведут вверх на гору,
Дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

10 строк дому Нумушды в Казаллу³¹.

Гимн 32. Храм повелителя города Марды Лугальмарда в городе Марда

О Э-иги-калама – око земли шумеров, твое основание прочно,
Горный хребет, что возносится высоко, что простирается широко по земле,
Ты попрал ... земли врагов,
.... госпожа небес и земли,
.....
.....
.....
.....
Установил, о Марда, дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

8 строк дому Лугальмарды в Марде³².

Гимн 33. Храм бога воителя и бога дождя Иштарана в городе Дери

О аккадский дом Дер, где так умело принимают решения,
Ворота твои сияют, преисполняя глядящих трепета,
На их украшении огромный рогатый змей сжимает в схватке ядовитого змея.

Твой господин – повелитель небес,
Он равен прочим богам и говорит прекрасное слово,
Сын богини земли Ураш, кто знает всемирные власти,
Иштаран, повелитель небес, установил, о Э-дим-гал-калама, столп на земле шумеров,
Свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

8 строк дому Иштарана в Дери³³.

Гимн 34. Храм бога плодородия Ниназу в городе Эшнунна

О Э-сикиль, чистый дом, твои власти возвышаются надо всеми,
Твое имя велико и сильно, превосходит твой дом воителя,
Священный дом Ниназу, дом священных великих властей.

О дом, твои сущности – священные власти, твои церемонии – церемонии омовения
до сияющей чистоты,
В твоей обители воитель находит отдохновение,
Ниназу пирует на твоём возвышении.

Твой повелитель, великий владыка, рожденный Энлилем,
Лев, кто извергает потоки яда на горные земли,
Кто поднимается, как южная песчаная буря, на земли врагов,
Кто обрушивается, как великий дракон, на стены мятежников,
Кто обвивает врагов, слово злой южный ветер, он топчет их, он извергает яд на врагов.

Когда он выступает вперед, ни один злодей не избежит гибели,
Он торжествует, он разрушает поселения мятежных земель,
Когда он хмурится грозно, он стирает в пыль их обитателей.

О дом, твой владыка – огромный лев, враги вздымаются вверх на его острых когтях,
Твой господин – неистовая дикая буря, он – великая ярость битвы,
В схватке он вздымает щит из сияющей меди, его рука высоко держит щит,
Он бросает сеть над скоплением распростертых людей, враг от него не сбежит.

Великий владыка, славный владыка, никто не сравнится с ним,
Истинный повелитель, рожденный от великой горы Энлиля и Нинлиль,
О чистый дом Э-сикиль, твой господин, воин Ниназу,
Воздвиг, о Эшнунна, дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

22 строки дому Ниназу в Эшнунне³⁴.

Гимн 35. Храм бога воителя Забабы в городе Киш

О дом, построенный в изобилии, Киш, что держит голову высоко среди великих властей,
Обитель, что установлена прочно, твой великий фундамент никто не разрушит.

Стены, что тебя окружают, это тяжелое облако, распростертое широко,
оно плывет в середине небес,
В сердце твоём – булава, оружие, что украшено превосходно,
От правой твоей руки содрогаются горы, левая – ниц повергает врагов.

Твой владыка могучий и властный, облаченный в ужасающий трепет,
ты великая буря, что рушит земли,
Э-дуб, дом хранилище, твой повелитель, воитель Забаба,
О Киш, разместил свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

8 строк дому Забабы в Кише³⁵.

Гимн 36. Храм бога подземного мира Нергаль в городе Гудуа

О Э-гишкешда-калама, дом, что стоит на краю, дом, плотина земли,
Дикий буйвол, с чьей силой ни один из богов не сравнится,
Дикая корова, кто вызывает ужас и трепет, дикий бык, кто вызывает рыдания,
Гудуа, твой причал это низкий причал, с которого он пьет воду,
Твое сердце устроено с мастерством и умением, твоя булава – булава, что появилась с небес,
Твои стены – стены, распростерты над Мешламом, они ярко сияют, как лазурит.

Твой господин, великий бог, правитель Мешлама,
Свиристый бог, повелитель подземного мира, владыка заката,
Нергаль, кто пришел из Мешлама,
Установил дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

10 строк дому Нергаль в Гудуа³⁶.

Гимн 37. Храм бога Луны Сина в городе Урум

О великий Урум, где Син выносит решения,
Э-аб-луа, дом, где пасутся стада диких коров, широкий двор для скота,
Асимбаббар твой пастух.

Дом, о мой повелитель, твой скипетр достигает небес,
.... земля, ... свет луны, ... исполненный радости праздник,
.... в твоей власти свет дня.

Твой властелин, повелитель чистого праздника, кто появляется на ярком лазурном небе,
Праздник, исполненный радости, и человек восхваляет его,
Син, освещающий землю,
Установил, о Урум, дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

10 строк дому Сина в Уруме³⁷.

Гимн 38. Храм бога Солнца Уту в городе Сиппур

О Сиппур, престол, на который Уту восходит день изо дня,
Э-нунана, дом владыки небес, украшение высокого неба, корона, сотворенная Нингаль,
Дом Уту, твой повелитель поднимается над горизонтом, он заполняет все небо и землю.

Когда владыка покоится, люди покоятся вместе с ним,
Когда он поднимается, и люди вместе с ним поднимаются.
Дикий бык, все простираются перед ним,
Под взглядом Уту стада пасутся на пастбищах,
Народ шумеров под его взглядом омылся,
Земля перед ним.

Он говорит слово власти, твоя святыня это бурный потоп.
Он создает законы там, где поднимается солнце, он яркий свет дня, он носит длинную бороду,
По ночам он укладывает венец небесных властей вокруг своей головы,
Уту, властелин Э-бавбара, дома сияния,
Установил свой дом на твоём основании, о дом Зимбир, и занял место на этом престоле.

14 строк дому Уту в Сиппуре. (38)

Гимн 39. Храм богини рождений и дикой и прирученной природы Нинхурсаг в городе Хиза

О Э-хурсаг, дом высокой горы, на которой цветут цветы, на которой цветут деревья,
Акадская Хиза, щедро сердце твое, лоно твое изобильно.
Место, где решаются судьбы, ты решаешь там судьбы.
Да сияет корона ярко на твоей голове,
Да извиваются корни твои, переплетенные, подобно великому змею,
При свете дня чисто, свято твое основание.

Мать Нинту, хозяйка творения,
В скрытом месте свою исполняет работу,
Порождает властителя, возлагает корону на голову новорожденного господина,
Порождает владыку, возлагает венец на голову новорожденного властелина, он покоится у
нее на руках.

Лоно небес и земли, Нинхурсаг,
Воздвигла, о Хиза, свой дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

12 строк дому Нинхурсаг в ³⁹

Гимн 40. Храм богини страсти, любви и битв Инанны в городе Ульмаш

О Ульмаш, что в верхней земле, что в щедрой верхней земле шумеров,
Яростный лев, свирепый в схватке с диким быком,
Кто поражает врагов, кто раскидывает поверх врагов сеть,
Так что тишина воцаряется над землею мятежников,
Злосчастья на их землю нисходят, пока они не сдаются.

Драгоценный дом чистой Инанны, из серебра, из золота и лазурита, дом великого змея,
Твой, госпожа, это грозная водная птица, властительница Нигингар, чистых внутренних ком-
нат.

Ликует она, когда приступает к яростной битве, ярко сияет, высоко держит семь огромных
булав,

Она погружает оружие в воду сражения, в крови его оmyвает,
Она распаивает широко ворота сражения, позади оставляет ...
Мудрая знанием небес Инанна,
Возвела, о Ульмаш, дом на твоём основании и заняла место на этом престоле.

12 строк дому Инанны в Ульмаше⁴⁰.

Гимн 41. Храм аккадского бога Аба в Аккаде

О дом по правую руку, боевой топор, что обрушивается на мятежные земли,
Твои луга зелены, вспаханы, напоены водой из каналов,

.....,

.....,

Твой владыка – воитель, кто побивает

Кто побеждает в битве бесчисленных врагов, он ликует

Аба, бог Аккада,

Разместил, о Аккад, свой дом на твоём основании и занял место на этом престоле.

8 строк дому Абы в Аккаде⁴¹.

Гимн 42. Храм богини письменности Нисабы в городе Эреш

О дом звезд, сияющий Э-загин, дом, украшенный яркой лазурью, видный издалека,
... в равновесии святилище, святины на избранном месте,
Эреш! Изначальные повелители со светом луны каждый месяц возносят взгляды к тебе.

На склонах твоих произрастает трава омовений,
Великая Нанибгаль, Нисаба,
Приносит власти небес и добавляет к твоим властям,
Святилище установлено, тонки стены его,

Чистая женщина, госпожа, превосходная в мудрости,
Кто готовит глину для записей, кто охлаждает ее, кто говорит,
Кто на табличку яркого лазурита вечно пишет слова,
Чей голос над рыжей глиной звучит по высокой земле.

Чистая женщина, госпожа, что сияет травой омовений, рожденная пером тростника,
Она измеряет небо, она прокладывает измерительный канат по земле,
Славься, Нисаба!

Написала эти таблички Энхедуанна.
Мой господин, то, что создано здесь, прежде никем не было создано.

14 строк дому Нисабы в Эреше⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гимн 1 посвящен храму бога воды Энки в городе Эриду.

Энки – шумерский бог воды, один из Тройки великих богов вместе с богом небес Ану и богом воздуха Энлилем. Число Энки – 40. Энки – господин океана подземной воды абзу, на котором держится земля.

Город Эриду, расположенный на юго-западе Месопотамии, по преданию, был местом, где возник мир, и пирамидальный храм-зиккурат богу Энки, вознесшийся там из первозданного хаоса,

разделил небо и землю. По древнему мифу, океан абзу тождествен богине Намму, породившей земную жизнь из своих внутренних вод. Энки – ее сын, в то же время он равен ей и появился на свет одновременно с ней. Затем, когда Энки спал, Намму разбудила его, а он призвал ее к созиданию, и они вместе породили мир.

Энхедуанна начинает собрание гимнов с посвящения богу Энки, тем самым отдавая дань древнему мифу о происхождении жизни из темных подземных вод, персонифицируемых в богине Намму.

Ну-дим-муд – другое имя бога Энки: создатель.

Гимн 1 состоит из 23 строк.

² Гимн 2 посвящен храму бога воздуха Энлиля в городе Ниппуре.

Следующие шесть гимнов посвящены храмам в окрестности города Ниппура и божествам из «семейства» бога воздуха Энлиля, самого могущественного из земных богов. Энлиль – один из трех великих богов, бог воздуха, ветра и бурь. Его число 50. Энлиль также отвечал за божественную справедливость и «определение судьбы».

Отец Энхедуанны, Саргон Аккадский, стремившийся стать правителем шумерских и аккадских городов, одержав победу над царем Лугальзагеш, обосновал свое право на власть в том числе тем, провозгласив, что Энлиль благословил его, Саргона, как «истинного правителя».

Ниппур – древний город, расположенный в центре Месопотамии, между реками Тигр на западе и Евфрат на востоке, между шумерскими городами на юге и аккадскими на севере. Ниппур был религиозным и административным центром Месопотамии и сегодня является одним из основных мест раскопок шумерских клинописных табличек.

Гимн 2 состоит из 13 строк.

³ Гимн 3 посвящен храму богини воздуха Нинлиль в городе Ниппуре.

Нинлиль – супруга бога воздуха Энлиля. Ее число 45. Ее власть простирается над теми же сферами, что и ее супруга, она также являясь богиней воздуха и правосудия.

Нинлиль – дочь богини мудрости Нисабы (см. Храмовый гимн 42). По мифу, Нинлиль была юной девушкой, когда окунулась в воды священного потока. Она наслаждалась купанием, а бог Энлиль увидел ее и так восхитился, что немедленно овладел ей. За насилие над Нинлиль Энлиль был наказан богами и сослан в мир мертвых, а Нинлиль, беременная их первым ребенком, последовала за ним, родила лунного бога Нанну (см. Гимны 8, 12, 37), и там же зачала и родила других детей и возвратилась на землю уже как законная супруга и уважаемая мать. С тех пор ее называют Мать Нинлиль. В браке с Энлилем также родились бог смерти и владыка преисподней Нергаль (Храмовый гимн 36), бог болезней и выздоровлений и, как и Нергаль, хтоническое подземное божество Ниназу (Храмовые гимны 14 и 34), и бог каналов и орошения Энбилулу, оставшийся за пределами перечня божеств, которым посвящены Храмовые Гимны.

Гимн 3 состоит из 8 строк.

⁴ Гимн 4 посвящен храму бога огня Нуску в городе Ниппуре.

Нуску – бог света и огня, советник, помощник и иногда – перворожденный сын бога Энлиля, зачатый прежде заключения его брака с Нинлиль. Символ Нуску – огонь в светильнике.

Упомянутый здесь Нунамнир – другое имя бога Энлиля.

Экур – горный дом, обитель богов.

Святынище Нуску, вероятно, было сокровищницей внутри храма Энлиля в Ниппуре.

Гимн 4 состоит из 12 строк.

⁵ Гимн 5 посвящен храму бога воителя и плодородия Нинурты в Ниппуре.

Нинурта – бог-воин, бог грома, дождя и весенних паводков. Сын бога Энлиля и, в некоторых случаях, богини Нинлиль. В эпоху написания гимнов – местное божество Ниппура, позже став-

ший значительной фигурой месопотамского пантеона. Как Нин-Урта (господин зерна) отвечает за земледелие, оживление земли после весенних гроз. Его месяц – второй месяц календаря Ниппура, «когда шествуют рогатые быки». Ассоциируется с планетой Сатурн. Мог отождествляться с богом Нингирсу, владыкой города Гирсу (Храмовый гимн 20), и богом Иштараном (Храмовый гимн 33).

Гимн 5 состоит из 15 строк.

⁶ Гимн 6 посвящен храму «невозделанной» богини Сузианны в Гагимахе.

Сузианна – младшая жена бога Энлиля. Ее храм – га-ги-мах, дословно: высокий закрытый дом для женщин, прошедших посвящение, род монастыря, также расположен в городе Ниппуре. В колофоне к гимну дается уточнение о сути храма – гагимах. В противовес прежней трактовке га-ги-мах как гарема, а Сузианны и женщин храма как наложниц, современные исследователи полагают, что это был дом женщин, живущих в безбрачии в безопасном закрытом месте, а его обитательницы «надитум», трактуемые прошлыми исследователями как «храмовые проститутки», в действительности называются «невозделанными», то есть «девственными», «целибатными». «Надитум» не вступали в брак и не имели детей, но обладали имуществом, которое поступало в закрытое сообщество «гагум» в качестве приданого, и сами управляли им.

Гимн 6 состоит из 9 строк.

⁷ Гимн 7 посвящен храму богини рождений, дикой и прирученной природы Нинхурсаг в городе Кеш.

Нин-хурсаг – «госпожа горы», богиня рождений, дикой и прирученной природы. Ее число 5. Вместе с Ану и Энлилем входила в Великую триаду богов шумерского пантеона, пока Триада не была дополнена богом Энлилем до Тетрады, а затем несколько веков спустя времен написания Храмовых гимнов, редуцировалась в другую Триаду: Ану, Энлиль, Энки. Ее другие имена – Нинту, Аруру. Она является богиней родов, тишины, охраняющей рожицу, и криков в родах. Ее обитель темна и закрыта.

Нинхурсаг – сестра бога воздуха Энлиля. Также супруга бога-творца Энки. Мать богов, мать всех детей. Поскольку числа богов кратны пяти: Ану – 60, Анту – 55, Энлиль – 50, Нинлиль – 45, Энки – 40, Нинки – 35, Нанна – 30, Нингаль – 25, Уту – 20, Инанна – 15, Ишкур – 10 и Нинхурсаг – 5, то все они естественно порождаются числом 5 – числом богини рождений, отвечающей за то, что природа и боги «плодятся и размножаются».

В собрании Храмовых гимнов Нинхурсаг посвящены три гимна: 7, 29 и 39. Больше – только богу Солнца Уту (Гимны 11, 13, 31 и 38), и по столько же богу плодородия Нингирсу (Нинурта, Иштара) – Гимны 5, 20, 33, богине Инанне (Гимны 16, 26, 40) и богу Лунны Нанне (Гимны 8, 12, 37), что соответствует значимости Нинхурсаг среди других божеств месопотамского пантеона.

Гимн 7 состоит из 13 строк.

⁸ Гимн 8 посвящен храму бога Луны Нанне в городе Ур.

Следующие пять гимнов посвящены храмам в городах Ур, Эриду, Куар на юге страны, и ориентированы на бога Луны Нанну.

Нанна – один из семи Великих Богов. Его число 30. Он – старший сын бога воздуха Энлиля и богини Нинлиль. Аккадские имена бога луны (Асимбаббар, Син) упоминаются в тексте этого гимна, в то время как шумерское Нанна – и только в колофоне, что демонстрирует синкретический характер Храмовых гимнов и свидетельствует о намерении авторов объединить аккадских и шумерских божеств в единый пантеон.

Как известно, Энхедуанна была назначена Саргоном верховной жрицей бога Нанна в храме города Ур, породив традицию дочерей или сестер правителей становиться верховными жрицами. Называя себя «нин-дингр», божественная госпожа, Энхедуанна исполняла роль супруги бога Нанны в храмовых церемониях.

В этом гимне упоминаются числа 7 и 50, что говорит об их значимости для шумерской культуры и в целом о важности чисел и численных измерений в шумерской культуре. Строки гимна о лунном свете и ходе солнца говорят о календарных и астрономических измерениях, проводимых жрицами, тем самым поддерживающих установленный небесами порядок вещей. Шумерская астрология (включающая астрономию и календарь) основывалась на измерениях фаз и положений луны. Измерения проводились в течение столетий, что позволяло предсказывать даже затмения.

Гимн 8 состоит из 17 строк.

⁹ Гимн 9 посвящен храму обожествленного правителя Шульги в городе Ур.

Шульги – второй царь Третьей Династии Ура (2112–2004 гг. до н.э.), правил в течение сорока восьми лет, столетия после Энхедуанны. Шульги обеспечил процветание империи и расширение ее территории. Он ввел стандарты измерения веса и размера, установил единый календарь, реформировал сельское хозяйство и юридическую систему. Подчинил своей власти храмы. Провозгласил, что его родителями были богиня Нинсун и герой-царь Лугальбанда, и построил дворец Эхурсаг, где ему стали поклоняться как божеству. Стал именоваться Шульги-Син.

Отождествлялся с полубогом Думузи (Храмовый гимн 17), супругом богини Инанны. В колофоне указывается, что Гимн 9 – «дополнительный», хотя его язык и стилистика совпадают с остальными Храмовыми гимнами. Можно предположить, что Гимн 9 заменил один из существовавших ранее гимнов, возможно гимн Думузи, сохраняя общее число гимнов – 42 и общее количество строк в совокупности гимнов – 500.

Гимн 9 состоит из 15 строк.

Первые 9 Храмовых гимнов содержат 125 строк или четверть общего числа строк гимнов.

¹⁰ Гимн 10 посвящен храму бога магических церемоний Асарлухи в городе Куар.

Асарлухи – бог магических церемоний, бог дождя, сын бога воды Энки. Называемый также Асар-алим-нунна, Асар-верховный бизон, и сын океана абзу, Асарлухи здесь уравнивается со своим отцом Энки. Гимн в группе бога Нанны отсылает, вероятно, к ежемесячным церемониям, ритуалам очищения из океана абзу. Семь древних мудрецов, указанные в Гимне 10 как создатели храма в Куаре, по преданию жили до «великого потопа», они описывались как «крылатые с птичьими лицами». В досаргоническое время за магические церемонии и храмовые заклинания отвечала богиня Нингирим (Храмовый гимн 19), позже эти обязанности были перешли к богам Энки и Асарлухи. В вавилонскую эпоху (XIX–XVII века до н.э.) Асарлухи стал идентифицироваться с Мардуком, верховным богом Вавилона.

Гимн 10 состоит из 11 строк.

¹¹ Гимн 11 посвящен храму бога Солнца Нингублам в городе Киабриг.

Нингублам – одно из имен бога Солнца с центром поклонения в небольшом городе Киабриг неподалеку от Ура. Сын бога Луны Нанна. Его число 20. Покровитель быков и коров. Другие его имена – Уту (шумерское), Шамаш (аккадское), Нимукда (шумерское). Бог Солнца воспевается также в Гимнах 13, 31, 38.

Гимн 11 состоит из 10 строк.

¹² Гимн 12 посвящен храму бога Луны Нанне в городе Гаэш.

Еще один гимн богу Луны Нанне воспекает весеннее и осеннее равноденствие. Эти дни знаменовали начало полугодовых календарных циклов и отмечались большими праздниками. Во время празднества весеннего равноденствия статуя бога Нанны на лодке прибывала в свой храм в городе Гаэш, где ему преподносились дары: быки, овцы, бараны, фрукты и овощи. В заключительный день празднеств Нанна отправлялся обратно в свой храм Э-киш-ну-галь в городе Ур.

В гимне упоминаются имена лунного божества Асимбаббар и Син (см. Гимн 37).

Гимн 12 состоит из 10 строк.

¹³ Гимн 13 посвящен храму бога Солнца Уту в городе Ларса.

Следующие семь гимнов относятся к храмам равнины между великими реками Тигр и Евфрат. Эти храмы расположены в городах Ларса, Энеги, Гишбанда, Урук, Бадтибира, Аккиль и Мурум, стоящих на ирригационных каналах, проложенных из реки Евфрат. Боги этих храмов некоторое время движутся по небу, а другое – опускаются под горизонт, в землю мертвых.

Гимн 13 посвящен храму бога Солнца – Уту (см. примечание к Гимну 11).

Бог Солнца спускается за горизонт каждый вечер через западные ворота и поднимается на небо каждое утро через восточные ворота. Изначально шумеры располагали страну мертвых на востоке, за непроходимыми горами Загрос, за пределами обитаемых и обрабатываемых земель. Затем они стали представлять страну мертвых под поверхностью земли, и вход в нее располагался на западе, за воротами, которые солнечный бог запирает каждый вечер.

Куллаба – часть города Урук, расположенного в нескольких километрах от города Ларса. Изначально Куллаба была независимым небольшим поселением рядом с городом Урук, со временем вошла в состав города.

Гимн 13 состоит из 9 строк.

¹⁴ Гимн 14 посвящен храму умирающего и воскресающего бога плодородия Ниназу в городе Энегир. Третий сын бога Энлиля и богини Нинлиль.

Ниназу – юный погибающий бог, который с окончанием сбора ячменя уходит из наземного мира, чтобы вернуться с новой весной. Ассоциируется с огромным змеем. Его называют Повелителем змей и Властителем-целителем. Во время пребывания в нижнем мире он становится супругом богини Эрешкигаль, главной повелительницы мира мертвых, и вместе с ней его владыкой. В этом гимне Ниназу именуется сыном Эрешкигаль. Также воспевается в Гимне 34.

Гимн 14 состоит из 7 строк.

¹⁵ Гимн 15 посвящен храму бога подземного мира Нингишзиды в городе Гишбанда.

Нингишзид – изначально также юный умирающий бог плодородия на земле и владыка мира мертвых в подземном мире, позднее – бог подземного мира, встречающий там умерших. Сын бога Ниназу (Храмовый гимн 14) и богини Нингиды. Ассоциируется с корнями деревьев и со змеями.

Гишбанда – место поклонения богу Нингишзиду, небольшой город между городами Лагашем и Уром.

Гимн 15 состоит из 10 строк.

¹⁶ Гимн 16 посвящен храму богини любви, страсти и битв Инанне в городе Урук.

Инанна – одна из Семи великих божеств, единственное женское божество среди этих семей. Ее число 15. Ее аккадское имя – Иштар. Ассоциируется с планетой Венерой. Дочь бога луны Нанны и богини Нингаль. Сестра бога Солнца Уту. Ее старшая сестра – повелительница мира мертвых Эрешкигаль.

Энхедуанна посвятила богине Инанне три большие поэмы: «ИНАННА, ВЕЛИКАЯ СЕРДЦЕМ» (ИННИН-ША-ГУР-РА), «ВОСХОЖДЕНИЕ ИНАННЫ» (НИН-МЕ-ШАР-РА) и «ИНАННА И ЭБИХ» (ИН-НИНМЕХУШ-А). Энхедуанна, бывшая верховной жрицей как в Уре (лунному богу Нанне), так и в Уруке (богине Инанне), писала, что это Инанна посвятила ее в жрицы. На знаменитом каменном диске, где изображена Энхедуанна, она предстает во главе храмовой процессии к алтарю Инанны. В храмовых церемониях этих храмов верховная жрица должна была играть роль как супруги бога Нанны, так и самой богини Инанны.

Значительную часть мифологии Инанны занимает представление о ее катабасисе, отраженном в поэме «Нисхождение Инанны в нижний мир», во владения Эрешкигаль. Временное пребывание Инанны в нижнем мире роднит ее с другими божествами этой подгруппы Храмовых гимнов (Гимны 13–19), частности, с группой гимнов 16–19 основных персонажей мифа о схождении Инанны: ее самой, ее супруга Думузи и ее доверенной помощницы Ниншубур.

В коллекции Храмовых гимнов храмам Инанны посвящено три гимна: 16, 26, 40. Гимн 16 посвящен храму Инанны в Уруке, величайшем городе древней Месопотамии. Урук был местом зарождения цивилизации – там в середине четвертого тысячелетия до нашей эры начинался клинописный счет и письмо, отсюда выходили торговые пути. Центр города Куллабы занимал храмовый комплекс Э-анна (дом небес), на протяжении тысячелетий посвященный богине Инанне.

В Гимне 16 Инанна предстает богиней любви и желания, огня и страсти. «Молодой бык» здесь – вероятно, бог Думузи, бывший супругом Инанны (Гимн 17).

Инанна – богиня беспорядка, она «украшает сиянием женщин и платком покрывает главы мужчин», что указывает на перемену гендерных (или социальных) ролей, на страсти, отменяющие обычный порядок вещей. В Гимне 16 также упоминается Нигингар – «закрытая святыня», храм Инанны как дом для посвященных женщин, куда мужчинам нет доступа.

Гимн 16 состоит из 11 строк.

¹⁷ Гимн 17 посвящен храму бога плодородия Думузи в городе Бадтибир.

Думузи – аккадский бог плодородия, бог-пастух, умирающий и воскресающий в течение земледельческого цикла. Субъект ритуальных оплакиваний. Легендарный правитель Урука до потопа, получил статус полубожеества в священном браке с богиней Инанной.

В поэме «Нисхождение Инанны в нижний мир» богиня, разгневанная, что Думузи не скорбел по ней, но надел лучшие одежды и занял ее место на троне, отправляет Думузи в мир мертвых вместо себя. Впрочем, после смерти Думузи Инанна скорбит по нему и оплакивает его. В свою очередь, сестра Думузи, богиня вина Гештинанна, также скорбит по Думузи, и через полгода заменяет его в мире мертвых. Думузи как бог земледелия также ассоциируется с зерном и пивом, а его чередование на земле и под землей с богиней винограда и вина таким образом объясняет чередование циклов плодородия различных земледельческих культур.

Арали – равнина между городами Бадтибир и Урук, где пастух Думузи пас своих овец. Там он и погиб и отправился в мир мертвых через ворота, которыми становится Арали.

Правитель Ура Шульги также отождествлялся с Думузи.

Гимн 17 состоит из 10 строк.

¹⁸ Гимн 18 посвящен храму богини плакальщицы Ниншубур в городе Аккиль.

Ниншубур – богиня-управительница Инанны. Перед схождением в мир мертвых Инанны поручила Ниншубур присматривать за своим храмовым комплексом Э-анна, позаботиться о ее возвращении и плакать о ней, когда она не вернется. Иногда Ниншубур именуют повелительницей мира мертвых, объединяя с Эрешкигаль.

Название ее храма, Э-аккиль, буквально означает Дом стенаний, Дом погребальных оплакиваний, в котором жрицы-плакальщицы поют о мертвых. К XVIII веку до н.э. Ниншубур стало мужским именем, титулом правителей Ларсы.

Гимн 18 состоит из 8 строк.

¹⁹ Гимн 19 посвящен храму богини заклинаний Нингирин в городе Мурум.

Нингирин – богиня заклинаний, врачевания и обрядов очищения. Ритуалы Нингирин были призваны восстанавливать утраченную гармонию и порядок на небесах и земле. Эти ритуалы включали рассыпание муки магическими кругами, чтобы умиловить мертвых. Тем самым богиня Нингирин входит в группу богов, ассоциированных с миром мертвых (Гимны 13–19).

Мурум – древний месопотамский город к югу от города Бадтибира.

Гимн сохранился фрагментарно.

Гимн 19 состоит из 9 строк.

²⁰ Гимн 20 посвящен храму бога воителя и земледельца Нингирсу в городе Лагаш.

Следующая группа гимнов образована вокруг семейства бога Нингирсу: его самого (Храмовый гимн 20), его супруги Бау (Храмовый гимн 21), его сестры Нанши (Храмовый гимн 22), ее дочери Нинмар (Храмовый гимн 23) и богини Думузиз-абзу (Храмовый гимн 24), которую не нужно смешивать с богом Думузи (Храмовый гимн 17). Эта группа богов прославляется в храмах, сосредоточенных в городе Лагаш и соседних с ним.

Нингирсу – один из семи великих богов, ассоциируется с планетой Сатурн. Сын бога Энлиля и богини Нинхурсаг. Как сын бога Энлиля, Нингирсу также соотносится с его священным числом 50. Отождествляется с богами Нинурта (Храмовый гимн 5) и Иштаран (Храмовый гимн 33). Как и Нинурта, Нингирсу – божество двойственной природы: бог-воин и божество плодородия.

Гирсу – центр Лагаша, где расположен Ириду – «священный город», храмовый комплекс Лагаша. Э-нинну – храм Нингирсу в Гирсу, буквально: «дом пятидесяти», по числу бога Нингирсу.

Имя Нингирсу устроено как женское: Нин-гирсу (госпожа города Гирсу), что может говорить о первоначальной женской природе этого божества, ко времени создания Храмовых гимнов Энгедуанны трансформировавшейся в мужскую.

Гимн 20 состоит из 22 строк.

²¹ Гимн 21 посвящен храму богини целительницы Бау в городе Урук.

Богиня Бау – врачевательница, покровительница города Гирсу, которая заботится о здоровье и благоденствии его обитателей. Перворожденная дочь бога небес Ану, от которого распространилось «человеческое семя». Супруга бога Нингирсу. Возможно, изначально была главной богиней города, впоследствии разделившись на бога с женским именем Нингирсу и богиню Бау. Все еще называется Госпожой священного города. Также носит имена: Баба, Бава, Нинишина, Нинтинугта, Нинкаррак. Под именем Нинишина воспеваётся также в Гимне 30.

Гимн 21 состоит из 8 строк.

Первые 21 Храмовых гимнов, половина от общего числа и произведение значимых чисел 3 и 7, содержат 250 строк.

²² Гимн 22 посвящен храму богини дальнего моря Нанши в городе Сирапа.

Богиня Нанши – богиня моря, которое лежит на пределах обитаемого мира, а также богиня справедливости и откровений, полученных во сне. Дочь бога Энки (Гимн 1) и богини Нинхурсаг (Гимны 7, 29, 39), сестра бога Нингирсу (Гимны 5, 20, 33) и богини Нисабы (Гимн 42), мать богини Нинмар (Гимн 23).

Гимн 22 состоит из 10 строк.

²³ Гимн 23 посвящен храму младшей богини моря Нинмаре в городе Гуабба.

Богиня Нинмара – божество города Гуабба, дочь бога Ниндара и богини Нанши (Гимн 22), близкая к Нанши по основным атрибутам: она также ассоциируется с контролем за морем.

Нунамир – другое имя великого бога Энлиля, который здесь назван отцом Нинмары.

Название города Гуабба, богиней которого является Нинмара, означает «берег морской воды», хотя предположительно был расположен между реками Тигр и Евфрат.

Нинмара названа также госпожой Нингагга, где га-ги-(мах), как и в Гимне 6 – закрытый дом для женщин, посвященных божеству, род монастыря.

Гимн 23 состоит из 10 строк.

²⁴ Гимн 24 посвящен храму морской богини-ребенка Думузи-абзу в городе Кинириша.

Богиня Думузи-абзу – локальная богиня города Нинириша близ Лагаша. Ее имя означает «ис-

тинное дитя извечных морских вод», не тождественна богу Думузи (Гимн 17). Богиня представлена как юная игривая дочь неназванной могущественной богини-матери, вероятно Нанши (Гимн 22) или Нинмара (Гимн 23).

Гимн 24 состоит из 7 строк.

²⁵ Гимн 25 посвящен храму бога пастуха Шара в городе Умма.

Бог Шара упоминается в поэме «Нисхождение Инанны в нижний мир» как тот, кто остается верен богине, оплакивает ее и расчесывает волосы богини, и в ответ Инанна не отдает его подземным демонам взамен себя. В Гимне 25 он также назван «верным». Богиня Инанна не представлена в шумерской мифологии как мать, но бог Шара назван в этом Гимне ее любящим сыном.

Гимн 25 состоит из 11 строк.

²⁶ Гимн 26 посвящен храму богини страсти, любви и битв Инанне в городе Забалам.

О богине Инанне см. примечание к Гимну 16.

Забалам был городом, где, по древнему мифу, Инанна распахнула ворота битвы и из священной горы, соединяющей небеса, землю и низший мир, вышли три великие сущности: месяц Нанна и его сияющие дети, утренняя звезда Инанна и солнце Уту.

Гимн 26 состоит из 12 строк.

²⁷ Гимн 27 посвящен храму бога громовержца Ишкура в городе Каркара.

Ишкур – бог дождя и бури, сын бога небес Ану. Его число 10. Супруг богини рождений Нинхурсаг (Гимны 7, 29 и 39). Также его супругой называлась локальная богиня Шала или Медимша. Его аккадское имя – Адад. Младший из богов шумерского пантеона. Изображался с трезубцем молнии, аналогично богам-громовержцам Зевсу, Юпитеру, Яхве, Тору, Перуну.

Гимн сохранился фрагментарно.

Гимн 27 состоит из 23 строк.

²⁸ Гимн 28 посвящен неизвестному божеству в неизвестном городе.

Все фрагменты известных тридцати восьми табличек, содержащих Храмовые гимны, на которых был записан Гимн 28, серьезно разрушены, и имена божества, как и название города, в котором расположен воспеваемый храм, не сохранились. Известно, однако, число строк в гимне – 10, что позволяет подсчитать общее число строк сорока двух храмовых гимнов.

Гимн 28 состоит из 10 строк.

²⁹ Гимн 29 посвящен храму богини рождений и дикой и прирученной природы Нинхурсаг в городе Адаб.

Нинхурсаг – богиня рождений, дикой и прирученной природы (см. также Гимны 7 и 39). Ее другое имя – Нинту, госпожа «хижин рождения».

Аширги – сын Нинхурсаг.

Адаб был одним из тридцати основных городов Древней Месопотамии. Процветающий торговый город был расположен на одном из главных ирригационных каналов, Итурунгаль.

Гимн сохранился фрагментарно.

Гимн 29 состоит из 15 строк.

³⁰ Гимн 30 посвящен храму богини врачевания Нинишины в городе Ишин.

Нинишина – богиня целительница, особенно помощи в родах. Покровительница города Ишин (нин-ишин). Может отождествляться с богиней Бау (Гимн 21). Дочь верховного бога Ану и богини Нинхурсаг. В этом гимне также упоминается Нигингар – «закрытая святыня», женские покои, в которых она обитает. В Саргонский период Нинишина считалась незамужней и бездетной богиней.

Гимн 30 состоит из 16 строк.

³¹ Гимн 31 посвящен храму бога Солнца Нумушда в городе Казаллу.

Бог Нумушда – одно из имен бога солнца Уту (см. комментарий к Гимнам 11, 13, 38). Под именем Нумушда солнечное божество воспевается в городе Казаллу, вероятно, на берегу ирригационного канала к северо-западу от Ниппура.

Гимн 31 состоит из 10 строк.

³² Гимн 32 посвящен храму бога Лугальмарда, властителя города Марды.

Лугальмарда – «правитель города Марды». Это имя носил легендарный правитель первой династии Урука. Может отождествляться с богом Нинурта (Гимн 5). Супруга бога Лугальмарды – богиня Ниншуанна.

Гимн сохранился фрагментарно.

Гимн 32 состоит из 8 строк.

³³ Гимн 33 посвящен храму бога воителя и бога дождя Иштарана в городе Дери.

Иштаран – бог грома и молний. То же, что бог Нинурта (Нингирсу, Гимны 5, 20).

Город Дер расположен на севере Месопотамии, населенном аккадским народом, и именуется в гимне аккадским именем. При этом бог называется шумерским именем: Иштаран.

Гимн 33 состоит из 8 строк.

³⁴ Гимн 34 посвящен храму богу воителя и бога плодородия Ниназу в Эшнунна.

Ниназу – возрождающийся бог плодородия, бог подземного мира (см. примечание к Гимну 14). В Гимне 34 воспеваются другие его черты: бога-воина, великого льва, обрушивающегося на врагов, более сходными с чертами бога Нинурты (Гимн 5), вплоть до родителей – Энлиля и Нинлиль, что говорит о слиянии различных местных богов при объединении их в месопотамский пантеон.

Гимн 34 состоит из 22 строк.

³⁵ Гимн 35 посвящен храму бога воителя Забабы в городе Киш.

Забаба – бог войны, божественный покровитель города Киш, города, из которого в соответствии с шумерским списком царей начала исчисляться послепотопная хронология. Забаба – сын бога Энлиля. Был одним из супругов богини Инанны. Название храма Экишиба в городе Киш означает Дом печати, где «печать» представляет собой знак власти и раннюю форму шумерской письменности, существовавшую до клинописи, в V–IV тыс. до н.э.

Гимн 35 состоит из 8 строк.

³⁶ Гимн 36 посвящен храму бога подземного мира Нергала в городе Гудуа.

Нергаль – бог войны и смерти, владыка подземного мира. Сын бога Энлиля и богини Нинлиль, младший брат бога Луны Нанны. Супруг богини Эрешкигаль, правительницы подземного мира. Входит в Великую Септаду Богов. Ассоциируется с планетой Марс. Другое имя бога Нергала – Гирра.

Мешлам – вид растительности.

Гимн 36 состоит из 10 строк.

³⁷ Гимн 37 посвящен храму бога Луны Сина в городе Урум.

Син (Суэн) – аккадское имя бога Луны, то же, что и Нанна (Гимны 8, 12). Необычное для Храмовых Гимнов обращение «о мой повелитель, твой скипетр достигает небес» звучит как личная адресация жрицы к своему сакральному супругу, божеству Луны. В гимне используется слово «idru-zu» (скипетр, посох, палка, используемая для измерения высоты кучи зерна), а не «u-bar» (скипетр, посох правителя, от «u» (пенис) + «bar» (показывать)), но слушатели вероятно считывали предельную интимность этого обращения.

Асимбаббар («сияющий бегун», новая луна) – еще одно имя бога Луны.

Гимн 37 состоит из 10 строк.

³⁸ Гимн 38 посвящен богу Солнца Уту в городе Сиппуре (Зимбире).

Уту – бог Солнца, он же аккадский бог Шамаш (см. также Гимны 11, 13 и 31). Зимбир – может читаться как Сиппар. Э-нун-ана, Эбаббар (как и в Гимне 13) – имя храма бога Солнца в Сиппуре.

Гимн 38 состоит из 14 строк.

³⁹ Гимн 39 посвящен храму богини рождений и богини природы Нинхурсаг в городе Хиза.

Нинхурсаг – богиня рождений, дикой и прирученной природы, см. Гимн 7 и Гимн 29. Нинту – другое имя Нинхурсаг, где «нин» – госпожа, «тур» – хижина рождений, чрево.

Хиза – аккадское имя города, шумерское название неизвестно.

Эхурсаг – название храма богини в городе Хиза, где «хур-саг» – каменистое предгорье, владения богини дикой и прирученной природы.

Гимн 39 состоит из 12 строк.

⁴⁰ Гимн 40 посвящен храму богини страсти, любви и битв Инанны в городе Ульмаш.

Инанна – богиня страсти (см. Гимны 16, 26). В Гимне 40, посвященном храму города Ульмаш на аккадском севере, Инанна предстает как яростная богиня битвы, побеждающая врагов и карающая мятежников, тем самым подтверждая права тех, кто ее воспевают, на правление шумерским и аккадским народами.

Гимн 40 состоит из 12 строк.

⁴¹ Гимн 41 посвящен храму аккадского бога Аба в городе Аккад.

Аба – малоизвестный бог города Аккад, чье расположение неизвестно. Вероятно, город послужил Саргону плацдармом для походов по Месопотамии. Богиней Аккада была Инанна как богиня битвы (см. Гимн 40), первоначальным божеством служил местный бог семитского происхождения Аба. Во время правления империей племянником Энхедуанны Нарам-Син Аба был позабыт и Нарам-Син как повелитель страны стал обожествлен в качестве местного божества.

Гимн сохранился фрагментарно.

Гимн 41 состоит из 8 строк.

⁴² Гимн 42 храму богини письменности Нисабы в городе Эреш.

Нисаба – богиня письменности и мудрости. Сестра бога Нингирсу (см. прим. к Гимну 20, также Гимны 5, 33) и богини Нанши (Гимн 22), мать богини Нинлиль (Гимн 3). Нанибгаль – другое имя богини.

Исходно Нисаба была богиней зерна и изображалась пиктограммой стебля, затем – женщиной с волосами в виде колосьев. У прародителей шумеров именно выращивание зерна, изначально бывшее женским занятием, вызвало переход от кочевого к оседлому образу жизни. Клинопись развивалась в Древней Месопотамии из потребностей подсчета зерна, потому письменность исходно была счетом, а богиня зерна стала ответственна за подсчеты, измерения, письменность и науки. В Старовавилонский период (XX–XVI вв. до н.э.) богиня письменности и мудрости Нисаба была замещена богом Набу.

Нисаба именуется в гимне госпожой «травы омовений», «мыльной травы», из корней которой изготавливались сладости, а острым тростником делались отпечатки на мокрой глине. В строке гимна «она измеряет небо и прокладывает измерительный канат по земле» перечисляются обязанности богини, связанные с математикой: астрономией – наблюдениями за движением небесных тел, и геометрией – измерений земли для строительства крупных сооружений и прокладывания водных каналов. Перечисленные качества богини можно понимать и как умения жрицы, представляющей богиню и выполняющей ее обязанности среди людей.

Храм Нисабы – Э-загин, «дом звезд», «украшенный яркой лазурью, что виден издалека», а власть ее везде.

Местонахождение города Эреш неизвестно, предположительно он находился между реками Тигр и Евфрат, неподалеку от городов Киш и Ниппур.

Это единственный из Храмовых гимнов, не включающий завершающую формулу «Бог(иня) установил(а) свой дом на твоём основании и занял(а) место на этом престоле». Вместо этого в последней содержательной строке гимна воздается слава богине, единожды напрямую во всем собрании: «Славься, Нисаба!» Такая строка была традиционным восхвалением богини Нисабы, которым жрецы завершали свои записи.

Каждый из предыдущих Храмовых гимнов завершался однострочным колофоном: «<Число строк> для дома <имя бога/богини> в <название города>». Колофон Гимна 42 занимает три заключительные строки в коллекции гимнов и представляет собой сорт подписи (копирайта):

Написала эти таблички Энхедуанна.

Мой господин, то, что создано здесь, прежде никем не было создано.

14 строк для дома Нисабы в Эреше.

Гимн 14 состоит из 14 строк. Все 42 Храмовых гимна содержат 500 строк.

Подписав Храмовые гимны, Энхедуанна вошла в историю литературы как первая известная по имени поэтесса, теолог, математик и автор первого литературного текста строгого формального ограничения в истории человечества.

Сергей БОРОВИКОВ

ЗАПЯТАЯ-32

В русском жанре – 92

”

Более всего в детстве я претерпел от старшего брата. Отцу было не до меня, мать в силу владшей ей во всём осторожностью не вникала, а брат насмехался. Вот во дворе при соседях или дома при гостях, глядя на меня, рассказывает...

– Начнет штаны снимать и сидит на кровати в одной штанине, в потолок глядит... что это значит? А это значит, Серёжа задумался...

Ха-ха-ха...

Быстрый был брат, скорый и на хорошее и на плохое, всё спешил, спешил, особенно с переменной мест работы. Отец переживал, стыдился, и если спросят, чем старший занимается, а тот служил истопником, отвечал, что сын физик-ядерщик.

Умер в пятьдесят три, на поминках, устроенных отцом, которого огорчила скорость, с какой стали наливаться друзья покойного, про которого ничего не сказали, и отец, глядя темно-зелёными очками в лепной потолок ресторана «Волга», жалобно попросил хоть что-нибудь сказать о покойном, и пришлось встать мне, чего очень не хотелось, подыскивать слова. Жена потом сказала, что заметила, как тряслась моя рука с фужером водки.

”

Стали вспоминать Нику Турбину, в этом году ей (1974–2002) могло бы исполниться 50 лет.

Тогда невозможно было о ней не услышать. Помню странное впечатление от её стихов, которые не были так уж хороши, но поражало, что старческую утомлённость жизнью столь последовательно выражает подросток. Но шум был таков, что и вчуже пробирал страх за судьбу девочки, обнаруженной в Ялте Юлианом Семёновым и переданной в опеку Евгению Евтушенко, который издал девятилетней Нике первый сборник стихов, прокатил по Италии, где её удостоили, подобно Ахматовой, премии «Золотой лев», и пошло-поехало. Сыграло, конечно, роль то, что мать Ники (и считается, её соавтор) была неудавшейся художницей и подругой Андрея Вознесенского, которого околелитературная молва даже зачисляла Нике в отцы. Самым коварным стали появившиеся деньги. Страшна дальнейшая биография Ники с поездками по миру, рождением детей, сожительством со швейцарским старцем, попытками суицида, безнадежной болезнью.

И у нас в Саратове, в те же примерно годы была своя девочка-поэтесса, да ещё как нарочно с поэтической фамилией. Ольга Лебёдушкина родилась в 1966 году в районном посёлке Турки и ещё школьницей стала публиковаться в местных газетах на поживу саратовским журналистам, раззвонившим о таланте из глубинке. И опять-таки хорошо помню, а не сейчас выдумываю, что узнав о печатных успехах школьницы, не мог не вообразить её печальное будущее, что усугублялось поступлением в Литинститут. И представьте: ничего из вообразённой страшной перспективы с ней не случилось, а была насыщенная трудом биография, в которую основанием легла служба в газете для учителей «Первое сентября» с 1994-го вплоть до разгона в 2014-м редакции, где следовали в работе педагогическим принципам своего основателя С. Соловейчика. А Ольга

закончила аспирантуру Литинститута, защитила в МГУ диссер на тему «“Филологическая проза” Леонида Гроссмана» под руководством Мариэтты Омаровны Чудаковой, став даже её печатным соавтором.

”

Восемь лет безвылазно сидя дома, я бы и забыл о временах, когда куда-то ездил и встречался со множеством разных людей, если бы не дневник.

Март-апрель 93 г.

Поезд отправляется в 2 дня. Никуда не ездил вот уже год, все непривычно: вокзал, забитый ларьками с литературой порно и ужасов, постоянные предупреждения по радио о кражах, и то, что 9-ый поезд отходит не вечером, а днем, и что не курю – всегда у вагона в ожидании отправления покуривал. Белье – 100 рублей, билет 888. Попутчики – пожилая пара и молодой человек. Пара, как и весь вагон, ела. Сколько жрут наши люди, особенно в дороге! Колбаса, вареная картошка, соленые огурцы, хлеб, потом весь вагон спит и пердит во сне. Чаю теперь не подают. Только кипяток. Как обычно в дороге я долго и хорошо спал на своей верхней полке. Выходил лишь в Ртищеве, где мимо вагонов стали ходить люди, предлагая хлеб, водку, пиво и ситро.

Прибытие 6.40. Метро радиальное закрыто. Первый из давно не хоженных мною подземных переходов метро до кольцевой с нищенками и торговками, еще пустоватый. Пустынная тоже ул. Коперника, бетонно-безобразные цирк и театр, огромный двор, очень холодный ветер, так что ждал в подъезде грязном и ободранном в последней степени, а как вышел, вскоре и Женя¹.

Поехали сперва по его маршруту на Ново-Басманную, к Гоге Анджапаридзе². Так как дело серьезное, я с ним не пошел: помешал бы Жене, а Гоге мог помочь – для отсвечивания. У Жени без спросу перепечатали рассказ в русско-норвежском сборнике, и он пошел требовать с Гоги доллары. Я ожидал его час, доходил до Разгуляя, очень холодно, ветер, дивный дворец напротив Худлита, непонятного ныне назначения, с голым двором и женской фигурой в центре мертвого фонтана. Кажется на доске – дом Михеева (?), поразило, что построен за год или два 1898-99. Женя вышел довольный собой, хоть и сказал, что Гога – редкий жулик.

В Минпечати помощник замминистра Судакова держался доброжелательно, его отец родом из Лысых гор. Судаков по его словам занят с американцами. Увидев в вестибюле выходящих американцев, я кинулся в приемную. Принял сразу. Бывший комсомольский работник. В речах – Вася Шабанов, Машовец, сам он из Нижнего: Валера Шамиурин, Юра Адрианов. Чуть поддавши. Женя тем временем отнес наш балансовый отчет, и отправились сразу в Детскую книгу, район Марьиной рощи, и погода мерзкая, хамские голоса по вн. телефону на фабрике, но оттуда домой, в коммуналку. Вышли на Академической, пешком, 10 бут. пива, рыба, водка, предвкушение. Расслабились в комнате не надолго, а там на машине к Жене, точнее в квартиру Светы³ в Теплом Стане, чуть уже затуманенные. По дороге мимоза. Боже, как велика Москва, если в одном в общем-то районе путь так долг.

Светлана, ее подруга, кажется кавказского происхождения. Миша Кочетков, замечательно ревуший в магнитофоне, слушающий с нами сам себя, Андрей Анпилов не пел, лишь подыгрывал Володе Туриянскому. Тот как бы подустаревший, но очень верный, хотя очарование его песен, как и Окуджавы, во многом держится на исполнении. Я стал нервничать часов в 11. Расстояние! Жадность провинциальная – ведь туда ехали за 700, а теперь ночь! Вышел в 12. Машина нашлась тут же. 1000, которую вышедший проводить меня Женя сразу же посулил водителю. Дома пил пиво, читал и утром чувствовал себя неважно.

¹ Писатель Евг. Попов (Здесь и далее прим. автора).

² В то время директор издательства «Художественная литература».

³ Жена Попова.

31.03. Надо было идти в ЛГ на круглый стол. И, уже опаздывая туда, задержался в универсальном кн. магазине, купив «Великий канцлер» из булгаковского архива, затем решил уж в ЛГ не ехать и уж вернулся домой, к пиву, сыру, лежанью, тем более что к 4-м надо было на Zubовский на презентацию Глезера¹. Туда попал быстро, аккуратно. Пустынный зал никак со словом презентация не сочетался. Десятка два человек, в т.ч. Женя Рейн, милый, Светлана Попова. Сам Попов опоздал, придя с Салимоном² и Семеновым³. Отсидев, решили отправиться в ЦДЛ, как-то очень невесело, в троллейбусе. Там внизу сдвинули два столика, еще подсади Глезер и Лев Рубинштейн. Большой, благополучный, в расцвете Сережа Семенов. Пили водку, бутерброды ели, пили пиво, нарзан, а в углу дрались, их выводили. Рейн рассказывал, как не на что жить. Одна из основных тем общей беседы – редакторство Пьецуха, который внедрил в новую роль, сидит в президиумах, пригласил Дедкова обозревать его журнал со стороны и проч.

У ЦДЛ Женя поймал машину. Да, пред тем он так долго стоял в вестибюле с Вовой Бондаренко⁴ и безумным Калугиным⁵, что в конце концов я не выдержал, подошел, за что был вознагражден свежим номером газеты «День» и вопросом Бондаренко: «Что, поближе к “Огонечку”?» и его скверной рожею. Женя же подошел пенять им на фото в «Дне» – где пленных фашистов ведут по Москве, подпись – вот так проведем и демократов.

В дороге была встреча – впереди странно ехал автомобиль, который то и дело вдруг притормаживал. И показывал нам, открыв дверцу, почему-то лопату. Долго стоял на Крымской площади, откуда ни возьмись вдруг гаишник, локтем от руля отпихнул пьяного водителя, выдернул ключ, вызвал в говорильник машину, придерживая клиента.

1 апреля договорились в час встретиться с Женей в ЛГ. Я не спеша заранее вышел, но зачем-то пошел от м. Чистые пруды направо, тогда как надо было свернуть налево, к Сретенке. Я ведь не был в новом здании ЛГ. Пришлось идти мимо старого здания ЛГ на Цветном, где сплошь все перерыто, грязь как в деревне, а у меня сердце, синие щеки, и я опоздал в редакцию более чем на час. Женя еще ждал, тут же пошли в буфет, где выпили пива и поели (Ю. Щекочихин с кем-то пил там портвейн). А оттуда к Золотусскому, где Женя придумал сочинить нам вдвоем беседу о «Волге», а самое поразительное для меня, лодыря, что уже в метро он составил план, а придя в 5 на Университетский, мы тут же принялись работать. Он сел за машинку, и я разогрелся не без помощи пива и зубровки, и до 9 мы сочинили 10 приличных страниц..

2.04. Женя приехал утром с выправленной рукописью, стал дозваниваться, нервничая, в ЦДЛ, где ресторан закрыт для банкета, но мы поехали с моими вещами, по дороге в Трубниковом купили бутылку бренди. В ЦДЛ уже были Светлана и Потапов⁶, пошли сначала в буфет, там комплексный обед, я бы этим и ограничился, но пошли в Малый зал, там за скатертью тарталетки с паштетом Светлане и с сыром нам, и всем пельмени и две бутылки полузабытого саперави. И пельмени не очень и тарталетки и пять тысяч за обед.

<...> В вагоне жуткая жара и духота. Попутчики пожилой ртищевец и военврач, сбежавший с Украины, беседуют о политике, и девица, показавшаяся совсем убогой – тоща, сера, в очёчках. Ушла и через час появилась в сопровождении огромного парня рэкетира облика, совершенно пьяная. Мы уже лежали, он завел ее в купе и положил, как мертвую, на верхнюю полку напротив меня. Духота была такая, что заснул под утро.

¹ Поэт и издатель.

² Поэт.

³ Художник-график.

⁴ Критик.

⁵ Психически нездоровый литератор.

⁶ Владимир Потапов, в прошлом работник «Волги».

””

4 октября 2024 «Новости культуры» на одноимённом канале объявили, наконец будет показан фильм «Лермонтов» (1986), который тогда якобы «был положен на полку». Но позвольте, я видел эту ленту в 80-е годы по ТВ, сокрушаясь, что талантливый актёр Николай Бурляев взялся не за своё дело. А он рассказал, каких сил стоил ему этот фильм, сколько тысяч участников было занято в съёмках и т.д. Следом актриса Наталья Бондарчук, в жизни жена постановщика, в фильме мать Лермонтова, страстно поведала о том, какой «бешеной травле» подверглись создатели фильма, и прежде всего Николай Петрович.

Всё логично укладывается в ту же канву, где давно и очень громко проявляет себя Никита Михалков, а по ходу туда же укладываются и другие деятели культуры, и столь же логично, что режим поощряет это в форме не только ТВ-тиражирования, но и назначения на руководящие должности в театрах и т.п. И Бурляеву при всех его общественных погонах возжелалось напомнить сидящему у ящика народонаселению о своей первой профессии, ведь как актёр он после 1995 года в кино появлялся в ролях Николая II (дважды), графа А. Толстого и поэта Ф. Тютчева. И явилось как бы второе рождение якобы запрещённого фильма о Лермонтове.

””

Интересно, когда читаемые одновременно тексты вдруг оказываются не просто созвучны, но взаимовлиятельны, словно бы нарочно их расположил в соседстве, хоть книги взяты произвольно, по какой-то прихоти, или потому только, что взгляд остановился на этом, а не другом, корешке в книжном ряду.

Я перечитывал «Обломова», когда в томе оказалась старая себе памятка прочитать очерк Солженицына из его «Литературной коллекции» («Новый мир», 1999, №7) про Пантелеймона Романова, который давно привлёк моё внимание, я в буках в разное время сумел купить три тома его собрания сочинений 1928 года издания «Недра», а много позже объёмный сборник в Антологии сатиры и юмора XX века (Эксмо, 2004). Собственно, очерк Солжа сводится к краткому пересказу, что верно – комментировать тексты почти невозможно, настолько *что важнее чем как*. Вот так, например.

«В темноте». (Густейший военно-коммунистический быт в пятиэтажном здании; выкрутили все лампочки и обморозили ступеньки льдом, чтобы к ним не вселялись и лихие люди не приходили бы по ночам.)

Или:

«Спекулянты» (бабы берут детей в аренду, чтобы с ними без очереди в ж.-д. кассу).

И не надо объяснений, Солж лишь обронит: *«И – как написано! – во всём рассказе ни слова лишнего, ни малого перебива»*. Ср. с записью в Дневнике К. Чуковского: *«Вчера читал у нас Пантелеймон Романов. Я послушал две минуты: “Щетина итыков”, “Море голов”. Я и ушёл. 1 октября 1933»*. Думаю, что Корней просто не хотел слышать страшное содержимое романовских текстов.

П. Романов сразу стал зорким, вернейшим бытописателем советского времени в его самых частных, мелких, житейских бытовых осколках. У него – открыты, вбирчиво открыты глаза и уши, – и он даёт нам бесценные снимки и звуковые записи, которых нигде бы нам не собрать, не найти. И тем достовернее их свидетельство, что они писались и печатались по самому горячему следу протекающей живой жизни. (И пусть нам другие писатели и интеллектуалы того времени не лгут, с 30-летним опозданием, после XX съезда, что, дескать, в то время «нельзя было ещё понять», «не сразу было видно», – а вот ещё как видно, в 20-е годы, всё на ладони!)

Это его описание раннесоветских годов – сейчас, в отдалении, становится тем более неотразимым свидетельством той эпохи. Запечатлённая жизнь! – так старательно потом и замазанная, и забытая.

Густо населённый мир рассказов Романова об эпохе революции и гражданской войны демонстрировал людей, когда их общая российская бестолковость, угодливость и хамство, чувствительность и равнодушие, готовность переложить ответственность, свалить вину на другого, растерянность пред всем новым, страх перед всем иноземным и ненависть к нему в соединении с кичливым патриотизмом, всё подходит под определение *обломовщины*, которую привычно относим лишь к помещикам-лежебокам, тогда как роман Гончарова приложим к русскому обществу вообще. Тот же вечный несменяемый Захар разве не продукт той же обломовщины, когда пришедшее письмо вызывает страх и нежелание открыть его, а любые неполадки и упущения лучше терпеть, чем исправить. В ядовитых очерках нравов, какими были постреволюционные рассказы Романова, то же обломовское царство, потревоженное, взбаламученное войнами.

Штольц в «Обломове» считал, что кроме той семейной, какая владеет Ильей Ильичом, есть и петербургская обломовщина, и деревенская... а если добавить обломовщину революционную, индустриальную, писательскую, театральную, инженерскую и военную...

Роман Гончарова создавался накануне отмены крепостного права, когда писатель надеялся на новых людей и скажет про Штольца: *«Он не способен был вооружиться той отвагой, которая, закрыв глаза, скакнет через бездну или бросится на стену на авось. Он измерит бездну или стену, и, если нет верного средства одолеть, он отойдет, чтобы там не говорили. <...> Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!»*

Но с тех пор были долгие годы, породившие советскую обломовщину, и вот в 90-е оживило всё, зашевелилось на десяток лет, и опять назад, да подальше и подольше, чтобы о новом и думать не смели. Выходит, Россия и есть гигантская Обломовка, где самое ценное это отсутствие перемен, но если они вдруг они и начинаются, жители быстро звереют, нападая и уничтожая друг друга...

Семнадцатый начинался заранее, ещё в позапрошлом веке, а уж с начала прошлого пошло-поехало к большой радости разнообразных творцов искусства и искусственного. Заглянуть в озверившиеся постсемнадцатые годы, когда копившаяся ненависть к имущим вспухнет и затопит Россию, Гончаров, конечно, не мог, как не узнал и о шансе, который получила Россия в столыпинские реформы. Если долгожданная отмена крепостного права ударила по Некрасову (*«Одним концом по барину, другим – по мужику»*), то реформы Столыпина с 1906 года были затеяны для спасения мужика, то есть экономики страны, и за Урал двинулись многие и многие хозяйственные мужики, которых уничтожит коллективизация, а того, кто затеял великое благо спасения крестьянской страны, в 1910 году застрелит загадочный во всех отношениях Багров. *«Уже забытою порой / Полубезумного шатанья / Вернул он к жизни – твердый строй, / Вернул он власти – обаянье...»* (Иван Тхоржевский).

С тех пор российская действительность соседство понятий власть и обаяние сделала невыносимым.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

О КРАСОТЕ

*«Красота, красота!» – все твержу я.
Козьма Прутков. Письмо из Коринфа*

Не знаю, как на вас, а на меня всегда действовала красота. Чаще всего это была красота человеческого лица – мужского или женского, иногда – всего облика. С детства как-то повышенно внимательна была к этой стороне жизни. Девочкой могла пойти за незнакомой женщиной, которая показалась мне необыкновенной, прекрасной...

Опишу здесь несколько своих впечатлений, связанных с красотой.

Было одно, очень сильное. Не поступив после школы в университет (была трагедия, фрустрация, все же нас с сестрой сознательно «заваливали» на английском, и это продолжалось долго, изнурительно и унизительно долго, с издевательскими ухмылками и переглядками двух преподавательниц, но не буду сейчас об этом), короче, не поступив в МГУ на филологический факультет, мы с Верусей разбежались по школам, где стали работать в должности старших пионервожатых. Через год, получив опыт работы в школе, мы могли подавать документы в Пед. В мою школу мне помог устроиться дядя, школьный работник – преподаватель рисования и черчения, а кроме того, очень известный в районе человек. О дяде как-нибудь потом, он достоин отдельного рассказа. Школа находилась хотя и в нашем районе, но очень далеко. Я шла туда пешком, и это занимало минут сорок, если не час. Путь был извилистый, и начинался он с дороги, параллельной нашему шумно гудящему Рязанскому шоссе. И почти каждое утро, в один и тот же час, водитель автобуса, мимо которого я проходила, увидев меня из своего окошка, давал долгий гудок – и широко улыбался. Я относилась это приветствие на счет маминой шапочки, маленькой, ладной, очень мне идущей.

Осень в том году была светлая и теплая, и первое время я отдыхала душой во время своего долгого путешествия до нового места работы. Свою работу я заранее не любила, считала архаичной и изжившей свое время. В детстве и юности мы с сестрой пели в хоре знаменитого локтевского Ансамбля. Хор был пионерский, исполнял много песен пионерской тематики, и каждый концерт заканчивал победным маханием пионерскими галстуками. И пионерские песни (за исключением локтевских), и эти махания мне никогда не нравились. Я воспринимала все связанное с «пионерией» как ритуал, не дающий живых впечатлений. Наверное, сейчас я более четко и резко формулирую свое тогдашнее ощущение, но помню, что по сути и тогда оно было примерно таким. Даже девочкой воспринимала я себя «выше» этих ритуалов и стремилась уйти от них – в книги, в хорошую поэзию, в народные песни, в мысли о своем тайном (каким было для меня еврейство – я им гордилась). Поэтому, приняв свою судьбу после катастрофического провала (мы с сестрой были медалистками, и все пророчили нам беспроblemное поступление, а «пятый пункт» почему-то мы тогда не принимали во внимание), я для себя решила, что буду заниматься со школьниками «культурной работой».

Ирина Чайковская родилась в 1950 году в Москве. По образованию – педагог-филолог, кандидат педагогических наук. С 1992 года семь лет жила в Италии, с 2000 года – в США, преподавала русский язык. С 2014 года главный редактор американского журнала на русском языке «Чайка». Автор 20 книг и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Публиковалась в журналах «Звезда», «Знамя», «Вестник Европы», «Нева» и др.

Помню, что первый день в школе я начала с посещения библиотеки. И вот вхожу я в эту школьную библиотеку – и вижу... Я увидела поразительной красоты женщину. Даже не знаю, что меня в ней особенно поразило, но общее впечатление было такое, что я просто застыла на месте.

Мне казалось, что от ее светлого прекрасного лица шло сияние. Трудно было поверить, что это обычная женщина, библиотекарь, выдающая книжки школьникам...

С ней в этот момент (была перемена) находилась девочка, школьница, класса этак 6-7-го, уже довольно взрослая. Чертами лица она напоминала женщину. Но была столь некрасива, что я не сразу догадалась, что это – дочь... Впоследствии я несколько раз сталкивалась с подобным феноменом.

Все эти случаи запомнила, потому что они меня удивляли и приводили в недоумение. Как такое могло случиться, чтобы у удивительной красавицы дочь была прямо-таки дурнушка. Впрочем, литература, да и жизнь, дают нам примеры, когда из «гадких утят» вырастают лебеди.

Припоминается мне Козетта из «Отверженных» Виктора Гюго, с которой именно это и произошло.

На наших глазах часто незаметные девчушки, войдя в определенный возраст, «поднимаются и расцветают», как царевна в сказке Пушкина.

Еще один случай, схожий с первым, тоже с матерью и дочерью, был, когда мы с сестрой посещали хор локтевского ансамбля. Мы посещали его с десяти лет и до семнадцати. Привел нас туда сам Локтев. Услышав наш дуэт на городском «Фестивале искусств», Владимир Сергеевич в перерыве подошел к нам с мамой (а маму он знал по особому случаю, сейчас о нем расскажу) и пригласил к себе в Ансамбль. Сказал, чтобы приходили осенью, – и он примет нас без конкурса. Теперь насчет Локтева и мамы. Наше выступление на городском «Фестивале искусств» могло сорваться, если бы не мама и не Локтев. Дело в том, что нас, двух девчонок-близняшек, поющих на два голоса, присоединили к районному хору мальчиков, который также победил на районном уровне. Наш аккомпаниатор, школьный учитель пения, Александр Яковлевич Спиваков, заболел, и нам должна была аккомпанировать концертмейстер хора мальчиков, дирижеру которого мы передали ноты. Мы с сестрой чувствовали, что эта малосимпатичная «дирижерша», молодая женщина с холодным надменным лицом, то ли видит в нас сильных соперников, то ли испытывает непонятное раздражение от нашего присутствия. На итоговый концерт она не принесла ноты – и коротко процедила сквозь зубы, увидев нас с мамой: «Я забыла взять ноты, ваш номер отменяется». Мы с Верусей бросились в слезы, а наша отважная мама, узнав, где сидит отборочная комиссия, пробралась в темноте в зал, подошла, извинившись, к председателю жюри, Локтеву, и рассказала, что нужны ноты песни «Чижик-пыжик и Зойка». – А, это Лепина песня, – охотно отозвался Владимир Сергеевич – и попросил помощницу найти в библиотеке ноты этой песни (дело было в Доме пионеров на Стопани, новый Дворец тогда еще только строился). Так совместные усилия мамы и Локтева спасли наше выступление. Хора мальчиков не помню на заключительном концерте в Малом зале консерватории, а мы с Верусей там пели.

Осенью, в одно из воскресений, мама повезла нас «к Локтеву», в Дом пионеров. Тогда он находился, как я уже сказала, в переулке Стопани, названном в честь революционера. Ныне переулок вернулся к своему предыдущему названию, напоминающему о московском XVII веке, Огородная слобода. Наш приезд чудесным образом совпал с осенним сбором Ансамбля. Комната, в которую мы вместе с мамой вошли, была полна ребят и педагогов. Все с интересом на нас смотрели. А Локтев, сидевший возле рояля, узнал нас и представил: «Эти девочки – сестры Чайковские, они поют на два голоса, и я хочу взять их в наш Ансамбль». Он заиграл вступление к нашему «Чижик-пыжику» – и мы с Верусей запели. Но волнение нам мешало, не хватало дыхания. После первого куплета мы остановились – и расплакались. А ребята вокруг – засмеялись и зааплодировали. Таким был день нашего прихода в Ансамбль.

Теперь продолжаю про мать и дочь.

Наша мама возила нас на занятия по воскресеньям. Возила из Перова, где тогда не было метро, так что путь на автобусе до метро, а там до красивого особняка чаеоторговца Высоцкого, где

тогда располагался городской Дом пионеров, в один конец занимал около часа. Родители сидели в коридоре, в ожидании своих чад. Мама за это время узнала нескольких других мам и начала с ними общаться. Одна из них была красивая невысокая женщина, с прелестной улыбкой, всегда мило и со вкусом одетая. А вот ее дочка... Каждый раз, видя их вместе, я не могла понять, каким образом они оказались такими разными. И это, если приглядеться, при довольно близком сходстве черт. Но дочь была очень высокая, сутулая, с огромными нелепыми руками, напоминавшими грабли, с некрасивым большим ртом, с грубоватыми повадками...

Еще с одним похожим случаем мы столкнулись на даче в Вельяминове.

Наша мама – она была инициатор всех начинаний в нашей семье – сняла на лето дачу в поселке Вельяминово по Павелецкой дороге. Ей посоветовала это место одна из сотрудниц Института антибиотиков, где мама работала. Сказала, что место лесистое, очень грибное и не такое дорогое, как, например, дачи по Казанке, да и ехать на электричке всего час двадцать. С дачей нам повезло. Мы там провели два или три лета. У нас была одна комнатка и веранда, но мы с няней тетей Машей легко разместились в этом пространстве, мама же приезжала после работы на субботу-воскресенье, привозила продукты и немножко приходила в себя от города и от работы. Мы вели исключительно растительный образ жизни. С утра, надев сапоги и теплые куртки, мы с тетей Машей отправлялись за добычей. Тетя Маша была нашим вожатым в грибной мир, видно, когда-то, еще в родной Мордовии, в Зубовой Поляне (откуда, беспаспортная и гонимая голодом, сбежала в 1950-е годы в город), грибы были ее пищей, она хорошо знала, какие хорошие, а какие «поганки», хотя названия у нее были свои. Но у нас была книга Солоухина о «тихой охоте», и мы с сестрой по картинкам определяли названия попадавшихся грибов. Леса вокруг были грибные, и мы находили грибы и для жарки, и для грибного супа. Правда, для супа нужны были особые – «хорошие» грибы – белые, подберезовики, дубовики – не всегда они нам попадались. И тогда тетя Маша обращала молитву к Богу, чтобы послал нам хоть пару хороших грибов, чаще всего молитва бывала услышана и мы возвращались домой «с уловом» – и с аппетитом поедали на обед грибной суп (вот вкуснятина, и не нужна никакая сметана!) и жареные сыроежки с жареной же на постном масле картошкой. Такой обед нам никогда не надоедал.

Но возвращаясь к своей теме. У дачи была хозяйка – баба Валя, старая, беззубая, ни во что не вмешивающаяся. Управляла всем ее невестка – Нина, жена тихого и безобидного Валиного сына Васи. Тот, как и мать, во всем подчинялся волевой, не терпящей возражений Нине. Если Вася был молодой, симпатичный, чисто одетый, то Нина, всегда одетая в какие-то старые обноски, с неприятной улыбкой, обнажавшей кривые зубы, отдающая распоряжения громким голосом и командирским тоном, казалась не женой, а матерью Васи и неким подобием Бабы-Яги.

И вот в один прекрасный день открылась калитка – и во двор вбежала девушка. Тоненькая. Солнечная. Прелестная. Оказалось, что это младшая сестра Нины – Катя. Более непохожих сестер я не встречала. Одна легкая, молодая и очаровательная, другая... ну, вы понимаете. Как такое случилось у природы – бог весть.

Ансамбль в то лето готовился к поездке в Болгарию. С нашей дачи нам приходилось ездить на занятия. По-видимому, мама рассказала Владимиру Сергеевичу о нашем времяпрепровождении в Вельяминове, потому что на занятиях он пару раз назвал нас с Верусей «лесные девы».

В этом месте я бы могла продолжить рассказ о нашем дяде, которого мы с сестрой звали Дядечка и любили до невозможности. Младший брат нашего папы, был он похож на старшего Сеню¹ разве что красотой. Оба были для нас в детстве (и не только для нас и не только в детстве) образцом мужской красоты. Еврейские мужчины без особо выделенных семитских черт – высокие, статные, красивые мужской, совсем не кукольной красотой, неизменно привлекающие к себя женские взгляды. Но папа был серьезный, положительный, без «вредных привычек», а дядя

¹ Имя настоящее, папу все звали Сеней, хотя по паспорту был он Исааком. В детстве он сильно болел, и родители, по еврейскому обычаю, дали ему другое имя. Так из Исаака он стал Семеном. Мы с сестрой Исааковны, в соответствии с документом.

– весельчак, рассказчик анекдотов, любящий компанию и кутеж, завоеватель женских сердец. При всем при том оба пользовались уважением на работе – папа в строительной организации, где служил юрисконсультом, Дядечка в школе, где преподавал рисование и черчение, и в кинотеатре «Победа», где делал рекламы к новым фильмам. Уважение коллег выразилось в том, что оба брата были секретарями парторганизации в своих учреждениях. Причем папа смотрелся в этой должности вполне органично – правильный, знающий законы, политически подкованный. Дядя же с его анекдотами и довольно беспутным образом жизни был на этом посту, как кажется, исключительно потому, что мог себя правильно поставить, к тому же его «студия» в кинотеатре, маленькая темная каморка, заваленная рекламами, частенько служила прибежищем для «райкомовских». В дыниной «хазе» они отводили душу – пили, ели привезенные деликатесы, разговаривали без страха, что «донесут». Не знаю, в связи ли с этими полезными знакомствами, у дяди была возможность заходить с черного хода во все продовольственные и промтоварные магазины нашего района. А кроме того, он легко доставал билеты на кинофестивали (запомнился грандиозный Московский 1967 года!), на Кремлевские елки и даже путевки в Артек, куда он однажды отправил свою беспутную дочь-подростка. Наша мама, подчеркивая разницу между папой и Леней, всегда упоминала о том, что папа регулярно ездил в Калинин (ныне Тверь) – навестить родителей, Дядечка же делал это крайне редко, зато привозил с собой такое количество разных подарков, что сердце Софьи Исааковны неизменно таяло. Дядечка был младшеньким и, по-видимому, любимым сыном. К папе у Софьи Исааковны была одна претензия: как мог ее такой красивый Сенечка выбрать в жены нашу маму, которая по красоте в подметки ему не годилась. И это было неправдой. Мама была необыкновенно симпатичной и милой, у нее была прелестная точеная фигурка, к тому же она обогнала папу в карьере – стала доктором наук, профессором, заведующей лабораторией. Папа же всю жизнь работал в одной строительной организации, сначала юрисконсультом, потом начальников планового отдела, имел зарплату в разы меньше мамин и гордился ее двумя диссертациями, объемные эти книжищи он переплел и держал в шкафу на видном месте...

Дядечка поздно женился, уже после сорока, хотя точно знаю, что по нему сохло не одно женское сердце. Как обычно в таких случаях, брак был неудачный, мезальянс – Галя крутила фильмы в кинотеатре, была малообразованной и психически нездоровой. К тому времени Софьи Исааковны уже не было в живых, иначе брак любимца, младшенького Ленечки, поверг бы ее в совершенный ужас. Мало того, что необразованная, но еще и «шикса» – нееврейка. Дядечка женился по одной единственной причине – в ожидании появления ребенка. И он действительно появился. Дядя девочку обожал, хотя ничего не делал для ее воспитания. Женившись, Дядечка своего вольного богемного образа жизни не поменял, и дочка его росла как сорная трава в поле. Потому, наверное, и вырос чертополох... Кирка отравила последние годы дядиной жизни и ускорила его конец.

Итак, продолжаю о Вельяминове и грибах.

Дядечка однажды в грибной сезон приехал к нам в Вельяминово. Это был потрясающий август. Грибов – всяких, но особенно подосиновиков и белых – было множество. Под каждой осинкой рос красавец подосиновик на тонкой ножке, в молодецкой красной шапке, на каждой, даже близкой к дому полянке можно было встретить целое семейство крепких коричневоголовых белых. Дядя впервые участвовал в сборе грибов – их количество и качество (белые и подосиновики – самые красивые лесные грибы!) так его поразило, что следующие лет двадцать своей жизни он регулярно устраивал автобусные грибные походы со своими сослуживцами. И ежегодно на свой день рожденья 8 марта угощал нас солеными грибами и каким-то особым курино-грибным жульеном, разлитым по маленьким металлическим чашечкам, сделанным по специальному заказу – был Дядечка великим кулинаром и гурманом!

Папина и Дядечкина красота сохранилась до конца их жизни. Правда, однажды Дядечка мог лишиться своей привлекательности – на отдыхе, где-то на Кавказе, он попал в аварию – руки-ноги остались целы, а вот нос оказался сломанным. Как же мы переживали за Дядечкин нос! Как

хотели, чтобы Дядечка оставался таким же красивым, как до аварии. В итоге хирургических и косметологических ухищрений на Дядекином носу, посредине, остался небольшой шрам, некая пикантная горбинка, что в общем придало его лицу новый шарм.

В этом месте мне хочется рассказать еще об одном красавце – но совсем иного рода, так сказать, в русском стиле. Говорю о Викторе Сергеевиче Попове, которого многие знали и до сих пор знают как руководителя Большого детского хора радио. Мы же с сестрой застали его в самом начале его хормейстерской карьеры, когда он работал у Владимира Сергеевича Локтева. По слухам, Виктор Сергеевич ушел из знаменитого детского хора Владислава Соколова при Институте художественного воспитания, что-то с ним не поделив, возможно, Соколов не давал ходу молодому талантливому сотруднику. Виктор Сергеевич с молодых ногтей отличался талантом и высокой степенью амбициозности. Нищею детство, а затем годы обучения в интернате Свешниковского училища дали ему прекрасную закалку и великолепную профессиональную выучку. Он хорошо осознавал свои силы и возможности и рвался из тесных пут покорности и подчинения на простор творчества и свободы. Владимир Сергеевич дал Попову возможность показать себя во всем блеске. Приехав из летней поездки в Болгарию, основной костяк локтевского хора в один из осенних дней собрался в просторном репетиционном зале Дворца пионеров по особому случаю. Новый хормейстер Виктор Сергеевич Попов должен был представить результаты своей работы со «средней группой» хора, с которой он занимался, пока мы были на гастролях.

Мы увидели очень красивого, высокого, стройного человека, синеглазого, кудрявого, очень прямо выступавшего поступью наследного принца... Все было при нем, за исключением одного. Он слегка гнусавил, когда говорил, что не мешало ему показывать хору любые, даже самые высокие ноты. Он пел их мужским фальцетом, что сперва вызывало удивление и даже смешки, но затем все к этому привыкли как к еще одной особенности нового хормейстера. К тому же такой показ очень помогал «первым сопранам» в работе над партией. А зауважали его сразу. Еще бы! Строгий, подтянутый, высокопрофессиональный, сумевший за очень короткий срок сделать из средней группы хора соперника если не прибалтийских хоров, то «соколовского» уж точно. Называю эти хоры, так как их звучание разительно отличалось от «пионерского». Локтев и наши хормейстеры не ставили себе специальной задачи работы над звукоизвлечением. Владимир Сергеевич Локтев обращал основное внимание на характер произведения – веселое-грустное-танцевальное-напевное. У Попова же звук и слаженность голосов стояли на первом месте. Он говорил, что хор для дирижера – это «инструмент» и добивался полной слиянности всех голосов и полного их подчинения воле дирижера.

К хористам Виктор Сергеевич относился без особых сантиментов, вообще был он «холодно-ват», держал дистанцию, чем сильно отличался от Локтева. Локтев нас с Верусей любил и всегда находил возможность как-то выделить... Дал нам соло в своей песне «Родная страна», на двух отчетных концертах выпускал с сольным дуэтом, причем на одном из них мы пели нами сочиненную песню «Дворняжка Джерри» (аккомпанировал нам незабвенный Станислав Дмитриевич Гусев¹)... Было и еще множество случаев, когда Владимир Сергеевич показывал свое к нам особое отношение. Наверное, не только мы это на себе испытали, так как был Локтев человеком чрезвычайно внимательным ко всем, кто в его Ансамбле пел, танцевал или играл в оркестре и проявлял при этом еще какие-то дополнительные способности...

Попов – дело другое. Близко не приближался. Как кажется, даже не знал, о чем можно говорить с хористами, если не о деле. И все общение его с нами проходило исключительно на почве пения. Однажды это было связано с экзаменом. Да, да, Попов ввел в обиход хора экзамен, а именно: сдачу партий, причем обставлялось все чрезвычайно серьезно. Экзаменуемые вызывались по одному – пели что положено, и Виктор Сергеевич в своей тетрадке какими-то специальными значками обозначал полученный ими балл. Первой нужно было сдать болгарскую песню-скороговорку «Посадил полынью я». Мало того, что следовало пропеть все ее бесчисленные куплеты,

¹ Станислав Дмитриевич Гусев – хормейстер в Ансамбле Локтева, затем руководитель оркестра, а в более поздние годы Художественный руководитель Капеллы им. Юрлова.

где к каждому новому куплету прибавлялось по одной строчке, но под конец требовалось спеть головокружительный пассаж – сначала хроматическая гамма вниз и после очень низкой ноты – очень высокая наверху.

Мы с Верусей пели в разных голосах – она альт, я первое сопрано. Готовились вместе. Самое главное было не спутать слова скороговорки и не сбиться с темпа. Приехали на сдачу рано, и я пошла первая, почему-то мне очень часто достается эта роль... Попов принимал экзамен стоя у рояля в большой репетиционной комнате. Песня была акапельной, но первую ноту Виктор Сергеевич дал. Я начала и пропела без остановки до конца. Показалось, что спела хорошо, с подъемом, не сбилась. У нас с сестрой голоса небольшие, но точные, и хороший слух. Владимир Сергеевич Локтев говорил нашей маме: «Данных для профессионального пения у девочек нет, но они могут стать хорошими хормейстерами». Не стали ни певицами, ни хормейстерами, но хор и Ансамбль остались в нашей жизни – и отдельной страницей живут в памяти два таких разных музыканта и человека, как Владимир Локтев и Виктор Попов.

За мной пошла Вера. Она тоже ни разу не сбилась и, как мне показалось, спела достойно. На следующем занятии оглашались результаты. Мы с Верусей оказались победителями каждая в своей партии. В конце занятия спели «Полынь» той небольшой группой, которая заняла первые места. Все было без обмана.

Красавец Попов привел с собой в хор ну очень некрасивую женщину. Некрасивую и странную, с лошадиной фигурой, дрыгающей походкой, но с большим чувством юмора. Они с Поповым на занятиях вечно друг друга «подкалывали», обычно заводил он, а она уже подхватывала, ничуть не смущаясь и не чинясь. В этот момент в нашей репетиции наступала замечательная пауза, заполненная подшучиванием друг над другом двух взрослых и смехом хористов. Ее звали Кира Сергеевна. Кира Сергеевна Алемасова. Она была высокого класса (как и все у Попова) концертмейстером. А вообще, когда мы смогли с нею поближе познакомиться, оказалась, что «Кира» очень разносторонний и интересный человек. Кончала она консерваторию и дружила с самим Рихтером, с которым переписывалась, переводила песни, оратории и романсы с немецкого языка. Ближе мы познакомились, когда моя дочь Наташа, которой на ту пору было лет девять-десять, стала петь в поповском хоре. Кира Сергеевна любила приезжать к нам на «Чистики» (мы жили на Чистых прудах, на улице Чаплыгина), мы ее вкусно и обильно кормили, было впечатление, что она всегда страшно голодна, а гостя рассказывала все свежие новости из мира музыки, а потом садилась за фортепьяно и пела свои куплеты, бессмысленные и потому ужасно смешные... Вообще с Киры Сергеевны у меня связано несколько историй¹.

¹ Не хочу отягощать свой непринужденный рассказ историческими справками, посему помещаю их в примечание. Владимир Сергеевич Локтев был сердечник, болезнь сердца усугублялась бесконечной «растравой», о ней с душевной болью он поведал нашей маме: коллеги, руководители хоровых коллективов, Соколов (Хор института Художественного воспитания) и Александров (Краснознаменный ансамбль Красной Армии) говорили в кулуарах, что локтевский Ансамбль был создан не в 1941 году Локтевым, а ими в 1939-м. В 1966 году, еще при жизни Локтева, умершего страшно рано, в 57 лет, Ансамбль отметил свое 25-летие, эта дата возводила начало Ансамбля к тем первым дням войны, когда молодой консерваторец Володя Локтев собирал по дворам мальчишек и девчонок, изъявивших желание петь. Потом собранная им ребячья группа поехала выступать «на фронт» и руководитель юных хористов, Владимир Локтев, в 1947 году даже получил за это орден Красной Звезды.

В 1967 году Владимир Сергеевич вынужден был лечь в больницу, чтобы серьезно лечить больное сердце, по этой причине намеченная на тот год большая и ответственная поездка во Францию прошла без него – из «взрослых», кроме специальных людей, – надеюсь, понятно, о ком речь, – с нами на гастроли поехали Виктор Сергеевич Попов и жена Локтева, педагог по профессии, – по нашему с сестрой мнению, не стоившая и мизинца своего мужа...

Локтев ушел из жизни через год. Виктор Попов не остался у руля Ансамбля, у него были свои планы и амбиции, и на место руководителя локтевского коллектива пришел один из бывших сотрудников Владимира Сергеевича, Алексей Ильин, а Виктор Сергеевич возглавил Большой детский хор Радио и Телевидения, ставший в короткий срок неимоверно популярным.

Во-первых, история с нотами. Наш с сестрой приятель Яша С., снимавший любительские фильмы, надумал сделать фильм о Моцарте. Фильм должен был завершаться метафорической сценой, когда ноты Реквиема, несмотря на охватившее их пламя, остаются невредимыми и не сгорают в огне. Для этой сцены Яше нужны были «архивные» ноты, желательно времени Моцарта. И оказалось, что у Кире Сергеевны такие ноты есть. Она взяла с меня страшную клятву, что драгоценная реликвия вернется к ней в целости и сохранности. Ну и... вы правильно предположили: Яша ноты не уберег, и в одном месте они были прожжены. Как же тяжело мне было нести эти испорченные ноты их владельце! Для объяснения с Кирой Сергеевной я взяла с собой и провинившегося Яшу, чтобы вдвоем выдерживать справедливые упреки. Кира Сергеевна жила возле зоопарка, в старой, безумно запущенной квартире. По-видимому, даже подмести пол было для хозяйки проблемой, и ее ученики по Гнесинке или по консерватории делали это за нее. Не была Кира Сергеевна хозяйкой, чистойей, имела не слишком привлекательное обличье, жила исключительно музыкой, но вот поди ж ты, поглядев на наши виноватые физиономии и послушав сбивчивые объяснения, она простила Яшино прегрешение, махнув рукой на то, что драгоценные старинные ноты были испорчены. Добрая душа!

С Наташей Кира нам тоже помогла...

Вообще Наташу с первого прослушивания в поповский хор не взяли. Женщина, которая проводила прослушивание, сказала нам обеим, что сейчас набирают детей в группу солистов и для этой группы Наташа не подходит. Страшно расстроенные, мы поехали к себе в Перово. Но какой-то червь меня точил: почему «группа солистов»? мы же приехали записываться в хор. Да и для сольного пения Натусин серебристый звонкий голосок мог подойти. Впоследствии Наташа-таки солировала в россиниевских «Кошках» – история, которую я хотела бы рассказать... Но это после.

В общем, на следующий день мы с Наташей снова поехали на прослушивание. В этот раз принимал мужчина, про группу солистов речи не было, Наташу он отобрал без колебаний.

Что это было, до сих пор не понимаю. Знаю одно: если очень хочешь, старайся идти до конца. А нам обеим ну очень хотелось, чтобы Наташа стала хористкой, да еще в таком замечательном хоре. Плохо было то, что Попов с их группой не занимался, а женщины-хормейстеры, которые вели занятия, Наташе не нравились. Кира Сергеевна, зачавшая к нам после поступления Наташи к Попову, тоже отзывалась о сотрудницах Попова без энтузиазма.

Группу хора собирались отправить на Дальний Восток. Было сие во время Перестройки, в 1986–1987 гг., когда и в столице было неустроено и голодно. Было ясно, что поездка эта весьма слабо будет напоминать великолепные гастроли локтевского Ансамбля на Дальний Восток 1966 года, когда с нами ездила съемочная группа, снявшая о поездке красивый и жизнерадостный короткометражный фильм «Салют океану!». Его показывали перед сеансами в кинотеатрах, и довольно часто нас с сестрой останавливали на улице, спрашивая, не снимались ли мы в этой картине...

Но все же поездка на фоне нашей скудной, бедной впечатлениями жизни, и не куда-нибудь в Подмоскovie, а на Дальний Восток, весьма привлекала. Однако хормейстер, не знаю уж чем руководствуясь, Наташу в список не включила. Узнав об этом, Кира Сергеевна обещала «поговорить». В итоге Наташу в поездку взяли, но хорошего из этого не вышло, не принесла она ей (только ли ей?) радостных впечатлений. Насколько я помню, Попова среди руководителей поездки не было. Можно предположить, что, кроме тяжелого времени, которое не могло не повлиять на гастроли, сказалось и то, что не было в группе среди взрослых таких, кто, как Локтев, объединял бы ребят, воодушевляя их и словом, и улыбкой, и своим всегдашним призывом «держаться марку».

Расскажу, раз обещала, о «Кошках». В Наташиной группе хора был объявлен конкурс на соло в комическом дуэте Россини «Кошки». Дуэт кошки-дамы и кошки-кавалера. Дуэт бессловесный, пара обменивается лишь звуками «мяу». Я хорошо помнила поступление Наташи в хор, когда ее не взяли под предлогом, что набирают группу солистов. В тот момент в моей голове промелькнула мысль: «Она непременно будет солисткой!».

К задаче мы подошли творчески. Продумали, какими у нас будут Кошка и Кот. Кошка – напористой и энергичной, эдакой Кошкой-Кармен, берущей приступом своего флегматичного трусливого кавалера. В день конкурса Наташа явилась с красной розой в волосах и с желанием покорить не только Кота, но и ребячью аудиторию. А именно она выносила решение. Паре, в которой за Кошку пела Наташа, была присуждена победа. Дуэт был записан, и однажды мы его слышали по радио. И мне показалось, что в исполнении детей этот комический дуэт звучит гораздо интереснее и веселее, чем у взрослых певцов.

Возвращаюсь к рассказу. Подростающий Илюша, наш сын, очень любил посещения Киры Сергеевны. Она его развлекала смешными куплетами, чаще всего веселыми нелепицами. А еще был у нее заветный клич «бикольца вижу», радостно воспринятый Ильей. Уже в Италии пятилетний Илюша научил этому тарабарскому выкрику итальянку Нозми, приходившую с ним поиграть. Она, бедняжка, скорей всего, думала, что произносит русские слова. Откуда Кира Сергеевна взяла эти «бикольца», я, увы, не догадалась у нее спросить... Выкрикивала она эти странные слова посреди пения, как некий пароль, как разинское «сарынь на кичку». Да и вообще ее веселые куплеты были необычны и оригинальны, больше никогда я ничего подобного не слышала.

Последняя история драматическая. Кира Сергеевна под конец жизни попала в больницу. Одинокая всю жизнь, без родственников и без особых друзей, она умоляла знакомых прийти ее навестить. Знаю об этом от сестры, которая в то время сама болела и никак не могла отозваться на Кирины мольбы. Мы же были в Италии и проходили там свои круги если не ада, то чистилища...

Короче, даже не знаю, помог ли кто-нибудь Кире Сергеевне Алемасовой в ее последний час, очень бы хотела, чтобы такая добрая душа отыскалась... Часто вспоминаю об этой необычной женщине, внешне непривлекательной, но очень талантливой и наделенной веселым беззаботным нравом и доброй душой.

Продолжу о Викторе Сергеевиче Попове. Был момент, когда я настойчиво искала с ним встречи. Стоял 1989 год – и новый руководитель Ансамбля Алексей Сергеевич Ильин пригласил всех «стареньких» на торжественную встречу – отмечалось 50-летие коллектива. Мы с сестрой были в недоумении. Почему 50-летие? Локтев организовал Ансамбль в 1941 году, и при его жизни мы торжественно отметили 25-летие Ансамбля. Но Ильин предпочел гуляющую в кулуарах, сведшую Локтева в преждевременную могилу версию, что Ансамбль был создан не им, а Соколовым и Александровым и, соответственно, в 1939 году. В ответ на нашу с Верой статью в «Комсомольской правде», озаглавленную «Мы – локтевцы» и подписанную «кандидат педагогических наук Ирина Чайковская и кандидат философских наук Вера Чайковская» Ильин с трибуны обвинил сестер Чайковских, прикрывающихся тем, что они «кандидаты наук», в желании сорвать юбилей и лишить Ансамбль праздника. Мы с сестрой сидели в зале, оглушенные, нам казалось, что весь зал обернулся в нашу сторону после такого «принародного осуждения». После торжественной части последовал концерт, где мы должны были спеть свою свежесочиненную песню о Локтеве, но выступить нам не дали.

И вот я задалась целью как можно скорее встретить Виктора Сергеевича Попова и спросить его напрямую, как он ко всему этому относится. Случай представился быстро. После одного концерта в Колонном зале, в котором, естественно, участвовала Наташа, я подошла к Виктору Сергеевичу и, после приветствий и обмена впечатлениями от концерта, спросила: – Виктор Сергеевич, вы тоже считаете, что не Локтев был создатель Ансамбля? – Он сразу отозвался: – О чем говорить? Конечно, Локтев создал Ансамбль. – А зачем все это Ильину? – И на этот вопрос Виктор Сергеевич ответил не раздумывая. – Ильин все это затеял ради получения званий и наград. До 1991-го ждать еще три года, да и можно не дожидаться, а тут, пожалуйста, круглая дата подошла, да и Соколов и Александров, в отличие от Локтева, живы.

И ведь действительно, как раз в это время Алексею Сергеевичу Ильину была присуждена Госпремия за концертную программу 1987 – 1989 годов. Мне было удивительно, что, зная правду и понимая всю подоплеку событий, Виктор Сергеевич не стал выступать в поддержку Локтева.

Скорей всего, не хотел вмешиваться в историю со многими значимыми для него именами. Был он человеком в дипломатии искушенным.

Напишу еще о двух знакомых, чья внешность, как и внешность Киры Сергеевны Алемасовой, не отвечала моей тяге к физической красоте, красоте лица и всего облика...

Первую назову Лилей, она пела в локтевском хоре и была старшей сестрой нашей с Верусей подруги-сверстницы Гали. Очень некрасивая – особенно ее портили выдававшиеся вперед очень плохие зубы – она, однако, была отличной собеседницей и знала много интересных вещей. К тому же, по ее рассказам, она совсем недавно побывала во Франции со своим отцом, которого мы хорошо знали по субботне-воскресным приездам с женой к нам в Вельяминово. Лилина младшая сестра Галя, по просьбе родителей, один летний месяц провела с нами на нашей лесной даче. Георгий Сергеевич и Лиля были редкостно похожи, свою некрасивость дочь унаследовала от отца, но у него она как-то сглаживалась доброй улыбкой и умным открытым взглядом. Был он ведущим специалистом в какой-то важной для страны «стратегической» области. Поэтому сомнений в том, что он был послан в командировку и посетил Францию в годы, когда о таких поездках обычные люди и не мечтали, у нас не было. Как не было сомнений в том, что Лилина просьба в парижском магазине взвесить ей полкило рокфора, вызвала небывалое удивление продавца. Оказалось, что фанцузы привыкли покупать сыр очень маленькими порциями – в 50–100 граммов.

В очередной уикенд, когда мама и папа девочек приехали к нам на дачу навестить Галю, кто-то из нас упомянул о пребывании Лили вместе с отцом в Париже и о случае в магазине. Мама и папа сестер переглянулись, а Георгий Сергеевич изменился в лице, побледнел и начал быстро и не очень разборчиво объяснять, что в командировке он был один и что Лиля передала нам один из его рассказов. Лилина мама добавила: «Она у нас выдумщица, любит придумывать, не нужно верить ее фантазиям». Мы с Верусей были как громом поражены – значит, все неправда? Значит, это обман? Фантазии? Но рассказано было так правдиво, что мы в душевной простоте всему поверили, ни на минуту не усомнившись, что все рассказанное происходило на самом деле.

Так разбиваются иллюзии...

Еще одну нашу знакомую звали Милена, была она итальянкой и училась вместе с Наташей в Анконском университете на медицинском факультете. Скажу, что в 1992 году мы всей семьей поехали в Италию, в город Анкона, в университете которого Саша начал работать по гранту.

Впервые увидев Милену, я удивилась дисгармоничности ее черт. Общее впечатление было: очень некрасивая девица. В Италии, стране красоты, увидеть некрасивую девушку было мне странно. Некрасивость черт скрашивалась тем, что была Милена приветлива и открыта для общения. Она училась на первом курсе университета, но ученье тяжело ей давалось, было похоже, что она не удержится на медицинском факультете. Так и получилось. Промучившись год и не сумев сдать экзамены (в Италии в то время они были устные и длились часами), Милена ушла на акушерские курсы, стала сестрой-акушеркой и впоследствии нашла себе приличную работу в Милане и там же – к нашему удивлению – вышла замуж. Мы застали ее в Анконе в тяжелый для нее, даже кризисный момент. Тяжесть учебы на медицинском факультете усугублялась одиночеством. В Анконе у Милены никого не было, ее престарелые родители жили примерно в ста километрах, в Асколи Печено. Так получалось, что каждая моя встреча с этой девочкой выливалась в ее жалобы на жизнь и заканчивалась слезами. Она не могла их сдержать, видимо, нервы были на пределе, да и я, скорей всего, была тем человеком, перед которым она могла не таиться. Я не знала, как и чем ей помочь. Мы сами в это время вчетвером жили на скудный университетский грант, рассчитанный на одного человека, жили в церкви, в пустующей квартире привратника. Дон Паоло, замечательный католический священник, объявил нас своими «гостями» и даже слушать не хотел о «квартплате». На следующий год грант увеличился, хотя и ненамного, но мы, не желая пользоваться добротой хозяина, преодолевая его сопротивление, стали регулярно вносить плату за наше жилье.

Через несколько лет, когда университетский грант закончился, Саша начал работать в компании и получать совсем другие деньги. Но при этом нам пришлось разлучиться: муж уехал в Модену, а я с детьми осталась в Анконе. Приезжал Саша только на уикенд. И вот в этот второй – достаточно сложный и горький для нас период – мы вспомнили про Милену, с ее одиночеством и слезами, и поняли, что должны ей помочь.

Мы стали звать ее в гости по воскресеньям. В этот день за обедом мы сидели всей семьей, во главе с долгожданным Сашей. А рядом с Наташей за нашим длинным мраморным столом занимала свое теперь уже привычное место приодетая радостная Милена, повеселевшая, забывшая в этот день про все свои горести. В воскресенье на десерт я ставила на середину стола торт из йогурта с вишнями, он был необыкновенно вкусным – его пекли в пекарне горного селенья Поджо, славящейся на всю округу первоклассным хлебом и изысканной выпечкой... Покупала я его на анконском базаре в специальном месте и в специальный час. Помню, что Милена за нашим праздничным столом совсем не казалась мне некрасивой, она сияла, и это сияние делало ее лицо прекрасным...

А закончу я свой не слишком связный рассказ (который можно было бы длить до бесконечности) еще одной необычной историей, на этот раз о красавице, вернее, даже о двух красавицах.

С одной мы познакомились удивительным образом. В Солт-Лейк-Сити, первой нашей остановке в Америке, мы сдружились с семьей Нины и Михаила Богуславских, чей необычный домик-теремок все полтора года нашего пребывания в столице мормонов был для меня, мужа и подростка-сына (дочь Наташа заканчивала учебу в университете в Италии) прибежищем, полным веселья и музыки.

Михаил Яковлевич был альтистом, когда-то организовывал в России вместе с Баршаем Московский камерный оркестр, а, очутившись в Америке, первое время играл в филармонии, а затем преподавал свою музыкальную специальность в здешнем университете. Он был буквально поглощен музыкой – целые дни проводил в комнате с особой акустикой, слушая записи музыкантов с помощью новейшей звуковоспроизводящей техники. Ниночка же, его вторая жена, была приветливой и умелой хозяйкой, на чьем попечении были муж, большая глупая собака Бим и многочисленные гости, привлеченные гостеприимством и хлебосольством хозяев.

Перед нашим отъездом из Юты в Бостон, где Саша получил работу, Ниночка вручила мне небольшую шкатулку – для передачи некой Мэрочке, своей задушевной подруге, не столь давно перебравшейся в Массачусетс с семьей внуки. Нина говорила о Мэрочке восторженно – врач, участница войны, бывшая москвичка и, наконец, до сих пор, в своем далеко не молодом возрасте, удивительная красавица.

Приехав в Бостон в обозначенную Ниной дату, как раз в Мэрошкин день рождения, мы отправились к ней, чтобы передать подарок. К удивлению, у этой почти девяностолетней женщины было много друзей, естественно, все из России, все немолодые, но все любящие Мэри и знающие ей цену. Она по-королевски сидела в центре гостиной, кресло не скрадывало ее высокого роста и прямооты осанки. У нее были красиво уложенные седые волосы, прекрасный, совсем девичий овал, замечательно свежий цвет лица и необыкновенной синевы глаза, что подчеркивалось и усиливалося платьем в синих тонах. Действительно красавица.

Гости довольно быстро разошлись. И мне с Мэрочкой удалось поговорить. Впоследствии я даже сделала с ней интервью, поскольку она прожила долгую интересную жизнь и ей было что рассказать. На присланных мне Мэрочкой фотографиях была она в разные периоды жизни, но всегда с горделивой осанкой, светловолосая, с небесной синевы глазами, что не очень обычно для еврейки...

Ночью, перебирая в памяти все, что рассказала о себе Мэри (она специально пояснила, что это имя записано у нее в русском паспорте), я подумала, что знаю еще одного человека, женщину, чья судьба очень напоминает Мэрочкину. Этой женщиной была Лариса Лазаревна, мама мужа моей сестры Веры. Когда я ее узнала, ей было не меньше пятидесяти, – необыкновенная красавица, брюнетка, с проникающим в душу взглядом темных глаз. Мы знали, что прошла она через

войну – работала в военном госпитале, получала награды, а Вера, после смерти свекрови, обнаружила в потаенном ящике перевязанные ленточкой письма влюбленного в нее человека, много старше, в высоком военном чине. Нашла Вера и письма этого человека к маме Ларисы, он писал о своем чувстве к ее дочери, говорил, что все сделает для ее счастья, просил «родительского благословения» на брак. Самый последний листок был одинарный, на нем рукой Ларисы Лазаревны было написано всего два слова: Павел погиб. Мы знали, что за Сашиного папу, тоже встреченного на войне, вышла она без особой любви и не был этот брак особенно счастливым, по-видимому та, прошлая любовь, была для нее главной и единственной...

Когда через несколько дней мы снова пришли к Мэри, первым делом я спросила ее, не встречалась ли ей на дорогах войны девушка по имени Лариса, тоже москвичка. Мэри оживилась: – Лариса Гутман – моя ближайшая подруга. Мы работали с ней вместе в госпитале и были неразлучны.

Фамилия Гутман была мне незнакома, но оказалось, что это девичья фамилия мамы Саши Р., Вериной свекрови. Мэрочка прекрасно знала всю романтическую и одновременно трагическую историю любви своей подруги, знала она и мужа Ларисы Лазаревны, о котором высказалась не слишком дружелюбно. К этому времени Ларисы Лазаревны уже давно не было в живых, она погибла от скоротечного рака. До своего ухода она успела меня благословить на союз с будущим мужем – не видя его, она знала о нем с моих слов и была уверена, что это именно «то». Удивительно, но тепло, шедшее от этой женщины, ощущала не только Вера, которую она любила, казалось, больше, чем своего сына, но и я. Перед смертью страшная болезнь исказила черты Ларисы Лазаревны. Но в моей памяти она осталась такой, как на портрете своей молодости, – с отливающими синевой черными волосами, удивительным взглядом темных глаз, такой, наверное, могли быть праматерь Сарра... или Рахиль... Легко можно представить, какое впечатление эти две подруги, два военврача, две красавицы, производили на мужчин-военных. Одна – синеглазая блондинка, с копной русых волос, другая – черноволосая, темноглазая, наделенная библейской красотой. Эдакий праздник красоты среди ужасов и безобразия войны! Среди ужасов и безобразия войны...

Герман ЛУКОМНИКОВ

ДРУЗЬЯ-ВРАГИ

**Беседа с Максимом Якубсоном 28 августа 2021 года
с позднейшим письменным дополнением**

К выходу книги: Бредаисты Санкт-Петербурга: Дима Тимченко и Саша Попов

В «Волге» № 7–8 за прошлый год была опубликована пьеса Саши Попова «Придверие», написанная в 1980-е годы. Во вступлении публикатора, Германа Лукомникова, говорилось: «Мы с Максимом Якубсоном готовим книгу о юродивых питерского андеграунда 1970-х – 90-х годов – Саше Попове и Диме Тимченко, куда войдут и их собственные тексты, и воспоминания о них. Книга выйдет в издательстве Des Esseintes Press (Московская школа нового кино, ММУ)».

Книга пока не вышла, но ее выход ожидается. Публикуем еще одну ее часть: устные мемуары Лукомникова о Попове и Тимченко в виде его беседы с Якубсоном и дополнения к ней.

Герман Лукомников: Я обещал рассказать, что с ходу вспомнится, пусть даже в форме бесвязного монолога, про Диму Тимченко и Сашу Попова. Попытаюсь. Хотя это очень трудно. Трудно потому, что не очень понятно, как про них рассказывать. Все сказанное о них будет намного бледнее личного с ними знакомства!

Оба они, как ты знаешь, были замечательными литераторами. Дима писал стихи. Талантливые. Саша вообще был, я считаю, крупным писателем. Он писал пьесы. Он себя так чаще всего и позиционировал – как драматурга. Стихи у него тоже очень интересные. На мой вкус, самое интересное у него – это записи наподобие эссе.

Эта его проза или эссеистика, так же как и его стихи, существовала почти исключительно в самиздате, в его собственном «самсебяиздате», по выражению Глазкова. С пьесами как-то было странно. К ним был интерес. Их пытались ставить, иногда даже удавалось, но как-то ненадолго. Чаще всего не удавалось по каким-то непонятным причинам.

Я к тому клоню, что Саша, хотя его до сих пор почти никто знает, был, я считаю, крупным писателем. Он, кстати, иногда шутливо называл себя ВПЗР – «великий писатель земли русской». А Дима писал любопытные стихи, но все-таки как поэт он, мне кажется, не реализовался. Может быть, поэтому он не то чтобы совсем бросил, он возвращался к стихотворчеству, но все-таки, насколько я понимаю, период, когда он активно занимался поэзией, был не слишком долгим. Во всяком случае, Дима никогда, на моей памяти, не представлялся поэтом. И вообще о том, что он писал стихи, и интересные, и их довольно много сохранилось, я узнал, только когда его не стало.

Самое феноменальное в них обоих были не их тексты, а они сами. И про каждого из них можно сказать: человек-театр, человек-перформанс, человек-представление, человек как произведение искусства, которое он сам создал. Они оба были прежде всего философами действия, как Диоген Синопский.

Это впечатление, конечно, можно было получить только в непосредственном с ними общении. Мне посчастливилось быть знакомым с ними, даже дружить с обоими. Очень сложно описать впечатление от общения с такими людьми. Каждый – явление, произведение искусства в каждом жесте, слове, движении. Это были удивительные люди.

Очень жаль, конечно, что в этом отношении от них почти ничего не сохранилось. В те времена не было такой культуры фиксирования всего, как сейчас. Сегодня у всех смартфоны, все всё снимают, записывают. По счастью, сохранились их фотографии, но, насколько мне известно, аудио- или видеозаписей почти нет. Очень мало, клочки, обрывки.

Максим Якубсон: Такого рода человек оставляет след, и этот след хранится в другом, к чему-то его приводит. Но давай сейчас не будем пытаться охватить всё или смотреть как бы сверху. Давай просто войдем в ту встречу, не обязательно первую, но в то, что было реально, что ты помнишь. Оживи какую-то последовательность действий Сашиных или Диминых. Попробуй воспроизвести несколько таких цепочек и сюжетов.

Г. Л.: Мне проще с начала начать. Надо подумать... Кажется, это была осень 1985 года. Я зашел в гости к своей приятельнице, художнице Тане Деткиной. В то время она жила в районе метро «Семеновская».

Я был дико уставший, как-то очень тяжело сложился день, я очень много ходил. Вечером зашел к Тане, и у меня чудовишно болели ноги. При моем плоскостопии так вышло, что я весь день ходил, сейчас уже не помню куда, зачем, почему, но так получилось. Когда вышел из метро по направлению к Тане, еле ковылял, а надо было выдержать еще последний участок пути, идти там минут десять. Ноги гудели страшно.

Наконец, дошел. Таня мне открыла, я прошел в ее комнату в коммуналке, присел на стул, и вдруг в эту комнату влетел даже не сказать что человек – какое-то существо, дух, похожий, скорее, на какого-то персонажа из сказок – то ли водяной, то ли домовый?

Он ворвался с тазиком в руках. Нет, таз был большой. Полный воды. Удивительно, как он его не расплескал. Он подскокил ко мне и поставил под ноги этот таз. Как он узнал, почувствовал, что у меня так сильно болели ноги от усталости? Я сунул ноги в горячую воду, и мне стало блаженно хорошо.

Это был Дима Тимченко. Возясь со мной, он что-то говорил, а я почти ничего не мог понять. Может, от усталости? Нет, он говорил на каком-то птичьим языке – вроде всё по-русски, но почти ничего не понятно – и в то же время страшно увлекательно. Бывает неинтересный бред, а Димин был интересный. Интересно было его слушать, пытаться понять и... не понимать.

Он что-то бормотал, приговаривал, и сразу же в этих первых его репликах, таинственных и невнятных, несколько раз промелькнуло имя «Саша Попов». О самом Диме Тимченко я к тому времени немного уже слышал от Тани Деткиной.

Я помню, что Дима цитировал какие-то Сашины высказывания, с чем-то соглашался, с чем-то спорил. Он говорил: «Как сказал Саша Попов...», «Саша Попов сказал то-то и то-то...» Дальше шли какие-то афоризмы, которых я не помню, и затем Дима в своей особенной манере птичьего языка совершенно туманно то ли соглашался, то ли спорил с Сашиними высказываниями, но он их несколько раз цитировал. С таким видом, как будто они и их автор – это что-то само собой разумеющееся, общезначимое, что-то вроде Экклезиаста или ницшевского Заратустры. Так что мне это совершенно обычное сочетание имени и фамилии почему-то сразу запомнилось.

Тогда я про Сашу Попова услышал впервые. А Диму увидел впервые. Лишь слышал о нем перед этим от Тани, что есть такой удивительный у нее приятель в Питере. Так я познакомился с Димой.

Таня мне много рассказывала про Диму, и мы изумленно с ней обсуждали явление этого человека. Дима у нее в те времена останавливался в Москве, жил у нее по несколько дней или недель. Потом мы делились с ней впечатлениями. Я был просто потрясен этим знакомством.

Не знаю, как это выразить, но что-то такое было и в Диме, и в Саше... Притом что они люди были совершенно разные, во многом противоположные, друзья-враги. Но в каждом из них было что-то такое, что сама встреча с ними открывала окно в какой-то другой мир, который вроде рядом, но обыкновенно не виден. Позволяла взглянуть на все окружающее совершенно другим, свежим взглядом. Как в стихах Блока: «...на ноже карманным найди пылинку дальних стран, и мир опять предстанет странным, закутанным в цветной туман».

Как будто вся будничность, прозаичность исчезали в их присутствии. Надо сказать, что хотя это было радостное ощущение, но не то чтобы однозначно приятное, в этом всегда было и какое-то напряжение. Рядом с ними я, да и не только я, наверно, а все люди, которые с ними достаточно близко соприкасались, испытывали это напряжение.

М. Я.: Напряжение – это естественно. Такие вещи не берутся из воздуха.

Г. Л.: Да. Ты вдруг оказываешься в каких-то джунглях. Знакомый мир превращается в незнакомый. В этом была и радость открытия, и какой-то страх. Какой-то непрерывный «театр жестокости», по выражению Антонена Арто, причем не на сцене, а в самой жизни. Из-за этого ни я, ни другие, почти никто не мог общаться с ними подолгу. Но они и сами к этому не стремились. Как правило, наше общение ограничивалось несколькими днями, иногда часами, максимум парой недель.

Интересно, что хотя услышал я про Сашу именно от Димы, но познакомился с ним не через Диму. Как я говорил, Диму я впервые увидел осенью 1985, а Сашу, я думаю, весной или летом 86-го. С Димой я познакомился в Москве, а с Сашей – в Питере.

Я тогда часто ездил в Питер. Хорошее настроение – в Питер, плохое настроение – в Питер... В тот раз мы поехали с моим другом Андреем Галкиным. Крутились около «Сайгона». Я не уверен, что у меня тогда были под рукой Димины координаты. Кажется, встреча с Димой на тот момент еще была единственной – во время нашего знакомства у Тани.

М. Я.: В ту встречу, кроме тастика, в который ты окунул ноги, помыть тебе он их не предлагал?

Г. Л.: Нет.

М. Я.: Больше ты никаких деталей не помнишь?

Г. Л.: Именно той встречи? Деталей не помню, но я помню одну очень стрёмную деталь тогдашнего Диминого проживания у Тани, свидетелем которой я не был, но которая мне от Тани известна. Не знаю, будет ли уместно об этом говорить в публикации, но, если тебе любопытно, могу рассказать.

Таня жила в коммуналке с соседкой в другой комнате. Это была пожилая женщина, очень сварливая, которая Таню терпеть не могла и постоянно третировала, не давала ей никакого житья. Когда Дима на какое-то время, на неделю или дней на десять, поселился у Тани, приехав из Питера, он начал, как Карлсон фрекен Бок, «курошать» соседку. Она очень возмущалась его присутствием.

Но однажды после каких-то с ее стороны скандалов – мол, теперь, с появлением этого странного человека, всё не то и не так... Ну, скажем, кусок мыла не справа лежит, а слева на раковине. Так вот, однажды она заходит вечером на кухню, а там Дима в эту самую раковину пишет. Она испытала такой шок, что больше у нее никаких претензий ни к Диме, ни к Тане даже после Диминого отъезда уже не было.

Так Дима радикально решил проблему соседки и всяких бытовых мелочей, к которым она придиралась. По сравнению с этим всё было мелочью. Она их действительно увидела как мелочи.

М. Я.: Большое видится на расстоянии.

Г. Л.: В данном случае – как раз малое. Это мне известно от Тани, она со смехом мне об этом рассказывала.

Еще мне помнится, она рассказала, что когда она ночевала у Димы в гостях в Питере, там была какая-то Диминая подруга, актриса. Как ты знаешь, Дима в молодости участвовал в каких-то театральных постановках. И вот это была его старая знакомая еще по театральным временам...

М. Я.: Там были Нина и Симона из людей, которые оставались в театре. Симона Строганова и Нина Евдокимова.

Г. Л.: Не помню, к сожалению. Таня мне говорила, что Дима с этой театральной подругой тоже беседовал исключительно на таком своем почти непонятном птичьим языке. Которому, кстати, Таня дала какое-то очень интересное и точное определение. Диминой особенностью было не от-

вечать прямо на вопрос, но всегда давать косвенный ответ. Он всякий вопрос и тему очерчивал какой-то канвой высказываний вокруг, по периметру, и ответ прятался где-то внутри. Помню, что она это как-то изящно формулировала.

Так вот, Таня говорила, что как-то в Питере при ней Дима общался на том же птичьим языке со своей старой театральной подругой и она ему отвечала в подобном шаманском стиле. А потом, когда в какой-то момент Таня уже ночью, проснувшись, ненадолго вышла из комнаты, она зашла на кухню и случайно подслушала кусочек их разговора – и изумилась, что они говорили по-человечески между собой! Все было понятно. Но как только они заметили ее, опять мгновенно будто бы надели клоунские маски и перескочили на птичий.

Это со слов Тани. Хотя в течение многолетней дружбы с Димой и многократного общения с ним и в Москве, и в Питере мне так и не повезло быть свидетелем чего-то подобного – перескока его на обычный язык. При мне он всегда разговаривал заумью, и трудно было заподозрить, что он умеет как-то иначе.

Я хотел рассказать о знакомстве с Сашей Поповым. Как я уже говорил, мы в Питере с моим другом Андреем Галкиным болтались у «Сайгона». Это был 1986 год, весна или лето. Диминых координат у нас тогда не было. А ведь Дима, как я позже узнал, жил прямо напротив «Сайгона», через Невский. Но в тот момент мы этого не знали.

Помню, что мы с Андреем неприкаянно толклись у «Сайгона», иногда заходя внутрь выпить по чашке кофе. Знакомых никаких нет, податься некуда.

Мы уныло стояли на улице, слева от двери в «Сайгон», у большого окна, и к нам вдруг подошел человек и как-то с полным пониманием ситуации спросил: «Вам, наверно, негде переночевать?» Или, может быть, он сказал «некуда вписаться?», точно не помню. Во всяком случае, к нашему удивлению, этот совершенно незнакомый человек, значительно старше нас, сразу заговорил так, будто мы давно знакомы.

Мы подтвердили, что нам некуда деться, и он пригласил нас к себе. Мы пошли с ним. Идя от «Сайгона» к нему домой и по дороге беседуя, мы и познакомились. Это был Саша Попов. Жил он на улице Чайковского, в десяти-пятнадцати минутах ходьбы от «Сайгона». С первых же своих слов он нас с Андреем будто загипнотизировал.

Был он невысокого роста, ниже среднего. Щуплый на вид, с огромным сократовским лбом, с бородкой, как и Дима, но со светлыми волосами и серыми глазами. С невероятно пронизательным взглядом. Смотрел он прямо в глаза, в самую серединку. Казалось, видел тебя насквозь. Но никакого осуждения или презрения в этом взгляде не было, как раз почему-то было очень приятно и интересно.

Странное было ощущение от его взгляда. Такое бывает, когда смотришь на кошку, а она на тебя. Смотрит тебе прямо в глаза. С каким-то особым знанием о тебе. С пониманием чего-то такого, чего ты сам о себе не знаешь. Вот так и Саша смотрел. И это было приятно, потому что ты интуитивно чувствуешь, что понимает он всё про тебя правильно. Что именно – неизвестно, но почему-то это успокаивало (меня, по крайней мере).

Вот подарила жизнь встречу с такими чудными, не от мира сего людьми, как Дима и Саша. Таковыми, каких и не бывает. Но в случае с Сашей могу сказать, что его образ, имидж его инаковости был окрашен некоторой архаичностью. В отличие от Диминого. Дима был существом из сказки, вневременным, а в случае с Сашей было ощущение, что он пришелец из прошлого, что он жил когда-то, может быть, 150 лет назад. В нем что-то было из XIX века. Не в одежде, а в аристократической манере разговора, в поведении, самом его существе. Притом что речь его вовсе не была архаичной, он и сленг охотно использовал.

Он вел нас к себе домой и по дороге что-то бесконечно говорил, все это было дико интересно, хотя сейчас мне уже трудно вспомнить подробности того монолога.

М. Я.: Хотя бы примерно. Ни тем, ни мотивов?

Г. Л.: Именно тот разговор я почему-то не помню. Наверно, потому что это было своего рода погружение в гипноз или сон, настолько непривычно он говорил. Запомнить с ходу было невоз-

можно, ты будто вступил в новый мир, в котором нужно было сперва как-то освоиться, как новорожденному младенцу.

Вспомнить, что конкретно он говорил, трудно: кажется, что-то про декабристов... Про государя императора... Господи, думали мы, какой государь император в 1986 году? Но он о нем говорил, и чувствовалось, что это все имеет огромное значение для него. Но почему? С ходу уловить это было невозможно, нужно было как-то привыкнуть к этому новому языку.

М. Я.: Про государя императора – в смысле, присутствующего, ожидаемого или бывшего?

Г. Л.: Непонятно. Мне кажется, была целая радуга смыслов в каждом его слове. Он привел нас к себе домой...

В те годы, в 1986 – 89-м, я частенько, иногда один, иногда с некоторыми своими друзьями – с Тилем, с тем же Андреем Галкиным и другими – мы приезжали в Питер и всегда заходили к Диме Тимченко на Невском, напротив «Сайгона», в его комнату в коммуналке, и к Саше Попову, тоже в коммуналку, на улице Чайковского. Тиля я познакомил и с Сашей, и с Димой. И Андрея – с Димой. А Саша со мной и Андреем сам познакомился, когда подобрал, как котят бездомных, у «Сайгона». Мы тогда у него два или три дня жили, он нам предоставил ночлег.

Надо сказать, что образ жизни и быт у Саши Попова и Димы Тимченко отличались кардинально. Это были противоположности. Рано утром, пока все спали, Дима совершал обход окрестных помоек, где бы он ни находился – в Питере, Москве или где-то еще. Собирал всё, что могло его заинтересовать. Это была одежда, еда, какие-то самые разнообразные предметы, игрушки, обломки, куски каких-то конструкций, все что угодно!

Он приносил целый мешок всякой всячины с помойки домой или туда, где он остановился, к каким-нибудь своим знакомым, друзьям, и сразу с этим мешком шел в ванную и все это тщательно мыл. Очень тщательно, с мылом отскабливал всё и развешивал сушиться, составляя какие-то разноцветные причудливые гирлянды. Причем, повторяюсь, развешивал все это и по своей, и по чужим квартирам, где гостил.

Потом он что-то из этого раздаривал, одевал кучу своих знакомых, отдавая им постоянно какие-то штаны, куртки, рубашки, найденные на помойке, отстиранные и заштопанные. Что-то он на себя напяливал, постоянно меняя свой гардероб. И еду он там находил, которой тоже кормил друзей, гостей, знакомых и питался сам.

И вот притом что помойка была его секонд-хендом, надо сказать, что одевался он по-своему очень изысканно. Такое разнообразие гардероба, думаю, никакому моднику не снилось. И ведь черт знает что и как напялено, ботинки разные, рубашка наизнанку, трусы на голове, но как-то так всегда органично подобрано, что глаз не оторвать. И при этом всегда по-разному. Икона стиля!

Бывало, он делал какие-то странные художественные объекты из мусора, упаковывал в прозрачные целлофановые пакеты, таскал в свою комнату в коммуналке. У Димы была классическая зощенковская коммуналка, соседей там было много, и это были обычные люди. Одних звонков с фамилиями на двери было не меньше дюжины, и среди них волшебная кнопка «В. В. Тимченко». Или, может быть, «В. В. Назенцев»? – уже не помню. Он ведь взял фамилию жены, Ларисы. По документам он был Вадим Васильевич Назенцев. Интересно, что его на моей памяти никто никогда не называл Вадимом или Вадиком. Дима и никак иначе. Паспортная фамилия тоже в кругу знакомых не прижилась, все равно для всех он оставался Димой Тимченко.

Кстати, он мне как-то подарил свою фотографию на паспорт. Жаль, что она у меня не сохранилась, стырили. Это было, наверно, самое удивительное фото на паспорт в Советском Союзе. Птичье перо за ухом, волосы всклокочены, глаза смотрят в разные стороны, рот до ушей, галстук-бабочка чуть ли не на голое тело... И эта фотка, как мне помнится, действительно была вклеена в его паспорт.

Как соседи с ним уживались, не представляю. Его комната вся была заставлена, завешена этой паутиной удивительных предметов, объектов, гирлянд, всего, что он добывал на помойках и монтировал.

То же, как я говорил, происходило и с квартирой его друга или знакомого, если он там останавливался. В частности, с моей, потому что он, как и Саша, часто в те времена, приезжая в Москву, бывал у меня. В 1986 и 87-м каждый из них периодически у меня жил – обычно по несколько дней, а бывало, что неделю или две.

В те времена у меня была квартира в Орехово-Борисово, на Елецкой улице. Это была 16-этажная башня с одним подъездом. Жил я там, кажется, на 12-м этаже. Туда они ко мне и приезжали. Так вот, и моя квартира через несколько дней пребывания в ней Димы тоже начинала превращаться, как и любая, где он останавливался, в музей визуального Диминого искусства: всего собранного, составленного из каких-то предметов, найденных им на помойке и смонтированных в неведомые объекты и инсталляции.

М. Я.: То есть он выражал себя, говорил с миром, используя эти элементы, строил цепочки связей?

Г. Л.: Может быть. Во всяком случае, это было дико красиво, очень причудливо и совершенно ни на что не похоже. Но после того как он уезжал, я все это через какое-то время сгребал, раздавал, выбрасывал, потому что жить в Диминой паутине я не мог. Не мог сосредоточиться и заниматься своими собственными делами. Он все время плел вокруг себя эту тимченковскую паутину, удивительную, помоечную, но дико красивую и очень самобытную.

В этом отношении квартира Саши Попова представляла собой полную противоположность. Он тоже жил в коммуналке, но у него был только один сосед, мрачный и молчаливый прапорщик-алкоголик с багровым лицом. Сашин быт поражал своим аскетизмом. Небольшая длинная узкая комната. Абсолютно чистый и пустой пол, какая-то тахта, на которой обычно он сам спал, гостей он укладывал на коврик на полу. Где-то высоко под потолком (там были очень высокие потолки) как-то странно на полочке располагался телевизор. Небольшой, черно-белый. Стоял столик, на нем пишущая машинка. Помнишь, были такие оранжевые, портативные? С футляром, встроенным в саму конструкцию машинки. Ее можно было сложить, взять за ручку и удобно переносить с места на место. Если не путаю, югославская машинка фирмы «Юнис».

Иногда он включал телевизор. Я помню, мы как-то с Андрюшей Галкиным пришли к нему, а он смотрит футбол и восхищается Марадоной. Мне это было совершенно тогда непонятно. Но Саша включал телевизор крайне редко. А вот у Димы в комнате были чуть ли не постоянно включены одновременно два телевизора, стоявшие один на другом (кажется, большой цветной и маленький черно-белый, наверняка оба с помойки), причем разные программы, конечно, и еще радиорепродуктор, и всё это на полную громкость! И ему было решительно все равно, что там передают, ему просто нужен был этот звуковой фон, этот белый шум нескольких взаимонейтрализующих речевых и музыкальных потоков.

Как ни странно, у Саши в комнате (по крайней мере, в период нашего знакомства) почти не было книг. Однажды в какой-то момент Андрей заметил на полке наверху томик Хлебникова и заинтересовался. Стояла еще какая-то «Махабхарата», не помню.

Саша говорил, что Хлебников слишком увлекался восточной философией. А сам Саша почему-то себя ей противопоставлял. Андрей удивленно поинтересовался: «Почему же тогда на единственной полке с книгами во всем доме хранится лишь томик Хлебникова и книга восточной философии?» Саша ответил: «Врага надо знать».

М. Я.: «Махабхарата»?

Г. Л.: Ну да. Какой-то том из знаменитой серии «Литературные памятники», в болотном переплете.

Очень аскетичный быт у него был. И идеальный порядок, в противоположность Диминому хаосу. Гостей Саша поил горячим чаем и говорил, что в доме всегда должны быть хлеб, чай и сахар. Еще у него было уникальное блюдо: он варил лук. Утверждал, что буддийские монахи питаются исключительно вареным луком. Откуда он это взял? И почему буддийские монахи? Он же недолюбливал восточные учения. Мне бы и в голову не пришло есть вареный лук никогда, я его

ненавижу, из супа всегда вылавливаю и выбрасываю, но Саша варил его вкусно, как ни странно. Потому что он его почти не варил! Он открыл нам, что если лук особо не варить, а просто как бы хорошенько разогреть в кипятке, то вкусно получается. Он нас с Андреем так кормил.

Саша был довольно известен в хипповых кругах. К нему «на флэт» постоянно вписывались хиппи. Себя он тоже причислял к хиппи, хотя был, мне кажется, очень нестандартным, неканоническим хиппи. Он был хиппи среди хиппи. Неформалом среди неформалов. И они очень уважали Сашу. О нем шла слава, и она соответствовала действительности, что он один из очень немногих в этой среде умел как-то утихомирить гопников.

Про это ходили легенды, и при мне такое бывало. Удивительное дело! Рассказывали, что когда на Гоголях (то есть в Москве, на Гоголевском бульваре) «любера» приезжали бить «волосатых», те все разбегались, а Саша Попов оставался. Злющие подмосковные качки-хулиганы подходили к нему, и он с ними совершенно мирно беседовал и как-то им вправлял мозги.

М. Я.: Наверно, рассказывал о государе императоре?

Г. Л.: Нет, что-то другое. Я сам пару раз был свидетелем таких сцен, но я настолько боюсь этого всего, что у меня душа уходила в пятки. Так что подробностей я не помню. Только помню, что он как-то совершенно спокойно их гипнотизировал своей размеренной речью, и они тихо, мирно успокаивались и уходили, не трогали никого. С каким-то даже внезапно проявляющимся добродушием, задумчиво так уходили. Он как-то умел это.

Очень много чего хочется рассказать, но, когда знаешь, что это под запись, все вылетает из головы. Сейчас попробую еще что-нибудь вспомнить. С ним интересно было гулять по городу.

М. Я.: По Петербургу или по Москве?

Г. Л.: И по Петербургу, и по Москве.

М. Я.: Чем интересно было?

Г. Л.: К примеру, я в начале говорил, что он приоткрывал какой-то новый мир, так же, как по-своему, совершенно по-другому это делал Дима. Саша мог на улице подойти к понравившейся ему девушке и спросить: «Позвольте к вам прикоснуться?» Чаше всего они улыбались и разрешали. Он кончиком указательного пальца прикасался очень деликатно, нежно к локтю, буквально на долю секунды, – и довольный, удовлетворенный, шел дальше.

Мы к нему приезжали, приходили в гости с Андреем, Тилем, с моим другом детства художником Володей Кутеко, которого я тоже познакомил с Сашей и Димой и на которого они тоже, особенно Саша, произвели сильное впечатление. Саша нам часто читал свою эссеистику, иногда и свои стихи.

Он самиздатом, на пишущей машинке, издавал ежегодный альманах «Северные цветы» (чуть ли не в одном-единственном экземпляре), где в основном печатал стихи своих знакомых. Помню, что в одном из выпусков были стихи Олега Котельникова, известного андеграундного художника. Замечательные. Я его стихи именно там впервые прочитал. Какую-то балладу о качелях. Не знаю, сохранилась ли она, больше она никогда и нигде мне не попадалась. С 1986 года Саша начал также самиздатом выпускать журнал «Весы», уже в четырех экземплярах. Это был журнал-монолог. Это как раз была та эссеистика, о которой я упомянул. Саша печатал это все на машинке и говорил, как бы перефразируя Галича: «На Россию четырех экземпляров достаточно». По большей части это был Сашин монолог, своего рода «поток сознания». С вкраплениями стихов – отчасти его собственных, отчасти стихов его друзей и знакомых: Симона (Семена) Любаскина, Ларисы Назенцевой, Антония Кацнельсона, художника Павла Шинкоренко, журналиста «Радио Свобода»¹ Виктора Резункова и других².

¹ «Радио Свобода» внесено Минюстом РФ в реестр «иностранных агентов». – Ред.

² В самый первый выпуск «Весов» (№ 1 за 1987), помимо подборки стихотворений самого С. П., вошли стихи Семена Любаскина, Федора Васильева, Павла Шинкоренко, Андрея Изюмского, Татьяны Ивановой (Ладошкиной), Владимира Нахимова, Александра Маркузе, Марины Мироновой, Ларисы Назенцевой, Светланы Телеповой и Антония Кацнельсона. А 4-й выпуск за 5748 год по еврейскому летоисчис-

М. Я.: А этот его авторский монолог – о чем?

Г. Л.: Обо всем. Он там фиксировал самые разные свои мысли, соображения, многие из них были совершенно абсурдные. Саша любил многое доводить до абсурда. При этом он не жаловал Димин способ общения с миром, потому что считал его чересчур бредовым.

У них были сложные отношения. Они, как я уже сказал, были друзья-враги. Как Блок и Андрей Белый. Видимо, когда-то они тоже очень дружили, но потом их пути стали расходиться. В ту пору, когда я с ними познакомился, у них уже были несколько напряженные отношения.

Саша Попов считал, что Дима (может быть, я немного упрощаю, но примерно так мне запомнилось) усиливает бред, которого и без того много в мире. Катализирует и усиливает этот бред.

М. Я.: Плюсует, а Саша хотел минусовать?

Г. Л.: У Саши был такой лозунг, девиз: «Бред бредом побеждают». Как клин клином вышибают. Он тоже любил некоторые свои мысли доводить до абсурда, но это делалось именно для того, чтобы преодолеть бред окружающего мира собственным бредом, направленным и еще более сильным. Это у него была абсолютно сознательная позиция. А Димин бред он считал неправильным. Считал, что Дима не гасит бред, а наоборот, только его усугубляет. Как говорится, гасит пожар бензином.

Однажды Саша сочинил палиндром. Прimitивный, но выразительный. Помню, как он начертал его большими буквами на листе бумаги и показывал мне: «РОС МИМ СОР». Сам я тогда еще не писал палиндромов, да и вообще ничего не писал. Саша улыбался и был очень доволен этим текстом. И насколько я понял из его объяснений, он тут имел в виду именно Диму как своего противника, как демона помойки, бреда, хаоса.

Сложные были отношения у них. Я помню сценку у меня дома. Был период, когда они оба жили у меня довольно долго, недели две. Мы встречали Новый год у меня в Орехово-Борисово. И они приехали по моему приглашению. Новый 1987 год. Точно! Кажется, рано утром 31 декабря приехал Саша. И вскоре, в тот же день, приехал Дима с женой Ларисой.

У нас тогда собралась огромная куча народа, несколько дней все там у нас жили, тусовались, какие-то были интересные разговоры, встречи... Я сейчас уже мало что помню, но помню, что было очень круто. Конечно, главными центрами и полюсами внимания были Дима и Саша, постоянно находившиеся в этой моей небольшой однокомнатной квартире.

Чаще всего мы все сидели на крошечной кухне. Между Сашей и Димой действительно была какая-то очень сильная связь и в то же время очень сильное напряжение. И в каком-то смысле противостояние.

Я помню, что Дима мог есть практически всё, постоянно приносил какую-то гниль с помойки и ел, да еще и других норовил угостить. Однажды во время его очередного страстно-заумного спича на кухне я сделал ему нормальный бутерброд из свежего хлеба с маслом и сыром или колбасой, сунул ему в руку, он автоматически откусил кусок, начал жевать – и вдруг аж весь позеленел, закашлялся, глаза у него на лоб полезли... Он кинулся к раковине, налил в банку теплой хлорированной воды из-под крана, накрошил туда этот бутерброд, побросал еще какую-то свою припасенную гадость, типа дохлых пиявок, перемешал – и тогда уже с удовольствием, причмокивая, начал хлебать эту бурду. В этом весь Дима. Простой хороший бутерброд его не устраивал, весь его волшебный организм восставал против этого.

Вспоминается картинка из тех дней, как Саша убивал тараканов у меня на кухне, их было довольно много. Сейчас тараканы – некоторая редкость, а в те времена они регулярно заводились в жилище, их время от времени приходилось травить... Так вот, Саша бил тараканов, а Диме это не нравилось. Он бухтел недовольно по этому поводу всякий раз, когда Саша, зачитывая свой какой-нибудь манифест, как бы между прочим зашибал таракана на стене или на столе, сбрасывал

лению, вышедший в уже в 1988, полностью представлял собой публикацию небольшого цикла стихов Виктора Резункова (1958–2017) «Веселые картинки с выставки» (1979). – Г. Л.

его на пол и невозмутимо продолжал читать. Дима что-то кудахтал на своем птичьем языке, но понятно было, что ему это не нравится, что он возмущается.

Иногда Дима приходил, и по нему ползали какие-то животные. Крабы, например. Еще как-то рыбок принес в банке, и они с тех пор некоторое время у меня жили, потом лягушка какая-то по нему прыгала – он ее из-за пазухи вытащил. Видя таракана, Дима аккуратно брал его и сажал себе на руку, чтобы тот по нему побегал. В какой-то момент Дима мог взять таракана и положить в рот, а потом выпустить изо рта, а мог его запросто и съесть. Да-да, он при мне несколько раз живьем съедал таракана!

Кстати, Дима однажды меня очень напугал, когда начал рыбкам подливать в воду кипятком из чайника. Я думал, они сейчас там сварятся. Но он как-то так всё рассчитал, что вода просто потеплела, рыбки в аквариуме засуетились, но вроде ничего плохого с ними не произошло. Но я тогда так испугался, что даже на Диму накричал, чтобы он больше такого не делал.

Помню, когда он съел таракана, у них с Сашей произошла сцена. Саша медленно встал со своего места, и Дима тоже медленно привстал со стула. Они на этой нашей маленькой кухне в несколько квадратных метров очень медленно стали друг к другу приближаться в полной тишине и очень медленно, как в замедленной съемке, вцепились друг другу в бороды и стояли так, глядя глаза в глаза, не мигая и ничего не говоря. Так продолжалось минуту или две. После чего так же медленно расцепились и разошлись по своим местам. Но это был какой-то момент, видимо, их окончательной размолвки.

М. Я.: Наверно, Саша воспринял поедание Димой таракана как личное оскорбление.

Г. Л.: Возможно. Во всяком случае, с того момента они в те дни, по крайней мере при мне, уже никак не общались, игнорировали друг друга, будто не замечали.

М. Я.: Диалог завершился.

Г. Л.: Похоже на то. Хотя находиться вместе в этой моей крошечной квартире и не замечать друг друга, думаю, было сложно. Тем более, что оба они были такими оригиналами.

М. Я.: Сколько времени это продолжалось после Нового года?

Г. Л.: Кажется, все это наше празднование продолжалось недели две или три. А в какой именно день они друг другу в бороды вцепились, я не помню. Но это не в самые первые дни было, поначалу все было мирно.

Саша приехал утром 31 декабря, еще никого не было, и пришел сразу к нам. Моя тогдашняя жена Ольга увидела его впервые и как-то сразу приняла. И Диму тоже. Хотя она очень привередливая и строгая, никто ей не нравился, а вот их она признала.

Я помню, что Саша в те дни довольно часто читал у нас вслух свои тексты. Он нам сразу прочитал, а потом зачитывал всем приходившим гостям свой тогдашний манифест и давал на подпись. Всем желающим, практически всем, кто попадал в Сашино поле зрения и был ему сколько-нибудь симпатичен, он давал подписать этот манифест: «Отныне всё будет происходить самым-самым совершенным-совершенным, лучшим-лучшим, правильным-правильным (и еще куча таких удвоенных, через дефис, эпитетов) образом». И я подписал, и все подписывали. Точный и полный текст, видимо, не сохранился, к сожалению¹.

Андрей Полонский устроил единственную относительно заметную Сашину типографскую публикацию – в журнале «Твердый знакЪ». В начале 90-х. В основном это фрагменты Сашиных «Весов», хотя там это не было указано. Конечно, там перепечатано далеко не всё. Это некая выборка, сделанная, вероятно, редакцией. К тому же тексты были отредактированы, в оригинале всё гораздо шершавее. Упростили пунктуацию, графику текста, какие-то мелочи. Может, и правильно. Во всяком случае, это была довольно большая, хорошая и заметная публикация, и я помню, что Саша был ею очень доволен. Я тогда купил десяток экземпляров и всем rozdаривал.

¹ Текст, о котором идет речь, уже обнаружился в одном частном архиве и войдет в готовящуюся книгу. – Г. Л.

Три первых машинописных выпуска Сашиных «Весов» Полонский передал в Библиотеку неизданных рукописей московского Гуманитарного фонда им. Пушкина. Выпускавшего в начале 90-х известную одноименную еженедельную газету о современной культуре. Эта газета, «Гуманитарный фонд», была в те времена единственным изданием, где меня печатали, и я постоянно бывал в редакции. Обнаружив там Сашины «Весы», я их себе тогда отксерокопировал и сохранил. Впоследствии гумфондовская коллекция самиздата была, насколько мне известно, передана в Историческую библиотеку. Кроме того, у меня есть еще два-три номера «Весов» в оригиналах, Сашина машинопись с его рукописными пометками. Есть у меня и две машинописные подборки его стихов (помимо стихов в «Весах»). Что-то он мне подарил, что-то я выпросил, а что-то, кажется, даже купил у него за небольшие деньги.

В какой-то момент я поинтересовался у Саши, как бы почитать его пьесы, потому что прежде всего он себя позиционировал как драматурга. Зачастую так и представлялся: «Саша Попов, драматург».

При этом в театрах его пьесы практически не шли. С театрами у него почему-то не складывалось. Хотя поговаривали, что пьесу «Потом... потом... потом...» собирались ставить даже Товстоногов и Васильев. Но не случилось.

А раздобыть и почитать его пьесы мне было дико любопытно. И я однажды спросил у него: «Как найти твои пьесы?» Он мне рассказал, что их можно купить в Москве, в Союзе театральных деятелей или во Всесоюзном театральном обществе, что-то в этом роде. И я поехал в это самое ВТО. Оно располагалось тогда на улице Горького, нынешней Тверской. Это было в конце 80-х. Поднявшись на нужный этаж, я попросил пьесы Александра Николаевича Попова, и мне действительно вынесли папку.

Оказывается, поскольку он был членом какого-то вполне respectable объединения драматургов, несколько своих пьес он туда передал. Машинистки распечатали их, кажется, в нескольких десятках экземпляров. И там их на всякий случай хранили, такой был порядок, – вдруг какой-нибудь режиссер заинтересуется. Там оказалось три его пьесы, и, хотя я не имел никакого отношения к театру, мне продали по экземпляру. Стоили они по рублю, что ли, или по два. Там было «Потом... потом... потом...», «Придверие» и еще одна пьеса, инсценировка «Алых парусов» Грина. Не помню, как она называлась, но не «Алые паруса», как-то иначе.

Все купленные пьесы я хранил у себя. Но однажды, незадолго до того, как я оставил квартиру в Орехово-Борисово, Саша ко мне туда заехал. И я имел неосторожность похвастаться ему, что его пьесы я всё-таки раздобыл. После чего он у меня одну из них забрал, сказав: «Это мне нужно кое-кому показать». А понадобилась ему как раз инсценировка «Алых парусов».

Я, конечно, тогда прочитал все эти пьесы. Помню, на меня очень сильное впечатление произвело «Придверие». Там вроде бы почти ничего не происходит, но эта пустотность как-то по-бекетовски завораживает. Легендарная «Потом... потом... потом...»¹, как ни странно, не так сильно на меня действовала. Нет, она хорошая, и всё же эти «сцены в жилконторе» уже тогда, в конце 80-х, через 15 лет после написания, воспринимались как ретро. Хотя я и сам из «поколения дворников и сторожей». Возможно, я ошибаюсь, и ее время еще придет. Когда-нибудь потом, потом, потом... А вот в пьесу по «Алым парусам» я, признаться, совсем не въехал. Если бы я не знал, ни за что бы не догадался, что это Сашина работа. Да и вообще что это произведение талантливого человека. А вот Саша относился к ней по-особому. У него был какой-то свой взгляд на эту пьесу. Он мне тогда объяснял ее суть, какую-то мистическую подоплеку, очень глубокую. Мне же казалось, что это совершенно обычная детская инсценировка известной повести. Он сказал, что ему нужно дать ее почитать знакомому режиссеру (кажется, из какого-то подмосковного ТЮЗа) – тот,

¹ Первую пьесу Саши Попова «Потом... потом... потом...», написанную в середине 1970-х и производившую некоторый фурор в тогдашних театральных кругах, можно прочитать в 4-м выпуске альманаха «Ландскрона» (1998 года) – «Семь пьес с необычной судьбой»:

²http://www.theatre.spb.ru/newdrama/4_landsk/index_4.htm

дескать, интересовался. Саша забрал ее, и больше я ее не видел. А в помещениях ВТО на Тверской в 1990 году был большой пожар, так что, возможно, она вообще не сохранилась.

Помню, что в те времена Саша писал пьесу по мотивам Евангелия, и как-то у себя дома, в Питере, очень интересно мне и другим гостям про нее рассказывал. Подробностей никаких не помню, но он так вдохновенно рассказывал! Я даже помню тетрадь ученическую, обычную школьную, кажется в клеточку, тетрадь, в которой он записи делал для этой вещи. Из его пояснений становилось понятно, что он как-то пытался приблизить Евангелие к нашей реальности. Но не в смысле осовременивания, одевая героев прошлого в джинсы и футболки, нет, ничего подобного у него не было. Евангелие, по Сашиному мнению, – это именно то, что сейчас происходит, в данный момент. Такое вот было ощущение от пересказа замысла этой пьесы. Но закончил он ее или нет, я не знаю.

М. Я.: Как он это выражал? Выражал ли как-то? Была ли это пьеса или это был спектакль, который разыгрывался им перед вами?

Г. Л.: Мне кажется, он действительно делал наброски этой пьесы, потому что, как я говорил, я помню тетрадь с его записями. Но фрагментов он нам не читал, он рассказывал про замысел, и это было дико интересно. Он говорил про Тайную вечерю, еще о многом, но подробностей, увы, не помню. Осталось ощущение от его пересказа, что все это происходит здесь и сейчас, а не когда-то в Древней Иудее. Это было физическое ощущение.

М. Я.: Ты не думаешь, что для него это действительно происходило здесь и сейчас?

Г. Л.: Вполне возможно. Наверно, поэтому он за это и взялся. У меня, к сожалению, нет никаких сведений о судьбе этого текста.

М. Я.: Я слышал от Тили такую версию, что пьеса с названием «Евангелие от Иоанна, или Троянский конь» заключалась в том, что человек выходит на сцену, садится на стул и читает Евангелие от Иоанна.

Г. Л.: Не знаю, может быть, в какой-то момент Саша передумал. Я помню, что какие-то он делал наброски. Возможно, он постепенно пришел к такой концептуальной версии, о которой говорит Тиль, но я такой версии не помню.

М. Я.: Дима все время разговаривал. У него все время был какой-то разговорный процесс. У Саши же разговор был только по делу, если возникала конкретная тема. Так?

Г. Л.: Он тоже все время о чем-то рассуждал вслух. Но то, о чем по-чуждому вещал Дима, с трудом можно было разобрать. Было интересно, но непонятно. То, что Саша говорил, было очень необычно, самобытно, но более-менее понятно. Кстати, именно Саша меня в каком-то смысле сподвиг на занятия литературой.

Дело в том, что в тот период, когда мы с ним особенно активно общались, с 1986 по 89-й год, да и вообще в 80-е, – я практически ничего не писал. Хотя вообще-то я сочинял стихи с раннего детства, лет с пяти. А период активного стихописания у меня был в старших классах, начиная с седьмого, и еще почти год после окончания школы, в институте, – в общей сложности пять лет. Но потом так сложилось, что я почти завязал со стихами и почти десять лет почти не писал стихов. Раз в пару лет стишок напишу, а то и реже. К концу 80-х я начал расписываться, но очень медленно, постепенно. Толком я начал писать только в начале 1990 года. И, думаю, в огромной степени меня к этому подтолкнул как раз Саша. Я помню, что всегда надеялся, что обязательно буду писать, но 80-е годы – это был период, когда я искал и не находил свой поэтический язык. Саша, можно сказать, личным примером подтолкнул меня. Мы много общались в те годы, и я видел, что он все время пишет, что-то записывает в блокнот, постоянно садится за машинку и что-то печатает. В общем, я видел его постоянно у пишущей машинки, с тетрадкой и ручкой всегда под рукой.

И вот однажды в 1988 году в Москве, я тогда гостил у своей приятельницы, художницы Гали Князевой, и Саша меня там навестил. Я помню, что у нас был большой разговор тет-а-тет в той квартире. Кажется, я жаловался ему на какой-то кризис, тупик в своей жизни, как я тогда это ощущал. И он вдруг сказал мне: «А почему ты не пишешь? Это же так круто! Берешь слово...» – и

он сделал такой жест – как кот в воздухе птичку лапой поймал. Вернее, не то чтобы поймал, а так мягко, аккуратно взял в воздухе невидимый и как бы парящий небольшой шар. Размером с теннисный мяч. И повторил: «Берешь слово, потом берешь другое», – и опять сделал подобный жест, теперь уже другой рукой, будто что-то опять поймал. Меня это восхитило! Он дал мне ход, подарил ход, открыл путь моим мыслям, я почувствовал, что, оказывается, найти свою дорогу в литературе проще, чем кажется: берешь слово, берешь другое и...

И я расписался, но не сразу после этого. Во мне эта мысль засела, и еще через пару лет меня как прорвало. Эта его подсказка была для меня чрезвычайно важна, и я ему за нее очень благодарен.

М. Я.: Что-то еще было дальше?

Г. Л.: Много чего было. Не могу с ходу вспомнить, надо подумать. Но то, о чем я сейчас рассказал, было, наверное, главное, судьбоносное для меня событие.

Засел в памяти еще такой случай. Думаю, он добавит несколько черточек к тому, что за человек был Саша Попов. Был тогда какой-то сложный период в его жизни. Однажды едем мы в метро, вдруг он прикасается к стене вагона и тихо говорит: «Серафим Саровский, помоги». Потом еще раз прикасается и говорит: «Саша Попов, помоги». Теперь я сам частенько говорю: «Саша Попов, помоги», – и мне он помогает. Он, кстати, и внешне похож был на Серафима Саровского, судя по изображениям на иконах.

А однажды он пришел в Эрмитаж и сел на царский трон. Об этом потом рассказал Невзоров¹ в своих новостях («600 секунд», кажется). Они с Невзоровым вроде приятельствовали в молодости. И тот по телеку рассказал, что питерский городской сумасшедший Александр Попов сел на царский трон и объявил себя царем-батюшкой.

У меня хранится мемуар Тиля про Сашу, написанный по моей просьбе еще в конце 90-х. Гораздо более подробный, нежели его недавнее интервью. Письменный мемуар, который никогда не публиковался.

Видимо, я так много взял, впитал от Саши (да и от Димы тоже), что со мной как-то произошел такой случай. Стоял я как-то в Питере у «Сайгона», и вдруг пьяный, бомжеватого вида мужик подошел ко мне со словами: «Ты Саша Попов». Это было удивительно.

Впрочем, есть в моей внешности и натуре, видимо, такая особенность, что мне часто говорят про мою схожесть с самыми разными людьми. С какими-то знаменитостями или просто с чьими-то знакомыми. Я постоянно слышу от кого-то: «Вы похожи на того-то». С какого-то момента я даже начал вести такой список, и там уже сотни персоналий, от Пушкина до льва Бонифация из мультфильма. Сам Саша мне сказал как-то: «Ты похож на Фрунзика Мкртчяна». А узнав, что я наполовину армянин, добавил: «Ной – армянин, значит все люди армяне».

Но когда этот мужик принял меня за Сашу, я сильно удивился, потому что, ну, все-таки я шатен, глаза у меня карие, а у Саши были серые глаза и светлые волосы, ну и вообще другой совсем типаж. И Саша был гораздо старше меня. Мужик даже не говорил, что «похож», он просто сказал: «Ты Саша Попов». Не как вопрос, а как утверждение. Постепенно из его пьяного бреда я понял, что для него Саша Попов – это собирательный образ. Хотя он имел в виду действительно нашего Сашу Попова, с которым он иногда пересекался у «Сайгона»...

М. Я.: Почувствовал, наверно, что от тебя исходит похожая энергия?

Г. Л.: Как я понял, у него было своеобразное представление, что существует особая категория людей, такие «саша поповы», наподобие христов у хлыстов, и он решил, что я такой же, из этих.

М. Я.: Саши Попова уже не было в живых, когда он тебе это сказал?

Г. Л.: Саша был жив, это в конце 80-х было.

М. Я.: Когда Саша умер?

Г. Л.: В 95-м.

¹ Александр Невзоров внесен Минюстом РФ в реестр «иностранных агентов». – Ред.

М. Я.: В связи с его уходом у тебя есть какие-то ощущения, подробности, что-то еще? Или ты знаешь то же, что Тиль и все, – что толком ничего не понятно?

Г. Л.: Да, я знаю, что его нашли повесившимся (или повешенным) на кухне в его квартире и что незадолго до этого повесился и его сосед, прапорщик-алкоголик. А когда-то была история, когда Саша поджег квартиру и вышел голым на карниз, его как-то сняли и отвезли в психушку. Он и сам об этом рассказывал, и какие-то до меня доходили слухи.

Однажды в Москве он повел меня в театр Анатолия Васильева, и мы долго, часа полтора ждали в фойе, когда выйдет Васильев. В итоге Васильев выскочил, сухо и коротко с ним поздоровался и убежал. Еще помню, как Саша Попов завел меня в кабинет Генриетты Яновской в Московском ТЮЗе, где она к тому времени, в конце 80-х, стала главным режиссером. Мы посидели сперва вдвоем в кабинете, там никого не было, потом появилась она. Как раз она говорила с Сашей очень ласково и была рада.

Еще уйма каких-то деталей вспоминается, вроде бы ничего не значащих...

М. Я.: Они с этим прапорщиком жили вдвоем в квартире?

Г. Л.: Да.

М. Я.: То есть от них могли избавиться последовательно – от одного, потом от второго, чтобы квартиру заполучить каким-то образом?

Г. Л.: В смысле?

М. Я.: Да чтобы получить квартиру. Тем более, если они вели себя странно, да и годы были такие.

Г. Л.: Макс, я не могу ничего об этом сказать, я не знаю.

М. Я.: Квартира в центре могла кому-то понадобиться?

Г. Л.: Не знаю. Некоторые Сашины знакомые не верят, что он это сам сделал. Я ничего сказать не могу.

М. Я.: Непохоже, что-то тут не сходится.

Г. Л.: Я не знаю. Не верил, например, в Сашин суицид его друг, гениальный мим Коля Никитин. Он категорически не верил и говорил, что буквально чуть ли не в тот же день или накануне встретил Сашу на улице и что тот был весел, доволен, какую-то показывал свою публикацию в газете. Но попадались мне и другие мнения о его настроении в этот поздний период его жизни. Вообще он был человек эмоциональный и эмоционально переменчивый, это всегда чувствовалось, несмотря на некоторую сдержанность внешних проявлений.

Кстати, его газетные публикации надо бы найти. В последние годы его жизни, примерно в 1993–1995, как я слышал, печаталось несколько Сашиных заметок в какой-то питерской газете. Скорее всего, это была газета «Час пик», в которой появился и его некролог, написанный драматургом Александром Образцовым.

Сам я в эти годы с Сашей уже почти не общался. Моя дружба с Сашей и Димой принесла череду важнейших впечатлений моей жизни, которые меня напители, наполнили. Да так, что я нашел в себе силы и возможность писать стихи, нашел свой взгляд и свой стиль в литературе, в поэзии. Но, как ни странно, именно тогда, когда я это нашел, мое с ними общение почти прекратилось. Благодаря этим двум удивительным людям я стал самим собой, и в каком-то смысле они стали мне не нужны. А я – им. Мне, наверно, было бы совестно, но дело в том, что я и от некоторых наших общих знакомых слышал о подобном развитии отношений с ними.

Саша благосклонно отнесся к моим зрелым поэтическим опытам. Помню, что, когда я ему читал их и показывал, он улыбался, одобрительно кивал. Определенно ему понравилось стихотворение «Дорогие люди!..». Особенно он хохотал над строчкой «Признайся, ты секс-маньяк?». Сказал даже: «Действительно, кто ж не признается, что он секс-маньяк».

Это была последняя или одна из последних наших встреч. В конце 91-го или в 92-м.

Что касается Димы, то он как раз меня очень сильно обломал, когда я попытался показать ему свои стихи, почитать. Это было в Москве в 1990 году. Кажется, в конце февраля или начале марта. Когда я еще только-только как следует расписался...

Кстати, я как-то зашел к нему в конце 80-х домой, в Питере... Дима тогда был женат на Ларисе Назенцевой. Лариса – поэтесса. Когда она попыталась мне и другим гостям то ли почитать, то ли дать почитать распечатку, как-то свои стихи продемонстрировать, Дима очень резко, жестко это пресек: «Ну что ты пристаешь к людям с этими своими стихами?» Мне было ужасно неудобно перед Ларисой, но действительно, я был уставший, только что с поезда, и ни сил, ни настроения читать или слушать стихи в том момент совершенно не было.

Так вот, в 90-м году, в конце февраля или начале марта, Дима приехал в Москву, и мы с ним пошли гулять. Мы гуляли по московским улочкам где-то в центре, и я ему признался: «Дима, я теперь пишу стихи». Он что-то пробормотал, как всегда невразумительное. Я говорю: «Давай я тебе почитаю».

Я был одержим, потому что после почти десятилетнего перерыва вернулся к поэзии и наконец-то мне самому мои собственные стихи стали нравиться. Я помню, что достал самиздатскую машинописную, мною самим отпечатанную книжку с этими свеженеписанными стихами. То, что мы шли по улице, как-то не очень способствовало чтению более характерных для моей новой поэтики миниатюр из нескольких слов, они требуют более медитативного состояния, особого настроения, а мы шли по улице, машины ехали рядом... Поэтому я выбрал стихотворение довольно длинное, на страницу. По моим меркам большое. А главное, я выбрал его потому, что оно было посвящено Диме Тимченко. Ну, вот я и говорю: «Я тут тебе посвятил стишок, сейчас прочитаю».

Оно не сохранилось, я уничтожил, сжег первые свои машинописные тома, первые пять. Из них многое, как птица феникс из пепла, восстановилось. Я надеюсь, что почти всё лучшее. А именно это стихотворение, кажется, нет. Хотя не исключено, что где-нибудь в пучинах моего архива оно когда-нибудь найдется¹. Я помню только пару слов, что-то было там про кротих. Какой-то стих про каких-то кротих. Это было некое сюрреалистическое нагромождение слов и образов, фантазмагория поэтическая. Мне показалось, что она очень в Димином духе, поэтому я и поставил посвящение ему. И, воспользовавшись случаем, решил это ему прочитать.

Мы шли по улице, и, как только я начинал декламировать (а я достал книжку, чтобы не сбиться), на первых же строчках, буквально с первых же слов, с первого произнесенного мною звука стиха, Дима тоже сразу начинал что-то импровизировать, наговаривать какой-то, как бы тоже стихотворный текст, соединяя далековатые понятия посредством ритма. Так что зайти далеко мне не удавалось...

М. Я.: Он хотел полифонии. Ната говорила, что, как только садилась картину писать, он тоже...

Г. Л.: Он меня обломал, потому что мне хотелось прочитать, хотелось, чтобы он, мой в некотором роде кумир, выслушал. Тем более – с посвящением ему. Причем он внимательно так смотрел на меня, делал паузу, вроде готов послушать, но только я раскрывал рот, он тоже сразу начинал что-то тараторить примерно в том же стихотворном размере. Я трижды, по-моему, пытался. Всякий раз это повторялось. Говорю: «Дима, ну послушай, пожалуйста». – «Да, да», – и опять то же самое.

Я обиделся и перестал, ушел тогда, и всё. Мне кажется, мы даже больше уже никогда и не виделись. Во всяком случае, активное наше общение на этом закончилось. Не виделись не потому, что я обиделся. А потому что, как я уже говорил, пока я искал себя в те годы, мы много общались. А когда я себя нашел, уже я из этого гнезда вылетел и существовал сам по себе. Жил своей жизнью.

М. Я.: А на спектаклях Сашиных ты не был?

Г. Л.: Нет. На каких спектаклях?

М. Я.: «Придверие» шло в театре? Это единственное было или что-то еще?

Г. Л.: Мне кажется, это была единственная прижизненная постановка Сашиной пьесы, и она ведь недолго продержалась. Ну, может, несколько месяцев, несколько представлений в каком-то ДК. Я о ней в то время даже не слышал, к сожалению. Иначе обязательно съездил бы посмотреть.

¹ Впоследствии стихотворение, о котором идет речь, нашлось. Его можно прочитать в моем «живом журнале»: <https://lukomnikov-1.livejournal.com/1060964.html>. – Г. Л.

Я помню, как при мне к Саше в гости заходила его приятельница, режиссер Марина <Шрон>, которая тоже очень заинтересовалась «Придверием» и хотела его поставить. И Саша ее консультировал, говорил ей, как ставить эту пьесу: «Нужен ирреальный вруб. Если будет ирреальный вруб, то всё получится. Не будет ирреального вруба – ничего не получится».

Я помню, что эта режиссерка была еще и драматургом и у нее, если не ошибаюсь, была пьеса, действие которой полностью происходит в застрявшем лифте.

Ты спрашивал про особенности быта. У Саши была такая манера, он ненавидел этикетки с обозначением фирмы. Он и у себя, и у всех своих друзей и знакомых в обязательном порядке срезал, счищал, соскребал все этикетки с одежды, со всевозможных бытовых предметов. Такой у него был пунктик.

Я однажды у себя в Орехово-Борисово среди ночи проснулся от какого-то очень странного звука, ритмичного скрежетания. Проснулся, встал, не мог понять, что это такое, прошел в ванную и увидел Сашу (который в эти дни у меня жил): он, склонившись над ванной, то ли напильником, то ли наждачной бумагой сводил клеймо с моей кастрюли, там даже не этикетка была, а рельефный такой знак.

М. Я.: Ему не нравилось, что там написано?

Г. Л.: Там просто было название посудной фабрики и, видимо, какие-то данные, полагававшиеся по ГОСТу.

М. Я.: Ему хотелось, чтобы был смысл, если что-то пишется на стенах, на предметах, на вещах, чтобы это имело какое-то значение, протестовал против любого клейма...

Г. Л.: Наверно, так. Он сводил это, как дурную татуировку. Ну ладно этикетку бумажную или тряпичную оторвать, но тут большая работа. Он целый час напильником срезал эти буквы и цифры с кастрюли. Глубокой ночью! Хотя, казалось бы, какое ему дело до моей кастрюли? – он ко мне приехал на несколько дней.

М. Я.: Стирал лишнюю информацию.

Г. Л.: Я вот думаю, что самое ценное было бы, гораздо ценнее моих дурацких воспоминаний, – просто опубликовать его тексты. А вот еще что действительно интересно, так это то, что я к нему привел Янку Дягилеву в гости. В марте 1988. Ее тогда еще практически никто не знал. Она у него пела, и он записывал. Янка пела под гитару свои песни и песни Егора Летова, но перед тем как петь Егора, всегда просила выключить магнитофон. Считала, что его записи должны распространяться только в авторском исполнении. А свои разрешала записывать. Помню, Саша со смехом сказал по поводу строчки из ее ранней песни, что «телевизор с потолка свисает» – это как раз про его комнату, и показал на телевизор, действительно висевший у него под потолком.

У него был кассетный магнитофон. Он часто включал его, обычно у него дома звучал «Аквариум» или еще что-нибудь из питерского рок-клуба. Я помню, мы с Галкиным как-то пришли, включили этот магнитофон, а он сидел за столом и печатал что-то на машинке. А мы с Галкиным в уголке сидели и слушали «Аквариум». Он на нас посмотрел и сказал с улыбкой: «Аквариумисты».

Когда я Володю Кутеко к нему привел, Саша что-то вещал, а Володя сидел в уголке. Он видел и слышал Сашу впервые и был очень впечатлен, но держал указательный палец у краешка глаза, и Саша в какой-то момент ему заметил, что это жест психиатра.

М. Я.: Будущего! Володя ведь тогда еще психиатром не был?

Г. Л.: Не был ни тогда, ни потом.

М. Я.: Сейчас он стал вести какие-то консультации...

Г. Л.: А, точно! Ну, не психиатрические, но что-то вроде психотерапии. Получается, что Саша напроорочил.

М. Я.: Видишь, у него была способность – и в случае с тобой, и с Володей, он вам путевку выписал.

Г. Л.: Получается, так. Конечно, всё, что говорил Саша, что говорил Дима, нужно было записывать на магнитофон, а еще лучше – на видео. Ужасно обидно, что это все не сохранилось, а

вспомнить трудно. Ну, хотя бы тексты остались. Да и то, видимо, далеко не все. Впрочем, Димины стихи, по правде говоря, дают слабое представление о его речи. Как ни парадоксально, она была, на мой взгляд, гораздо более концентрированно-поэтичной. Или, может быть, самый факт речи и ее импровизационная природа делали ее таковой. Есть все же разница между писанным текстом и устным, рождающимся у нас на глазах, в Димином случае совершенно непредсказуемым. А вот Сашины тексты, особенно его эссеистика, довольно близки к Шашиной речи. Это, собственно, и есть его байки, «телеги», записанные им самим.

М. Я.: Ты переводишь это на свои языки.

Г. Л.: Во мне это как-то опосредованно. Они мне, конечно, отцы родные, но куды мне до них... Ужасно жаль, что невозможно сейчас послушать хотя бы магнитофонные записи. Ведь можно было записывать, они же оба говорили без остановки почти.

М. Я.: Потому что были включены.

Г. Л.: Не было такой традиции – фиксировать. Однако сам Саша записал Янку. Возможно, это была одна из ее первых аудиозаписей. Она не сохранилась, поскольку весь Сашин архив пропал после его смерти. Надо было сразу кому-то ехать туда и всё забрать, но, увы, никто этого не сделал.

Дополнение к беседе

Перечитав нашу беседу, хочу, хотя бы конспективно, добавить еще кое-что.

Однажды Дима вбежал ко мне в квартиру запыхавшись, со здоровенной шишкой на лбу, явно после драки, удирая от погони. Через день от шишки не осталось и следа. У него тогда была манера гасить сигаретные бычки об себя. Обычно об руку, а иногда о кончик собственного носа. У кого другого вообще бы нос отвалился. Я даже видеть этого не мог, а ему хоть бы хны, это просто его бодрило. На нем в те времена, как говорится, все зарастало как на собаке. Поговаривали, что он и в окошко выходил бог знает с какого этажа – и ничего. Он все время себя истязал, испытывал границы своих возможностей. У него какой-то волшебный, йоговский был организм. Дима был похож на джинна, вылетевшего из бутылки. Но, кажется, в конечном итоге он все же, к несчастью, преуспел в этих опасных экспериментах.

У него была очень подвижная, выразительная мимика. Он то и дело тянул носом, будто нюхиваясь в окружающий мир, и недовольно морщился, как мышка. И вдруг улыбался обезоруживающе. Сморщит носик, ухмыльнется, аж просияет весь, а потом ка-ак сказанет что-нибудь – и думай: что бы это значило?

А у Саши была очень загадочная улыбка, одна из его улыбок. Загадочная, как улыбка Джоконды. Притягательная и в то же время слегка пугающая: одним уголком губы при очень серьезном взгляде. Такую улыбку я видел только у трех людей: у моего папы, Саши Попова и перфомансиста Бренера.

Как-то мы были с Андрюшей Галкиным в гостях у Димы, на Невском. И зашел еще какой-то юноша. Они с Димой не были знакомы, познакомились при нас. Кто-то этому мальчику дал Димин адрес, и он пришел. Из его слов можно было понять, что у него был сенсей, кореец, который учил его боевым искусствам и азам восточной философии, но что теперь он его перерос и ищет себе другого наставника, и вот ему посоветовали Диму. Как дзенского гуру, что ли. Парень был нагловатый и хотя пришел с просьбой, тон у него был довольно агрессивный, а болтал он без умолку. Тяжело было все это слушать. Дима изредка вставлял иррациональные реплики, потом вдруг перебил, воскликнув что-то вроде: «Айда! за мной, робяты!» – и выбежал на улицу. Мы с Андреем и этим парнишкой бросились за ним. Полчаса мы все куда-то неслись как угорелые, потом вслед за Димой влезли в какие-то развалины. На цыпочках, переговариваясь шепотом, прокрались в какое-то странное пространство с признаками жилища. Помню, что там были матрацы,

чайник, следы костра и почему-то живой петух. Это в центре Ленинграда. Дима там что-то искал. Клад, что ли, какой-то. И тут появилась куча мужиков бомжовского вида, очевидно здешних обитателей, они орали и приближались с явным намерением нам навалить. Мы опрометью рванули оттуда. Дима петлял, сбивая со следа и мужиков, и того парнишку, но нас с Андреем, затаившихся между какими-то ящиками, в какой-то момент выхватил за шкуру: «Чего сидите? Бежим!» – помог перелезть через забор, и мы, уже вдвоем, помчались обратно к нему домой, пить чай с вареньем. Незванный гость больше не появлялся. Там, в этом бомжатнике, по его растерянной физиономии с блуждающей улыбкой видно было, что он получил то, чего искал. Просветление.

Помню, как-то Лариса возмущалась еще одним гостем (действительно ужасно неприятным), застав его ночью за мастурбацией у них в кресле посреди комнаты. «Сидит в темноте, как паук, и дрожит», – сказала она. А Дима отнесся неожиданно снисходительно: «Ну подумаешь, человек устал, хотел отдохнуть...»

Вообще, когда в Диминой абсолютно алогичной речи изредка мелькало что-то понятное, это по контрасту производило впечатление. Однажды он что-то мне вручил ценное, что мне действительно было нужно или просто понравилось. Кажется, это была керосиновая зажигалка времен войны, уже тогда музейная вещь, найденная им, как обычно, на помойке, при этом вполне в рабочем состоянии. А я, заглядевшись, забыл поблагодарить (да и, может быть, мне казалось, что такой инопланетянин, как Дима, выше этих наших условностей). А он вдруг с грустью сказал: «Спасибо говорили в старину». Со временем эта фраза вошла у меня в поговорку для таких ситуаций. Или вот, помнится, зашла речь о человеке по прозвищу Колесо – Витя Колесников, который всегда пьяненький стоял у «Сайгона», со всеми общался и собирал еще на выпивку, – его знал весь Питер. И Дима восторженно выдал его точную характеристику, афористичную, как из житий святых: «С человеком – человек! Со львом – лев!» Еще мне почему-то запомнилась такая, совершенно ни к селу ни к городу сказанная Димой фраза: «А вот ежели посинеешь на морозе, как Кириша, – тогда что?»

Однажды мы с Андреем зашли к Диме, и он подарил нам странные, сделанные им штуковины изумительной красоты, каждому по одной. Такие арт-объекты, небольшие прозрачные пакеты, набитые всякой всячиной – тряпочками, разноцветными обломками стекла, засохшими цветами... Это было составлено очень стильно и ни на что не похоже, и в этом был весь Дима, его парадоксальная эстетика. Но мы приехали налегке, без сумок, без рюкзаков, и когда пришли к Саше с этими штуками в руках, он с порога строго так посмотрел, спросил: «От Димы?» – мы кивнули, и Саша нас к себе не пустил. Сказал: «Избавьтесь от этого мусора, потом приходите». А податься нам некуда было. У Димы тогда невозможно было переночевать. Да и очень уж нам хотелось пообщаться и с Сашей тоже. Мы битый час бродили по улицам, предлагали эти объекты прохожим, но никто не хотел брать, мало ли что там. В конце концов мы просто положили их на перила в каком-то скверике: авось кто подберет. После чего вернулись к Саше, и он нас принял. Но этих штук мне до сих пор жалко.

Сам Саша тоже делал некий поп-арт – в основном из камней, но и из других разнообразных предметов, наклеивая всё это клеем «Момент» на куски плотного картона или оргалита и оформляя эти работы, с помощью того же «Момент», веревочными, из нетолстого каната, рамками. Однажды я купил у него такой объект – из половинки игрушечного пластмассового пистолета и тому подобной фигни. Купил, кажется, рублей за пять, для меня это была серьезная сумма. В 2017 году я демонстрировал его на одной выставке в Зверевском центре. К сожалению, объект после этого совсем развалился и нуждается в реставрации.

Дима постоянно куда-то несся кого-то спасать, самых разных людей – из каких-то самых «стремных» ситуаций. И действительно спасал, при всей своей хаотичности. А Саша писал: «Люди стали забывать, что нельзя других спасать...». Но, как я слышал, однажды сам Дима попал в большую беду, фактически в плен, в рабство к каким-то подонкам, на которых его магия почему-то не подействовала. Они издевались над ним, как над человеком второго сорта, и он, скорее

всего, там и погиб бы. Это было где-то на другом конце страны, любовь к путешествиям его туда занесла. Но, по счастью, приехала Лариса, бесстрашно вступила в переговоры с этими бандитами и каким-то чудом сумела Диму оттуда вытащить, сама его спасла.

В конце 80-х, когда стала появляться куча всевозможных партий и организаций, Саша вступил одновременно в Демократический союз и ЛДПР. Это было немыслимо, ведь это были противоположные, противоборствующие партии, их лидеры и члены терпеть друг друга не могли. Он это прекрасно понимал и со смехом всем об этом рассказывал. Регулярно приезжал в Москву на съезды, собрания этих партий, и когда его там спрашивали, кого он, собственно, представляет, с самой серьезной миной отвечал: «Саша Попов, масонская ложа». Или даже: «Саша Попов, жидомасон». Мне от таких шуточек было, по правде говоря, немного не по себе. Пару раз он водил меня на митинги Демсоюза и однажды на их домашнее собрание. С участием Новодворской и Дебрянской. Было интересно, но все же такого рода деятельностью я не увлекся. Об этой стороне Сашиной жизни, наверно, мог бы подробнее рассказать Николай Храмов из ДС. Кажется, Саша с ним приятельствовал и у него в Москве останавливался.

В Питере Саша пару раз водил меня сниматься в кино. Однажды мы ходили на Ленфильм. Кажется, с Володей Кутеко. Там шла подготовка к съемке научно-фантастического фильма, и им нужны были инопланетяне. Я их, к моему огорчению, не заинтересовал. Володе, кажется, предложили еще заходить. А вот Саша заинтересовал чрезвычайно, и киношники целый час с ним беседовали и записывали на видеокамеру этот разговор. Как знать, вдруг он сохранился в ленфильмовских архивах. Хотя вряд ли, конечно. Во всяком случае, это ничем не кончилось. Не знаю даже, что за фильм, был ли он в конечном итоге снят, кто режиссер... В другой наш приезд, после этой неудачи на официальной студии, Саша водил нас, кажется, с Галкиным и Кутеко на съемку «параллельного кино» – у режиссера-«некрореалиста» Евгения Юфита. Снимались мы в массовке, толпой из десяти-пятнадцати человек, зимой, топтались на снегу в тулупах и ушанках. Нарочно просмотрел сейчас на ютубе все фильмы Юфита конца 80-х. Судя по картинке, это была съемка фильма «Весна» 1987 года, там значительная часть действия происходит на фоне снежного пейзажа, и тоже есть люди в ушанках. Но кадров с нами, увы, не нашел. Наверно, негодились¹.

А еще Саша мне рассказывал, что Лариса Шепитько хотела снять его в своем фильме «Восхождение» по Василию Быкову, в главной роли. В роли партизана, попавшего в фашистский плен и повешенного, потому что даже под пытками отказался сотрудничать. Но что-то, как всегда, не заладилось. Кажется, мосфильмовское начальство отказалось утверждать на такую серьезную роль непрофессионального актера. Так что в результате ее сыграл Борис Плотников. Теперь думаю, что как-то эта несыгранная роль трагично соотносится с Сашиной судьбой.

Кстати, Дима все-таки был чуть-чуть запечатлен на видео. «В Контакте» на странице Макса (Якубсона) можно найти кадры, где Дима на похоронах Кривулина стоит и тихонечко аплодирует. Стоит в толпе, аплодирует один, это очень в его духе. За год до своей собственной смерти.

Саша рассказывал, как у него вписывался Сольми, московский художник-хиппи, и что Сольми в разговоре в какой-то момент по какому-то поводу поклялся: «Век трассы не видать!», – а Саша сказал ему, что с такими клятвами надо поосторожнее, потому что сам он вот уже лет двадцать не ездил автостопом, как-то не складывается. Почему-то он водителей-дальнобойщиков неодобрительно называл рефаимами. Вообще это было одно из его любимых библейских словечек. Он часто повторял: «Никогда не оживут рефаимы»².

Про Высоцкого он говорил, что разочаровался в нем, когда увидел его в ленфильмовском буфете и оказалось, что Высоцкий «какой-то маленький», невысокого роста. Кажется, он воспри-

¹ Мельком Сашу Попова можно видеть на ютубе в фильме «Хиппи в СССР» на канале «Улица Любви», на 5:50-5:52 и еще раз буквально в следующую секунду, на 5:52-5:53 (в правом верхнем углу, затем ближе к центру). – Г. Л.

² Ср.: «Мертвые не оживут; рефаимы не встанут...» (Книга пророка Исаии. 26:14).

нял это как обман, несоответствие фамилии. А я с детства фанат Высоцкого, и мне странно было это слышать, тем более что Саша и сам был маленького роста.

Саша любил расшифровывать фамилии. Мне повезло, мою он расшифровал так: «Лукомников – это ЛУКОМ-НИ-КОВ. Лук – это оружие, лук со стрелами. Ковы – это оковы. А “ни” – отрицательная частица. Значит, ты луком делаешь “ни” ковам. То есть с оружием в руках освобождаешь всех от оков». После этого я даже изменил свою подпись и стал подписываться именно так, трехэтажно: большими буквами «НИ», прямо по ним сверху буковками помельче – «луком», внизу – «ков». А ведь мне было уже лет двадцать пять. Возможно, это как-то повлияло на мою судьбу.

Саша удивительно читал свои стихи: тихо, хотя внятно, и о-о-очень медленно, второе медленнее, чем обычно читают, с огромными паузами: «Живу (пауза) один. (Долгая пауза, такая долгая, что кажется, он передумал читать дальше, – и вдруг все-таки продолжение.) А почему? (Пауза – и затем очень тихо, растянуто, лениво.) Да потому что лучше одному...»

Помимо его собственных коллажей, у него дома, на стенах, было несколько и чужих картин, видимо подаренных ему авторами. Отчетливо помню я только одну, очень выразительную «наивную» работу митьковского художника Ивана Сотникова, которая называлась «Красные ёлы – зеленые палы». Это был обычный черный противень от духовки, на котором масляной краской было накалякано несколько красных елок (очень условно, как дети рисуют, несколькими линиями), а между ними такие же кривоватые зеленые вертикальные черточки. Саша прятельствовал с этим замечательным художником, знакомил меня как-то с ним. Позже тот стал священником.

Кстати, Саша мне однажды, смеясь, рассказывал, что на каких-то посиделках в Союзе театральных деятелей Митя Шагин начертал у него на лбу слово «ДЫК» – и таким образом посвятил его в митьки. Правда, когда я через много лет познакомился с Митей и спросил об этом эпизоде, оказалось, что он не помнит.

Саша иногда цитировал экзотические тексты, ходившие в те времена в самиздате: Кастанеду (одно из его любимых выражений было оттуда: «точка сборки») и сочинения блаженного Иоанна (Вениамина Береславского). Последнего я однажды встретил у Саши в гостях. Мы пересеклись в дверях: я пришел, а тот уходил. Глава «Богородичного центра» посмотрел на меня печально и сказал: «Герман скорбями идет».

Кстати, когда мы познакомились с Сашей, я сам и несколько близких мне в те времена людей находились под сильным влиянием одного московского «гуру», оккультиста с крайне экстравагантным образом жизни, не буду называть здесь его имя. И вот, помню, мы показали Саше фотографию этого человека и спросили, что он о нем думает. Они не были знакомы, и мы Саше ничего о нем не рассказывали, он понятия не имел, кто это такой. Но, посмотрев на фото, он с легкой брезгливостью сказал: «Этот человек... журналист. Спортсмен. В нем еще слишком много мяса». И хотя человек на фото вовсе так не выглядел и занимался он не спортом, а йогой и чем-то вроде гипноза, да и журналистом, в буквальном смысле этого слова, он не был, с этих Сашиных слов наша очарованность этим «гуру» начала проходить.

Саша умел быть жестким, иногда даже жестоким. Он радушно принимал самых разных гостей, но всегда мог в какой-то момент сказать: «Аудиенция окончена».

Однажды ему показалось, что я хлопнул дверью его комнаты, и он меня выгнал. Сказал: «Уходи». Или даже: «Ну и вали отсюда». Дверью я не то чтобы хлопнул, но, может быть, в самом деле прикрыл ее немного резко. Нечаянно. Но по Сашиным меркам тишины и спокойствия это и было «хлопнул». Во всяком случае я действительно был чем-то раздражен, и он это почувствовал. Причем в квартире была большая хипповая компания, которую в основном я же и привел. А выгнал он меня одного. Податься мне тогда в Питере было некуда, я-то надеялся, как обычно, у него переночевать. На улице сильный дождь с ветром, я промок, продрог. Рыдал, что мой кумир так со мной обошелся. Звонил из автомата незнакомым людям в поисках вписки. Очень было грустно. Мало того, через пару месяцев в Москве, зайдя ко мне в гости, Саша как ни в чем ни бывало рас-

сказывал: «Ты знаешь, как только ты ушел тогда, стало так хорошо. Все так сразу расслабились. Так хорошо, как на Тайной вечери после ухода Иуды». Он говорил это с улыбкой, почти восторженно, будто бы предполагал, что я тоже обрадуюсь. Но я, конечно, ужасно обиделся. И долго не общался с ним после этого. Но я не мог сердиться на него бесконечно.

Однажды у кого-то в гостях, заглянув в туалет, он выразил неудовольствие тем, что, мол, унитаз неправильный: с вертикальным сливом. И, эпатируя хозяев, стал с веселым воодушевлением рассказывать, что он в последнее время «научился гадать по говну!» – как на кофейной гуще. По его конфигурации, по тому, как оно ляжет. А для этого нужно, чтобы у унитаза дно было горизонтальное. Подробностей этой его копромантической теории я не помню. Притом что один из сквозных мотивов его эссеистики – мотив поедания экскрементов законопослушными гражданами. Мотив, к которому он пришел независимо от В. Сорокина (роман «Норма») и В. Войновича (роман «Москва 2042»), хотя и немного позже. В жизни он, получается, нашел этой субстанции гораздо более интересное применение.

В 1991 году я собирал подписи под обращением общественности в суд с просьбой о помиловании Володи Кутеко, который пытался перейти литовско-польскую, тогда еще советско-польскую границу, но был схвачен нашими пограничниками. Помню, Саша подписал это обращение, но с каким-то личным уточнением, особым мнением в скобках, что-то его не устроило в моих формулировках. Надо будет найти, где-то в моем архиве сохранилась копия. Пока Володя сидел в предварительном заключении, случился августовский путч, Союз распался, и сразу после суда Володю отпустили, поскольку выходило, что он переходил границы других государств. Кстати, распад страны Саша предрекал. Шутил, утрируя: «Да здравствует государство Чукчия!»

Кажется, в последнюю нашу встречу, в 91-м или 92-м, у него дома, он, помимо уже привычных мне «Весов» и «Северных цветов», показал свое новейшее издание, тоже напечатанное в нескольких экземплярах. Это был листок машинописи, а назывался он – «Литературная газета!» Там говорилось, что официальная так называемая «Литературная газета», используя в своем логотипе рядом с профилем Пушкина профиль большевистского писателя Максима Горького, несомненно, позорит пушкинские традиции, следовательно, является ложной «Литературной газетой». А для восстановления пушкинских традиций пора возобновить выпуск истинной «Литературной газеты», чем он, Саша Попов, отныне и намерен заниматься. Не знаю, сколько номеров вышло, но вот один (кажется, самый первый) я видел своими глазами.

Помню, читал когда-то в каком-то театральном журнале статью Ежи Гротовского «Перформер» – и мне казалось, что это про Диму и про Сашу. Вот несколько цитат, наугуглил сейчас: «Перформер с большой буквы – это человек действия. Это не тот человек, который играет роль другого. Это танцор, жрец, воин: это человек, стоящий выше категорий искусства... Перформер – это образ жизни. Можно назвать его человеком знания... Перформер способен облечь импульсы своего тела в звуки (жизнь, льющаяся сплошным потоком, должна быть артикулирована). Жизнь свидетелей ритуала становится более напряженной; они говорят, что чувствуют чье-то присутствие. Так Перформер выстраивает мост между свидетелем и чем-то еще. В этом смысле Перформер – это pontifex, делатель мостов... Перформер открывает свою сущность, когда та гармонично слита с его телом, затем он следует по своему пути...» Чей перевод – не знаю. Не исключено, что Сашиной жены: совсем недавно узнал, что она была специалисткой по Гротовскому. Такое же ощущение было, когда в середине 90-х читал первую книжку Александра Секацкого «Моги и их могущества», вышедшую как приложение к «Митиному журналу». Другими текстами этого автора совсем не увлекся, а эту прочитал взахлеб. Вряд ли он был знаком с нашими героями, не уверен даже, что он о них слышал, но это будто бы про них написано.

Одна из главных вещей, за которые я благодарен Саше, – это то, что он в каком-то смысле открыл мне моего собственного папу. Мой папа, Геннадий Ильич Лукомников, был поэтом и художником-аутсайдером. Он всю жизнь прожил в Баку, всю жизнь рисовал, писал стихи и прозу для себя, никогда не публиковался, не выставлялся, и вообще его практически никто не знал в

таком качестве, в культурном отношении он жил как на необитаемом острове. Он погиб в 38-летнем возрасте, когда я был подростком. Моя бабушка, папина мама, передала мне его творческое наследие – чемодан и пару сумок с кучей рукописей, рисунков, фотографий, всяческих поделок и тому подобного. Я хранил это, иногда показывал друзьям. Рисунки мне нравились, некоторые стихи тоже, и все-таки я с детства привык относиться к папиному творчеству как к нашему семейному альбому, не более. Не зря говорится, что «нет пророка в своем отечестве» и что «большое видится на расстоянии». Однажды, году в 87-м, когда Саша гостил у меня в Орехово, я достал с антресолей заветный папин чемодан и стал ему показывать. Саша пришел в восторг! Я никогда не видел его в таком воодушевлении по поводу чужих произведений искусства. Он сказал, что это все гениально, что это надо как-то обнародовать и что мой папа мог бы стать папой всех хиппи, папой «системы», как папа римский для католиков. Особо его порадовало, когда я упомянул, что у папы была 2-я группа инвалидности по шизофрении. У самого Саши был такой же диагноз. И у Димы, кстати, тоже. И Саша считал, что 2-я группа шизы – самая «крутая», потому что 3-я – слабовато, а 1-я – это чересчур... Увы, папино наследие так толком и не издано, это остается моей мечтой. Но всё же с тех пор прошло две его персональных выставки (одна из них – в Музее naïf искусства), его стихи печатались в антологиях, была публикация его рисунков в британском международном художественном журнале «Raw Vision», посвященном ар-брюту и аутсайдер-арту. А началось все это с того, что Саша раскрыл мне глаза на значимость папиных творений.

По правде говоря, меня смущал Сашин монархизм. В одну из наших последних встреч я пересказал ему прочитанное мною где-то о поэте-обэристе Александре Введенском, который тоже был монархистом, за что и пострадал от государственного террора. Так вот, по чьим-то воспоминаниям, Введенский говорил, что при наследственной передаче власти на троне иногда случайно может оказаться порядочный человек, а при выборной системе такое невозможно. Саша рассмеялся и согласился.

Однажды мы с Сашей шли по Арбату, и вдруг он остановился, заказав уличному художнику-шаржисту свой портрет. Художник за пару минут нарисовал его, кажется, пастельными мелками на бархатной бумаге, напоследок закрепив рисунок аэрозольным лаком для волос. Саша немедленно подарил этот портрет мне. Он хранится где-то в моем архиве, надо будет найти. Вообще все это было весьма неожиданно. Хотя это не очень дорого стоило, все же в нашем кругу подобные «буржуазные» замашки – это было не принято. Вечное безденежье, да и сами все друг друга рисовали, бесплатно, еще и получше. Шарж, на мой вкус, получился не особенно удачный. Но для Саши, как я понял, это было важно как символический жест. Уличных художников у нас тогда не так давно разрешили, это было одно из веяний перестройки, и он, видимо, воображал себя где-то на Монмартре...

Однажды я привел Сашу в гости к своей бабушке, папиной маме, Дине Самойловне Якоби. Это было в квартире моих родных, в Москве, на «Юго-Западной». Мы сидели втроем, пили чай, разговаривали. Трудно вообразить более разных людей, чем Саша и моя бабушка, но они отнеслись друг к другу с большим уважением. Притом что обычно бабушка настороженно относилась к моим странностям и друзьям. Диму бы она точно не вынесла! Да и Саша частенько с подозрением относился к родственникам своих друзей, ссылаясь на Евангелие («Один возьмется, другой оставится», «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери...» и т. п.). Помню, как он со значением, как некий тест, ставил своим гостям песню группы «Телевизор» «Твой папа фашист». Но между Сашей и бабушкой явно возникла симпатия. Он не стал шокировать ее своими парадоксами, и, кажется, она почувствовала в нем что-то старинное, чего давно не бывает, из времен ее дореволюционного детства. А он мне потом сказал про нее: «Мало кому удастся в течение жизни собрать на своем лице такой хороший, правильный, праведный узор морщин. Это надо заработать».

Однажды он при мне набросал на листе бумаги малиновым фломастером рисунок «Саша Попов не пускает лжемузу Тэхнэ на Парнас» – и подарил мне. Этот листок у меня сохранился. Саша

как-то это тогда комментировал, но его объяснения помнились мне смутно. Хорошо, что теперь Интернет есть, можно погуглить. «Технэ» – по-гречески «ремесло», «практика» (от этого происходит слово «техника»), и в то же время это одно из понятий древнегреческой философии. Аристотель отделял «технэ» от эпистемы (знания, познания в некоем высшем смысле) и даже противопоставлял их. Саша, очевидно, спорил с идеей Н. И. Кульбина, деятеля искусства «серебряного века», близкого к футуристам. Идея эта известна в передаче Виктора Шкловского: «Кульбин говорил, что появилась новая муза – Технэ. Это – муза мастерства, ремесла, поднятого до искусства. Это было противопоставлено символистам. Это было серьезно» («О Маяковском», 1940). А Саша ведь как раз в своем машинописном журнале «Весы» декларативно подхватил знамя символизма.

Как-то захожу к нему на Чайковского, и он радостно говорит мне: «Я сочинил стихотворение из одного слова! Это слово “лабиринт”». И прокричал – не очень громко, но выразительно, почему-то несколько раз (кажется, это был единственный случай, когда Саша при мне кричал, – обычно он разговаривал довольно тихо, хотя и внятно, с хорошей дикцией, но тут был условный, театральный крик), растягивая гласные, как заблудившийся и отчаявшийся путник, а может быть, имитируя эхо: «Ла-а-аби-и-ири-и-и-инт!.. Ла-а-аби-и-и-ири-и-и-инт!.. Ла-а-аби-и-и-и-ири-и-и-и-инт!..» Затем Саша, кажется, как-то проинтерпретировал миф о Минотавре.

Еще отдельные Шашины высказывания вспоминаются: «Я пришел напрямь тех, кто расслаблен, и расслабить тех, кто напряжен».

«Мальчик хорошо кушает» – это про одного гостя (не его гостя! – моего), очень уж налегавшего на угощение. Я с тех пор о себе часто так говорю.

«Вываливаем!» – выходя с компанией из автобуса. Это словечко рассмешило Янку, она любила такие, простецкие. Особенно удивительно было слышать это из уст человека с такой рафинированно-интеллигентной, чуть ли не профессорской внешностью, каким был Саша.

Еще он все время говорил «как бы», вставляя этот оборот через каждые несколько слов, все у него было «как бы» – еще до того, как это стало повальной модой.

«И я так въехал!» – это произносилось с воодушевлением. В смысле, понял что-то, проникся какой-то новой идеей в результате некоего происшествия или чьих-то, может быть, случайно услышанных слов.

«Сатана поет п****страдательный романс “Подмосковные вечера”» – на эту тему у него была целая «телега», подробностей не помню.

И мое любимое:

«Мы, люди, все друг друга уродуем. Жизнь – это сореживание, кто кого меньше изуродует».

Сентябрь – ноябрь 2023

Александр МАРКОВ, Оксана ШТАЙН

«ПРЕРЫВИСТАЯ ПОВЕСТЬ О КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ» ЕЛЕНА ШВАРЦ:
ОПЫТ ИСТОЛКОВАНИЯ

Поэма Елены Шварц «Прерывистая повесть о коммунальной квартире»¹ была написана в марте-апреле 1996 г. Определение «прерывистый» у Шварц всегда было точным, жанровым – в предисловии декабря 1996 года к изданию маленьких поэм (реализованному во втором томе пяти-томного собрания, открывающемся поэмой «Хомо Мусает») поэтесса говорит, что маленькая поэма отличается от обычной поэмы «крайне прерывистым развитием фабулы»². В маленькой поэме Шварц там же выделяла подземное течение сюжета, возвращение к истоку, контрапункт, и в конце концов трагическую структуру с монологами, хорами, катарсисом и апофеозом.

Суперэкуменическая «Прерывистая повесть...» ставит вопрос: чей это апофеоз? Героев, праведников различных религий, принесенных в жертву, или «я», субъекта речи, который подслушивает разговоры героев из другой квартиры? Этот/эта «я» говорит после исчезновения, апофеоза, вознесения героев итоговые слова:

И царство Духа наступает
На небе, море, на земле,
И гул колоколов не тает,
Трепещет в бедной голове.

Царство Духа, или Царство Третьего Завета, по Мережковскому и Гиппиус, оказывается уже не проповедью, а – колокольной симфонией, резонанс которой доходит до небесных высот и подземных глубин. Сама эта идея восходит к знаменитому Иоахиму Флорскому (1135–1202), калабрийскому аббату, соединившему письменный нарратив проповеди и графические схематизации догматов в их практическом измерении реформы монашеской жизни – благодаря такому наложению и получилось, что книги двух Заветов уступят Завету, начертанному в сердце как особая графика, идеальный рисунок праведности. Виктор Кривулин упоминал местноточимого святого как символ всей Италии и всего лучшего удела человечества в ранних стихах:

Я зажмурюсь – во тьме промелькнут
стадо скал и зеленое море –
вечный луг Иокима дель Фьоре,
дни молитв и дельфинов, хрустальные капли минут...³

Зеленые луга Калабрии, цветы дельфины Греции, преломление света в хрустале как первописьмо... – о сошедшихся здесь мотивах можно говорить много. Для Елены Шварц, конечно, и

¹ Полный текст поэмы доступен по адресу: <https://www.vavilon.ru/texts/shvarts2.html> (дата обращения: 25.10.2024).

² Полная публикация этой книги: http://www.newkamera.de/shwarz/escwarz_05.html (дата обращения: 25.10.2024).

³ Кривулин В. Стихи. 1964–1984 / сост. О. Кушлина, М. Шейнкер. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. С. 35.

опыт Иоахима Флорского, и опыт позднейшей мистики был очень значим, она эту мистику знала и любила.

Д.С. Мережковский мыслил *Третий Завет* как осуществление «Тайны Трех», когда любя двойственность преодолевается, и живое присутствие Трех отзывается в истории, во всех человеческих отношениях, возводя их в вечность. Елена Шварц думала скорее о начальном вдохновении, предшествующем любому преодолению, начальном огне или свете, по отношению к которому земля, море или воздух – только призмы, свидетели или одарённые носители вестей.

Различие фабулы и сюжета в авторском объяснении Елены Шварц намеренно. В теории русского формализма *фабулой* называется синопсис, обзор, изложение реальной последовательности событий, тогда как *сюжетом* – словесная организация этого материала, способ представления материала, часто отступающий от фабулы. Фабула поэмы должна быть оптимистична: каббалист, исихаст и суфий создали монастырь в мире в ленинградской коммунальной квартире, этот монастырь пережил блокаду, мир, представленный *непутёвой* проводницей Веркой, помогал монастырю, герои вели духовные собеседования, а смерть всех главных героев, от рук послевоенных бандитов, была святой и мученической. Такой синопсис создал, например, Кирилл Медведев в своей рецензии: «В поэме (...) утопическая ситуация возникает в условиях более чем реальных – в тесной петербургской коммуналке бок о бок живут мусульманин, православный и иудей. В конце концов они ложатся в землю вслед за своей убитой соседкой Верой, и после их смерти на земле наступает царство Духа. Таким образом, в подтексте петербургского мифа Шварц лежит все та же идея слияния духовных традиций и их взаимоуничтожения, ведущего к торжеству Духа»¹. Правда, одна неточность сразу видна – Вера умерла от порока сердца (?), воспитывая маленького Будду, найденного на железной дороге бурятского сироту, который из всех слов мог произносить только имя «Будда».

Но на уровне сюжета всё не так просто. Герои не находят никакого согласия в мистических программах:

Проходят годы.
Они, как буквы разной крови
Кружатся, не смыкаясь в Слово.

Дело в том, что мир для них всех – страдание: «Ведь жизнь – это страшный кошмар», – говорит каббалист суфию. «Милость в нас и с нами», – говорит исихаст каббалисту. «А ты не знаешь любви», – говорит суфий исихасту. Круг страдания замкнулся.

Но страдание они понимают явно по-разному: как *мирскую тяжесть* (исихаст призывает жить «как колесо», только одной точкой касаясь земли – он повторяет оптинского старца Амвросия), как *порчу мира* (каббалист стремится спасти хотя бы одну искру Присутствия), как *тесноту* (суфий сетует, что искры замысла Всевышнего заключены «в пределы тесные» вещей, и освободить их невозможно). То есть медийные шифры, которые могли бы быть основанием Третьего Завета, слишком различны: для исихаста Власа это что-то вроде работы с *голоса*, когда высказывание моментально проходит, исчезает, для каббалиста Давида – *свиток*, который может развернуться и свернуться, и тем самым зафиксировать неиспорченное состояние в мире, где всё ложно и искажается, наконец, для суфия Юсуфа (то есть Иосифа, сновидца) – вероятно, *кодекс*, некоторое энциклопедическое знание о мире, которое требует комбинаторики.

¹ Медведев К. Рец. на: Елена Шварц. Западно-восточный ветер. Новые стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. – 96 с. URL: <https://laidinen.ru/recenzija-kirilla-medvedeva-na-knigu-stihov-eleny/> (дата обращения: 25.10.2024).

Не случайно профессия Юсуфа – сапожник, он должен соединять подошву и основу обуви, поправлять подметку. Он корректор мира, корректор движения людей. Он вводит себя в экстаз, когда исправляет мир, и в сапожной будке, но и на досуге:

Он падал и вскрикивал громко
Пронзительно на забытом
Чужом самому языке.

Тогда как Давид, читающий «по свитку Торы», создает голема, очень полезного во время осады Города – голем бежит по крыше, подхватывает бомбу и сбрасывает ее в залив в безопасное место:

Там внизу стучит толчками время,
Началась и кончилась война.
Голодали, мерзли, но на крышу
Не упала бомба. Ни одна.
Маленькое существо меж труб
Все сновало вверх и вниз по скату,
Вдруг взлетало, бомбу изловляло
И летело с нею к морю, к морю
И бросало в волны за Кронштадтом –
Только терпеливым рыбам горе.

Этот голем спит, «щенком свернувшись», чудесное Имя разворачивается в его беге и свертывается в его собственной сущности. Влас ни разу не изображен читающим или пишущим, в отличие от двух своих соседей:

Листы Корана разметались,
Евангелие во тьме сияло,
И Тора вверх и вниз росла
Как основание столпа.

Если Коран и Тора оказываются частью практической жизни суфия (человека кодекса) и каббалиста (человека свитка), их действий по соединению мира или по оправданию мира, то Евангелие – свеча, свет во тьме, то есть, по Маршаллу Маклюэну, «холодное» визуальное медиа, содержанием которого и оказывается самое непосредственное «горячее» откровение. В конце концов, миссия Власа (Власия) исполняется в конце: все три праведника стоят как свечи:

И пожелали в новой ей квартире
Соседей лучших, чем в сем бренном мире...
И, не решаясь Веру так оставить,
Они стояли там, как три свечи.

Это пожелание понятно из профессии Веры, *проводница*, то есть новый *Гермес-психопомп*, провожающий души на тот свет. Верка впадает в языческую веру, приводя домой солдата (намек на римских солдат как разорителей иудейского Храма?). Но после смерти она – Гермес герметический и герменевтический.

Выражение *лучшие соседи* – не самоуничтожение праведников, но жест Гермеса, герменевтика «лучшей доли». Если всё, что в миру, в его плоском бытии, есть всего лишь пожелание измене-

ния какого-то одного фактора, например, улучшения материальных или жилищных условий, то в жизни на том свете есть обретение настоящей любви, доли в смысле разделяемой праведности, которая возвышает всех, в том числе делает пророком Третьего Завета и саму Веру. Такая герметика заставляет вспомнить петербургский текст, «Медный всадник» Пушкина, где Евгений в начале дан как обыденный человек, желающий, чтобы ему прибавилось «ума иль денег», но в конце – как патетический герой, соизмеримый с Петром I и бросающий вызов Небу¹. Выделенные Ольгой Седаковой композиционные особенности пушкинской поэмы, как поэмы, сопрягающей бытовой конфликт и метафизический конфликт внутри особого обыгрывания тем через ситуативное и как бы случайное введение внешнего взгляда на всё происходящее, вполне могут быть ключом и к малым поэмам Елены Шварц. Только здесь пространством оказывается не пространство площади, но квартиры:

Там внизу проходит жизнь, хмелея,
Сатанея, алчет наважденья.
В этом плоском сумеречном граде
Их свело так тесно Провиденье.

На площади жизнь проходит плоско, тогда как Провидение реализует себя в коммунальной квартире. В главе 9 поэмы, единственной, написанной от лица «я», Елена Шварц изображает некоторое подобие эпифании, в сочетании желтого и черного цвета, мистических цветов, и в прозрачности хрупкой осени. Что в миру хрупкость и прозрачность, то в герметическом мире – колба алхимического Великого Делания, которое и появляется как появляется совершенно случайный, но тем более верный взгляд повествователя:

Еще желтей Адмиралтейства –
Кленовый лист, еще чернее
Нагой земли – идут матросы,
В плечах печати золотые.
О, цвет матросов – осень. Осень.
И все ж они мне непонятны.
Как, впрочем, все, как осьминоги.
Со смесью бойкости и страха
Иду по садику. В кармане
Держу прозрачную реторту.
И там, где нету никого,
Смотрю на свет – как запотела!
Но все же видно – что внутри
Три крошечных танцуют тени:
Раввин, и суфий, и святой.
То, за руки схватясь, несутся,
То пьют из одного стакана,
То плачут, то о стены бьются,
То застилает их туманом.

Коммунальная квартира – это место, где каждый остается со своей травмой, но где возможно в эту квартиру подсмотреть. Обычно это не подсматривание в запыленные окна, но в какую-то

¹ Седакова О. Медный всадник: композиция конфликта // Россия – Russia (Marsilio Editori). 1991. Т. 7. С. 39–55.

щель, замочную скважину, или, как в этой поэме, «я» подслушивает разговоры героев – вероятно, благодаря акустике вентиляции (заметим, что акустикой стен занимался Атанасиус Кирхер, универсальный ученый, иезуит и каббалист XVII века). По свидетельству Кристины Воронцовой¹, сама Елена Шварц видела в этом образе общую модель многоконфессиональной страны, где сходятся множество эпох и культурных задач: «а что для меня Россия – да вот коммунальная квартира и мы с вами в ней живем и изнутри судить трудно». Таким образом, подслушивание, вторжение неожиданного взгляда и прорывающегося шепота, *внутренней речи случайного свидетеля* – единственный способ истолкования слов героев, уже приведенных нами их аскетико-мистических программ, тесно связанных с любимым медиумом.

Я (подслушивая из соседней квартиры, глядя на Власа):
Мы все перебираем время
По часику, по месяцу, по зернышку.
А святой бредет по нему напролом
(А оно стоит)
Как сквозь туннель – ночью ли, днем
Сломанной часовой стрелкой
Летит.

Упоминание туннеля здесь не случайно, коммунальная квартира мистиков устроена как круглый теменос, храмовый участок сакрального единства, который не доступен иначе, кроме как через туннель, особые святыне ворота постижения:

В бывшем доходном доме,
В квартире одной коммунальной
У кухни круглой обручальной
(Куда все двери выходили)

В каком-то смысле это напоминает эпистемологию чулана Ив Косовски Сэджвик², применившей герменевтический метод не к внешней, а к внутренней речи. Сэджвик поставила главной целью найти не столько зазоры и разрывы в письме, сколько неожиданные прорывы, туннели. Свою идею Сэджвик разрабатывала на материале писателей второй половины XIX и первой половины XX века (Ф. Ницше, О. Уайльд, М. Пруст, Г. Джеймс и т.д.), которых объединяет театральность жеста, интроспекция и общая провокативность, вовлекающая в себя и телесную данность говорящего и, ситуативно, слушающего. Болезнь, странность, недоверие – всё это оказывается как бы спрятано в чулан читателем, который просто хочет читать привычное повествование, с привычным синтаксисом и изложением событий. Но, как показала Сэджвик, читатель всё равно из-за неизбежных сбоев и напряжений повествования как бы проваливается в этот чулан.

Автор, пишущий о странном, непривычном, впечатляющем, допускает инверсии, повторения, разного рода способы усилить сценарий происходящего, сделать его ощутимым телесно. В результате читатель, начиная разбираться, что произошло с его собственной телесностью, с ощущением реальности, пытается как-то иметь дело со смещением в репрезентациях реальности, оказывается внутри этого чулана: вынужден признать интроспекцию и автокоммуникацию автора как законную.

¹ Воронцова К. Пространство–время–андрогин... Модели пространства в поэзии Елены Шварц. Краков: Издательство Ягеллонского университета, 2016. С. 43. Сохранена орфография цитаты.

² Сэджвик Косовски И. Эпистемология чулана = Epistemology of the closet / Перевод с англ. О. Липовской и З. Баблюяна. М.: Идея-Пресс, 2002.

Согласно Сэджвик, в текстах Ницше или Пруста работают сильные утверждения, вызванные страхом быть-другим, быть-не-собой, из-за нормирующих эффектов слова (не только письменного, но и устного), которые в конце концов и раскрывают собственную структуру этих страхов, познание себя как человека с особой телесностью и особым выстраиванием отношения с собой. Слово как высказывание, построенное по законам связности, для Сэджвик оказывается речью, которая при любой инверсии или автокоммуникативной сосредоточенности на себе уводит в чулан, и в нем, в этой темноте чулана, вопрошающая телесность только и может осуществиться. Только у Елены Шварц это не чулан, а кухня, более открытое пространство, где авторами выступают герои, а читатель случайно появляется вслед за случайными свидетелями с их внутренней речью.

Возможно, что опыт Елены Шварц еще связан с ее полётами за рубеж, где уже использовались телетрапы: туннель, который и позволяет оказаться во взлетающем самолете. Рукав телетрапа никого не выпускает, но именно он снимает волнение: мы становимся из волнующихся лиц герменевтами будущего, вполне проходим путь Гермеса, и думаем не об *опасностях* полёта, но о его *смысле* как соприкосновения с небом и землей. Но также поэма-повесть Шварц в чем-то реализует и достижения современной эллинистики, женщин-философов от Энн Карсон до Барбары Кассен, которые связывают *Желание* и *Письмо* в античности, эротическое восхождение и нисхождение памяти к визуальной фиксации; и тем самым встраивают герменевтику и письменные ее фиксации в начальное желание стать другим, чем ты есть, внутри внезапной любви.

Замечательно, что в поэме-повести Власий медитирует на крыше, Давид – стоя в комнате на одной ноге и держась за ухо, а Юсуф – взлетая и кружась как птица: исихаст получает бесписьменное откровение, каббалист – линейное и слуховое, как при зачитывании свитка (сразу вспоминается *слухобиография* Жака Деррида как осмысление собственного еврейства), а суфий – откровение, требующее постоянной быстрой комбинаторики, постоянного полёта и припадания к букве, странной для его товарищей. Тем самым все три праведника связаны с началом полёта, открыты воздуху, но при этом узнаем их мысли, чувства и чаяния через туннель подслушивания, благодаря которому в конце концов и они обретают праведный покой.

В мирском смысле все в поэме Елены Шварц оказываются связаны одной судьбой, но чтобы понять герменевтический смысл, надо представить всё происходящее зрительно. Хорошо еще держать в уме карту Петербурга, где к мечети или дацану на островах ведут широкие проспекты.

Под кухню была приспособлена, вероятно, бывшая столовая или проходная комната; и тогда все жильцы жили в примерно равных условиях, были сделаны тонкие перегородки, выгораживающие их углы, поэтому всё было слышно, даже тихая молитва. В одном из «взглядов» поэмы квартира и сравнивается с орехом, то есть твердой скорлупой, но внутри «глухой», то есть не пропускающий звуков извне.

Вовне квартира та хранилась,
Как твердый и глухой орех,
Его сиянье распирало
Невидимое для всех.
И только будущая Дева
Свой глазом проливала мрак,
И в глуби мысленного чрева
Писец царапал известняк.

На простом уровне это означает, что мистики получают откровения, но летопись будет написана только в будущем. Будущее явно дано их глазами, как *мрак* (для исихаста), *глубина чрева* (для каббалиста) и *письмо* (для суфия). Именно исихаст прозревает свет во мраке, каббалист измеряет глубину вещей своим движением, связан с глубиной во всём (даже его голем всегда проникает на

глубину), а суфий всегда «кружится всё быстрее», всегда мелькает как письмо, адресованное всем нам. Именно такие состояния трех праведников и определяют «другие взгляды», то есть взгляда со стороны «он» или «она», а не «я» или «ты», где праведники оказываются подобны стеблям, мыслящим тростникам, то есть чему-то зыбкому, но в конце концов только и создающих некоторый убедительный визуальный образ:

Три стебелька в одном стакане,
Плывущем в Тихом океане.

При всей комичности отсылки к трем мудрецам в одном тазу здесь очевидна герменевтическая перспектива: рост стебля оборачивается письменной фиксацией истории наших мудрецов; стакан как сосуд общей судьбы на коммунальной кухне – алхимическим сосудом преображения, общего Великого Делания; наконец, житейское море – Тихим океаном блаженства. То есть сравнения у Елены Шварц, как это часто бывает, работают не как статичные, а как динамичные; не как объяснение вещи, а как то, что вызывает к объяснению, чтобы и «я», и «ты», и «он», и «она» правильно всё услышали. Тем самым, проваливаясь в причудливую образность, мы принимаем Третий Завет не как проект, но как единственный слух, который может получить убедительное письменное закрепление.

Анна САФРОНОВА

ПРОДОЛЖАЯ РАЗГОВОР

Сергей Костырко. Образ жизни: эссе-истская проза. – М: Стеклограф, 2024. – 328 с.

Дорогие друзья, номер, который вы сейчас читаете (ну, или просматриваете) – сотый в новой истории «Волги» (с момента восстановления работы журнала в 2008-м). То есть «Волга» закрылась в 2000-м году на номере 413-м (по нумерации с момента основания), а этот – 513-й. И точно могу сказать, что если бы не поддержка Сергея Костырко и команды «Журнального зала», этого юбилея могло и не быть. Между тем виделись мы с СК всего три раза в жизни. Первый раз – в начале 90-х: меня и моего старшего товарища Алексея Слаповского откомандировали в Москву за коленкором. Да, именно так, ничего удивительного: «Волга» пыталась зарабатывать книгоизданием, коленкор был нужен для переплетов. И вот мы зашли в «Новый мир» навестить бывшего коллегу, и он-то и познакомил меня с СК. Меня тогда только-только взяли в «Волгу» и назначили отвечать за критику, и все редакторы, особенно столичные, казались мне небожителями, т.е. я сильно робела. СК спросил, что мне интересно в современной критике. А в критике тогда был полный разброд и шатания, трудно было ориентироваться. Я назвала «МИКС»¹, и в частности «Письма С.». СК разулыбался, как будто услышал нечто чрезвычайно приятное – я даже подумала: не он ли автор? Второй раз – на конференции «Журнальная Россия», организованного «Знаменем» в 2015 году. И последний раз – в 2018, на фестивале «Толстяки на Урале». Тогда казалось – еще сто раз увидимся, еще сто раз поговорим.

¹ «МИКС» издавался в Свердловске в 1990–1991 годах, посмотреть можно здесь: https://m.vk.com/wall-139222551_3338

Собственно, вот и говорим сейчас – посмертная книга и есть такой разговор, просто в ином измерении. А писать об этой книжке трудно – автор как бы программирует на отказ от общепринятой аналитики, программирует своей неназойливостью, самоиронией, ответственностью интонации. Читаешь – и ничего «умного» и говорить не хочется, будет неуместно. «Так что не будем умничать. Будем просто описывать, ни на чем особо не настаивая» (с. 37).

В сущности, перед нами, говоря условно, – книга путешествий, если понимать «путешествие» так, как его трактует СК: «...любое путешествие, которое всегда – писание “текста”... И чтение этих “текстов” на самом деле – это процесс обнаружения себя в другом пространстве и, соответственно, выстраивание себя заново, уже по законам этого пространства».

Каждый текст в «Образе жизни» – это и есть именно такое путешествие – будь то Стамбул, Челябинск или Екатеринбург. «Иными словами, не я читаю “екатеринбургский текст” – это он читает меня» (с. 48).

И вот это, наверное, именно та точка отсчета, с которой вполне реальное, материальное, географическое пространство вдруг показывается необыкновенно отчетливо, как если бы к художественным описаниям, к прихотливым скачкам в пространстве и времени прилагался какой-нибудь справочник-указатель. Духовное открывает материальное.

Сюжетный накал может быть вполне декоративным. Вот рассказчик опаздывает в аэропорт, преодолевая промзоны Челябинска, вот из-за бумажных препон не может вылететь в Стамбул и уже в Стамбуле заплатить за метро – всё описано так зримо, что невольно включается «наивный читатель», который переживает страшно и хочет перелистнуть несколько страниц, чтобы узнать, чем кончилось. Кстати, включать «наивного читателя» – одна из черт СК, он признается: читая Памука, заглянул в финал, чтоб узнать развязку, и только после этого вернулся к медленному чтению.

Литературных имен, кстати, в книге не много, и все они являются частью внутрен-

него пейзажа, при этом, кстати, не утрачивая конкретики. Например, рассказчик посещает в Ялте литературный музей некоего Б-ова. Конечно, для читателя прототип не будет секретом, да автор на таинственности и не настаивает, т.е. не ретуширует детали, а описывает вполне конкретную биографию лауреата Сталинской премии Бирюкова. Но почему называет его Б-ов, а не Бирюков? Прием великолепный: ирония по поводу биологической особи «советский писатель» сразу смягчается, приобретает более широкий смысл, так как касается как бы не исключительно конкретного персонажа, но вполне типичного, всем нам хорошо знакомого под разными именами. СК не насмешничает, не обличает, а в итоге отдает дань уважению – Б-ов служил Музе. Это одна из важнейших черт СК – ничего и никого не зачеркивать, а просто найти всему свое место.

И, соответственно, ирония у него нежнейшая, не бросающаяся в глаза: «Университетский Ленин стоит при входе, в закуточке под лестницей, в том месте, в каком в богатых купеческих домах ставили чучело медведя» (с. 50).

Тексты в книге организованы таким образом (книгу составлял сам СК): более «документальные» – «Пентагон» (о Екатеринбурге), «Пейзаж Челябин», «Стамбул» – в начале, а тексты, тяготеющие к вымыслу, отнесены ближе к концу.

Несколько особняком стоит «Ветхозаветный Иисус»¹, и в очередной раз поражает способность СК (при всей его скромности и самоумалении) браться за немалые задачи: «...здесь, в Израиле, отличия этих книг вдруг стали для меня стираться, а облик Иисуса, светивший умиротворением с полотен европейских мастеров, усложняться. Я вдруг ощутил, что Иисус Христос гораздо ближе к духу Старого Завета, чем мне казалось. И что никакого противостояния Старого и Нового Завета нет. Вот сюжет, к которому я пытался приступить: соединение для меня двух Заветов в один. Сюжет, как я достаточно быстро осоз-

нал, для меня непосильный. Я не библиист, не христолог, не историк, не философ. Я средне-статистический обыватель с гуманитарным образованием (сомнительным по нынешним временам). И я пытаюсь здесь описать, что может происходить с человеком, читающим Библию в Израиле. Вполне представляю себе реакцию действительно образованных людей или «истинно верующих» на подобный текст. К тому ж существует уже огромная, тщательно проработанная литература на эту тему. Тогда – зачем? Единственное оправдание: писание вот этого текста – это мое сугубо личное дело, на какой-либо вклад в библиистику уж никак не претендующее».

Композиционный центр – текст «Образ жизни», давший название книге. Здесь невольно ждешь некоторого теоретизирования, особенно при взгляде на некоторые подзаголовки: «Процесс самоидентификации», «Инвентаризация»... Но нет! СК верен себе: «Нет, придуриваться не буду, я – литератор, и когда что-то пишешь, всегда интересно, что у тебя получается – литература или нет? Но в случае с “кофейной тетрадь” на это можно вообще не оглядываться. Можно будет потом посмотреть, что написано, а пишется в кафе, повторяю, само. А если не пишется, то можно просто в окно смотреть, бывает хорошо и так» (с. 162).

Впрочем, СК иногда и теоретизирует, вот в таком духе: «Я вполне осознаю, что текст, который здесь пишу, может восприниматься странноватым, поскольку если критик взялся писать о литературном произведении, то ему следовало бы ответить на вопросы: о чем эта книга, на каком материале написана, что хотел сказать автор, какими средствами он это делает и насколько у него все это получилось. А весь свой текст критик должен выстроить так, чтобы он подводил к ответу на главный вопрос: состоялась ли эта книга как художественное произведение. На последний вопрос ответу сразу: состоялась. Безусловно. Могу подробно объяснить, почему так считаю. Но не вижу в этом смысла» (о романе Памука, из «Стамбула»).

И самая шикарная фраза в книге (завершает эссе «Образ жизни»): «И пока тебе пишется, пиши. Зачем? Не твое дело» (с. 209).

¹ Публиковался в «Волге»: <https://magazines.gorky.media/volga/2023/9/vethozavetnyj-iisus.html>

В финале этой скромной заметки хочу обратить внимание читателей (тех, разумеется, кому еще только предстоит открывать замечательного СК) – есть у автора и другие книги¹.

Ольга БАЛЛА-ГЕРТМАН

ЗАДЕВАЯ ПЛАМЯ

Игорь Поглазов. Я ни о чём не жалею: Стихи. – Минск: Колорград, 2024. – 224 с.

В эту книгу, уже четвёртый посмертный сборник Игоря Поглазова (1966–1980), вошли в основном стихи и прозаические тексты последних четырёх месяцев жизни автора, по собственной воле не дожившего двух недель до четырнадцати лет. Сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь.

Есть стихи и более ранние: 1978 (автору, родившемуся в самом конце декабря, – одиннадцать лет), 1979.

Всё это, честно сказать, с великим трудом, если вообще, укладывается во внутреннем чувстве. В стихах этого мальчика – столько взрослого горького опыта, взрослого самосжигания, столько безудержного взрослого чувства и взрослого же его понимания, что непонятно, как возможно было успеть такое к неполным четырнадцати годам, какой скоростью внутреннего времени надо было обладать, где он вообще взял этот опыт и как смог вместить в себя такие громадные объёмы чувства и смысла. Детского – наивного, простодушно-доверчивого, мило-неуклюжего – ничего совсем, даже в одиннадцать лет, когда, казалось бы, ещё сплошное детство: ни в мировосприятии, ни в способах его выговаривания (разве что некоторые языковые неловкости вроде просторечного «нету» вместо «нет»); никакой ориентации и на стихи, адресованные его сверстникам-детям. Никаких скидок себе на тот самый возраст, ни на что вообще. Никаких игр – всё всерьёз, всё по максимальному счёту.

Не детская, не отроческая – куда скорее, юношеская сознательная, намеренная неосторожность, безоглядное, беззащитное движение навстречу крупному. Сразу – присвоенной на правах власть имеющего – взрослой речью, сразу – на свой страх и риск – во весь рост.

Я, постигающий науку мастерства,
Переживавший то, чего не сможет
Изобразить уж ни один художник...

Где, когда, каким образом он это переживал?

Удивительным образом, в этой тайне практически ничего не проясняет занимающая половину книги биография Игоря, написанная его матерью, Верой Поглазовой. Да, эта биография даёт подробное представление о том, каким был автор стихов: вначале умный восприимчивый мальчик – далёкий от всякого вундеркинства и уж тем более от всякой правильности, позже бесшабашный подросток – страстный, жизнелюбивый, категоричный, совершенно не собиравшийся укладываться во взрослые рамки, бунтарь, вечно конфликтовавший со школой и впутывавшийся в разные рискованные истории, однажды чуть не загремевший в колонию. Да, стремительно росший даже физически – выглядел в свой последний год лет на восемнадцать-девятнадцать (фотография на обложке книги это подтверждает), выдавал себя за абитуриента, уже окончившего школу и поступавшего, да не поступившего в Литинститут, ему легко верили. Но всё равно это ничего не объясняет. Внешнее оно и есть внешнее.

(Скорее всего, это прежде всего о том, что внешние обстоятельства человека и его внутренние события и масштабы совсем не так тесно связаны друг с другом, как привычно думать. У внутреннего какие-то иные источники. И не факт, что исчерпывающе постижимые.)

По большому счёту, уж если человек – поэт (а Игорь был поэт вне всякого сомнения; это не только род деятельности, он уж на втором шаге, а прежде всего тип личности), стихи его должны бы читаться без всяких скидок на возраст. В конце концов, должны же тексты говорить сами за себя, тем более что поэзия,

¹ Напр., «Критика-2», см.: <https://formasloff.ru/wp-content/uploads/2023/01/kostyrko-kritika-2.pdf>

как давно уже известно, отменяет и возраст, и иные социальные и, может быть, даже культурные координаты. Она их перерастает; она же им и предшествует.

Постараемся всмотреться, как он вообще видел мир, жизнь, себя – если сделать над собой усилие и отвлечься от возраста автора, о котором в связи с Игорем говорят все, писавшие о нём, без исключения, и от иных социальных координат, в которых прошла его стремительная жизнь.

Ну, некоторых социальных – скорее, культурных – координат не отменить (они, со всеми их особенностями, только работали на собственные его задачи): росший в столице Белоруссии в русскоязычной среде, в интеллигентной семье Игорь, с его исключительной восприимчивостью, на редкость хорошо усвоил русскую поэтическую традицию – ту её, по крайней мере, часть, что была ему к тому времени доступна. Он и Мандельштам – в семидесятых-то годах! – читал куда более внимательно, чем основное число его современников (да и наших-то нынешних, честно сказать...), и Пастернака – им обоим он, двенадцатилетний, посвящал стихи, полные полускрытых цитат, откровенно признавая своё у них ученичество. У него можно расслышать и Гумилёва, который при жизни Игоря у нас вообще не издавался: «Нам суждена дающая рука. / И тёплый хлеб, и пыльные дорожки», и Иннокентия Анненского («Над Россией решётки и тьма, / На России чугунные плиты»), и Цветаеву («Безусое пророчество. / разбитый клавишин. / Трагедия одиночества, / Я думал, что один»; «Было весело, было сказочно, / да на саях с горы, на салазочках. / И с налёту в сугроб – только снег кругом, / А в глазах темно, как в сугробе том»), которой он, кстати, тоже посвящал стихи – с прямыми цитатами: «Писал и я на аспидной доске, / Потупивши глаза. Прости за это». Он очень многих читал – и поэтов, и философов. Читал Данте – и писал о нём, даже – прямо ему: «Ты был первым! Твой Ад подымает дыбом волосы, выворачивает руки, втыкает толстые неуклюжие иглы марбургских сапожников под ногти! <...> Я – сын твой и ученик. Я первый

после тебя сломаю врата Рая¹ и выведу оттуда грешников. Невинно страждущих из Ада в Рай водворю. Только Ты можешь мне помочь». Это уже 1980-й – но Игорь беседничал с поэтом и думал о нём ещё раньше – вот июнь 1979-го, автору двенадцать с половиной:

Вы помните Данте?

Вы помните Данте?

Ко мне по ночам приходил он, суровый,
Совсем поседевший, читающий список
Чужих прегрешений.

Читал Гомера – и ссылался на него в стихах («В высоких нотах атараксии Гомера, / Что движет вами, о подводные течения? / В распятыя Гебы и в созвездье Ноя, / О Лея, ты сведёшь с ума своим пробегом»). Читал Спинозу – и готовился написать пьесу о нём, писал к этой пьесе стихи. И вот ещё один парадокс: он совершенно не был тихим, запойно читавшим книжником, он – и это как раз показывают воспоминания его матери – страстно хотел полноты жизни, эмоциональной, телесной, любой, где только это было возможным, – может быть, предельности её. И, очень вероятно, поэзия была для него одной из форм этой предельности.

Неуверенно, косо и дрябло

Мои первые строчки легли.

Но жила в них, стонала и зябла

Обнажённая сила любви.

В самой глубине советских атеистических лет он (росший в русско-еврейской семье², скорее всего, никто его такому не учил – собственный выбор) напрямую говорил о Боге, о Христе, о Святом Писании, о Рождестве, о горе Фавор, о молитве, о церкви, о Страшном суде: «И листья ног Христовых целовать», «Святым Писанием писана / Всепонятая грусть. / Я в одинокой жалобе / В твои ворота бьюсь», «Как пред Богом чисты на поверку мы», «Это

¹ Скорее всего, Ада, – но так в тексте.

² Кстати, прямого потомка ребе Шнеура-Залмана бар-Баруха Шнеерсона из Ляд, Алтер Ребе, одного из основателей белорусского хасидизма. Фамилия Игоря была Шнеерсон, стихи он подписывал фамилией матери.

*вьётся огромным храмом, / Куполами, церквями
манящими», «Спаси меня от Страшного суда.
/ Пусть смеет пот дождя пути сюда. / Спаси
меня от Страшного суда».*

Но он притом ещё и богоборец:

Мне не простит Господь
Моих святых грехов.
Его я проклял плоть,
Его я пролил кровь.

Поэтическую традицию, прежде всего русскую (и укоренённые, растворённые в ней модели поведения, всего прежде опять же внутреннего), он не просто усвоил: он сделал её частью самого себя, прожил как собственную жизнь. В свете этого его реальный (знать бы ещё, что такое реальность) опыт минского школьника ну не то чтобы потерял значение, но оказался лишь небольшой частью его человеческого опыта в целом.

Что у него, значит, есть?

Прежде всего: чувство родства с миром, наблюдаемым и проживаемым здесь-и-сейчас, с ближайшими к нему областями этого мира. Родства горького, трудного, но совершенно неотменимого и необходимого поэту:

Я – разве что эта земля,
Что падит и не греет.
Но для меня этой горечи
Нету роднее.
<...>
Я – дом твой, лишённый
И сна, и уюта.
Но, кроме этого дома,
Мне нету приюта.

Почти постоянное, фоновое чувство стремительности и краткости жизни (в тринадцать лет – но тем не менее), оно здесь в первом же стихотворении:

Я исчезаю, склоняюсь
На землю глухую.
<...>
Я – оторопь света.
И самая малость
Жёлтой листвы, и печали,
И ночи осталась.

Этот мотив у него очень настойчив:

И разделять подспудную тревогу,
Что нам осталось очень мало жить.

И даже заглядывание в собственное посмертье:

Кто-то умер. Мне музыка слышится.
Под окном не меня ли несут?
Не моя ль голова колыхнется
По дороге на Страшный суд?

Неотступно-острое чувство глубокой связи искусства – любого искусства вообще, поэзии в частности – как *предельного действия*, как наиболее интенсивной – самосжигающей жизни – с гибелью:

Поэт седеет над своей поэмой,
Художник гибнет у своей картины,
Актёр убит неизгладимой верой.

И вот ещё что: с ранних лет – чувство времени, гула его: огромного, превосходящего и историческую, и уж тем более личную память, – именно чувство, ещё до понимания (да и как поймёшь такое огромное):

Ходят в гости друг к другу люди,
Ходят в гости друг к другу звери.
И на этом седом погосте
Много видано и потеряно.

Ходят в гости друг к другу люди,
как ходили ещё и до нас.
Это отзвук былого кочевья
Просыпается в нас подчас.

Автору одиннадцать.

Так что он начался не в тринадцать лет, как сказал в помещённом здесь же предисловии Давид Самойлов, а существенно раньше.

Обратим внимание на слово «потеряно», возникающее в первом же катрене этого, кажется, наиболее раннего из сохранившихся стихотворений Игоря. У него какое-то изначальное чувство устойчивой связи между любовью и печалью, любовью и горечью («О

тебе писать, / Что песни петь, / Длинные и грустные <...> В жесте твоём / Соль земля хранит, / Горькую и сладкую», – говорит двенадцатилетний влюблённый), между любовью и утратой, шире – между человеческими связями и привязанностями вообще и утратой: «Не знаю, почему мои друзья / По одному уходят от меня», «Мои друзья уходят понемногу. / Их лица исчезают вдалеке» (и вряд ли здесь одно только влияние Ахмадулиной с её «По улице моей который год / Звучат шаги – мои друзья уходят»: влияние надо ещё быть расположенным усвоить) – или неудачей, невстречей: «Прости меня, мой друг неузнанный, / Ведь ночь была, а у меня глаза слепы» – пишет двенадцатилетний автор. Любовь и утрата неразделимы, даже если это привязанность, например, к стране:

Люблю смотреть Россию из вагона
Сквозь перелесья дикой красоты,
Сквозь пальцы рук. О, сколько здесь родного,
О, сколько здесь потеряно любви.

Любовь – о которой он, как мы заметили, говорит по меньшей мере с двенадцати лет – у него вообще горькая, нежная, отчаянная – как будто не только в постоянном предчувствии потери, но уже и по ту сторону её:

И руки – о тонкие ветви –
На плечи ложились устало.
<...>
Я вижу её сновиденья,
Застывшие нежно и странно.

И даже совсем катастрофично:

Я распят над твоею кроватью.
Без пощады. Гвоздями. К доске.

Изначальное чувство трудности, катастрофичности, неисцелимой конфликтности жизни – и нерасторжимого родства всего этого с любовью, с красотой (да и с Россией):

Плача, уходя, оглядывался через плечо,
руки сжав...
– Что же надо, Господи, тебе ещё?
– Лишь мгновенье надо мне, напряжение жил.

– Я весь сжался, Господи, я дрожу от силы.
– Полюби великое, полюби Россию.
– Я люблю Россию, Господи, не надо.
– Полюби любовь свою, полюби отраду.
В ветре недолюбленном полюби движение,
В жизни непродуманной полюби брожение.
Радостью загадочной полюби красивое –
Полюби Россию, полюби Россию.

Автору двенадцать лет.

Удивительным образом, у него, как будто совсем только начинавшего жить, – горечь и даже усталость опытного человека:

Я все черты её познал,
И женственность – такая скука.
Я думал: это первый вал,
А это просто тёмный угол.

И белым станом вдалеке ложатся
Затерянного царства маяки.
Один лишь дым, один лишь дым остался
В четверостишии, надежде и любви.

Постоянно возобновляющаяся тяга прочь отсюда, всё равно куда – ну это как раз характерно юношеское, – к тому, чтобы уйти-и-не-вернуться, пастернаковская «страсть к разрывам»: «Я уйду с чемоданчиком / В злую пургу. / Я уйду. Уже больше сюда / Не приду», «Я закрываю двери, / Которых не открыл, / Мой поезд уезжает – / Мне по дороге с ним», «Ты бежишь из ничтожных пределов, / Покидая стодневный уют», «Тоска по перемене мест, / Ты овладела мной отныне», «Я сослан в снегопад. И не дано вам видеть, / как я скрываюсь в белой пелене», «Прощай. Поезд далеко. / Время нас не ждёт».

И дорогу пройдя в отчуждении,
Весь уже ты заброшенный дом,
тёмный угол стихотворенья
Освеща огромным лбом.

Чувство одиночества – тоже из очень устойчивых («Я сослан сам в себя, на дно колодца»), родственное, опять же, чувству собственной смертности – и спокойное (почти всегда), стоическое принятие и того и другого:

Я один.

Я знаю, что я сейчас умру.

(Надрыв в его интонациях в связи с этой темой появляется только в самый последний месяц:

Пажити мои, пажити.

Пожить бы ещё, пожить бы.)

Социального – ничего, чистая экзистенция. Советского – хотя кругом, казалось бы, только оно одно – ничего. Местной белорусской специфики – тоже никакой: напрямую к универсальному и общезначимому (к тому, что таковым видится: Россия, которую автор упоминает не раз, тогда как Белоруссию¹ – ни словом, видимо, относилась для него к универсальному и общезначимому). И никаких идеализаций – чего бы то ни было. Ясное, отважное, безутешное видение.

Елена Мордовина в своей статье о поэте² усматривает, вслед за мамой Игоря, корни его трагедии, «в <...> неволе, в неотребованном, нереализованном “горении”, в традициях и устремлениях семьи, впитавшей дух революционного и военного времени», – уточняя, что «дело тут, думается, вовсе не в самих по себе чистых идеалах периода становления социализма, а скорее в том, что время воплощения этих идеалов прошло, а “горение” сжигало молодого талантливую парня изнутри – его душа жаждала подвига». О том же, по существу, писал и Андрей Юдич в 1992 году: «Нечем, казалось, было дышать. Нечего, казалось, было ждать. На любую нестандартную мысль устраивалась облава. Он не мог вписаться в это время <...> Игорь Поглазов расшибся о твою фальшь, страна. Он воспротивился, не

позволил втянуть себя в это тотальное лицемерие»³.

Однако во всём, написанном Игорем, что удалось прочесть, не заметно никаких признаков жажды подвига, стремления к воплощению идеалов (особенно социальных), к самопожертвованию ради них. Как конфликт с временем, как протест против него может быть истолкована разве что единственная строчка: та самая, анненская, – «*Над Россией решётки и тьма, / На России чугунные плиты*». Да, как умный и чуткий человек, он, видимо, многое понимал о нашем тогдашнем отечестве. Но волновали его основы человеческого существования.

А я как все, я баловень судьбы.

Я всё прочёл, как вы, до середины.

Но я ломился в суть и в сердцевину.

И дай Вам Бог до этого дойти,

– говорит двенадцатилетний автор, и дело здесь совсем не в мандельштамовском до середины прочитанном списке кораблей, отзвук которого здесь можно расслышать. А в сути и сердцевине.

В каком-то смысле тут дело не в словах – хотя Игорь чувствовал их и владел ими прекрасно (а, например, неточные рифмы – вроде «часы – суды», «красоты – любви», «скука – угол», «шторы – невесомы», – которые у него нередко встречаются, – это из числа того, что легко перерасти, он бы перерос быстро). И слова как таковые, и поэзия, понятая как совокупность способов с ними обращаться, – всего лишь один из символических языков (ладно, пусть множество языков – но всё-таки только языков), при помощи которых выговаривается нечто более глубокое. Может быть, докультурное. Вполне вероятно, доопытное. Игорь был из тех, кто, как сказал один из внимательно читанных и прочувствованных им поэтов, до опыта приобрели черты. Опыт такие черты только выявляет, проясняет, закрепляет, усиливает.

Он шёл за внутренней музыкой и внутренним пламенем.

¹ Не пишу «Беларусь» всего лишь потому, что это название стало обозначать независимую страну уже после жизни Игоря.

² Елена Мордовина. Имя звезды, не попавшей в ночную облаву: О поэте Игоре Поглазове (Шнеерсоне) (1966-1980) // <https://pechorin.net/articles/view/imia-zvezdy-nie-popavshiei-v-nochnuiu-oblavu-o-poete-ighorie-poghlazovie-shnieersonie-1966-1980>

³ <http://www.ipoglavov.com/critics1.shtml>

Обвяжи мне шею лебяжьими руками.
 Что же было с нами?
 Ты меня целуешь нежными губами.
 Что же стало с нами?
 Ты проходишь мимо, задевая пламя.
 Что же будет с нами?

Возможно, взрослое представление о детях вообще, о четырнадцатилетних подростках в частности очень сильно заужено. Возможно, человек – он вообще всегда во весь рост, просто, во-первых, общество вместе с культурой и предлагают, и навязывают ему определённые, неминуемо тесные и искажающие, модели самопонимания и самоосуществления (но не все, как видим, готовы и согласны принять такие модели в качестве собственных); во-вторых, не каждый умеет эту полноту человечности замечать даже в самом себе. Игорь умел – и модели поведения и самопонимания принимал очень избирательно. Прежде всего – на вырост.

Андрей ПЕРМЯКОВ

СМУТНЫЙ ОБЪЕКТ РЕВОЛЮЦИЙ

Алексей Радов. Не себе. – М.: Б.С.Г-Пресс, 2023. – 328 с.

Попав в созданный автором мир, боле-е-менее к нему привыкнув, непременно хочешь остановиться, оглянуться. Когда мир в целом соответствует привычному, начинаешь поиск личных зацепочек. Дабы совпасть ритму прозы. Или, наоборот, ищешь несообразности, анахронизмы – если книжка с ходу не глянулась. Читая нечто в жанре «другое время, другая галактика», расслабляешься и получаешь удовольствие. Пока не надоест.

Но как быть, если мир вроде наш, однако перекрученный какой-то? Или чуть вывернутый. Вроде даны явные, тонкие приметы времени:

«– Да трезвый я.

– Я слышу. Кто из вас в поезде трезвый ездит.

– Сейчас совсем другие поезда. Даже бутылка пива экстрим».

Кто часто пользуется гостеприимством РЖД, знает: с алкоголем в поездах ведомство стало всерьёз бороться в 2011-м. Через год накал сражений достиг апогея. Дальше, кажется, полегчало. Хотя не везде – в Сибири по сей день проводники часто вызывают полицию. Протоколы, штрафы, высадки на малоприспособленных к жизни станциях. Канитель, словом.

Примерно тому же времени – первым годам второго десятилетия нашего века – соответствуют и другие приметы. Мобильные поголовно у всех, однако мессенджеры ещё не получили тотального распространения. Роуминг являет собой проблему. Общественные настроения тоже такие... докрымские. Многие честно верят в революцию и пытаются оную устроить. Как умеют:

«–Эй, революционеры, иди сюда!

Они стали идти быстрее, потом побежали».

А спустя несколько страниц один из бунтовщиков риторически удивляется: *«Как так – вчера убежать от полиции, а сегодня работать на эту самую власть».* Ну, как? Нормально. Бывало подобное лет тринадцать-пятнадцать назад сплошь и рядом.

Вроде со временем действия определились, и тут бум! *«Англичанин поправил, теперь в Англии король. И все ему подчиняются? – невинно спросила Лиза. Да, мы чтим корону, – последовал ответ».* То есть на дворе 2023 год из немного примороженной реальности? Тогда почему вдруг заново стали появляться вытрезвители, закрывшиеся в том же 2011-м? Может, вообще дело происходит в недалёком будущем, только немножко поехавшем?

Ну, бывает. Локализоваться во времени не удалось. Будем определяться в пространстве. Разумеется, в литературном. Сначала приходят в ум ассоциации ближайшие. Например, прозвучавший несколько лет назад роман Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него». Там мир наполовину или более состоял из тягучих псевдогаллюцинаций, вызванных болезнью и общим неустroением жизни. Перемешанные явь, бред, сон, уходящие в никуда

диалоги – безусловные точки соприкосновения той книги с читаемой нами.

Но есть важное отличие. Действие у Сальникова оборачивалось бездействием. Оно происходило точно в паутине и как с горки катилось к открытому финалу. Иного там не предполагалось. Роман «Не себе» устроен иным образом. Люди тут, конечно, часто бредят и много спят, но сюжет продвигается более чем динамично. Причём в мире большом, внешнем по отношению к персонажам, событий больше и они масштабней. Нет, герои сами активничают, носятся по миру, но обстоятельства довлеют.

Тогда наоборот: обратимся к литературам старинным. Немотивированность насилия и видимая алогичность поступков напоминает исландские саги: «Они взяли по паре портера и сели на бордюр. Было приятно сидеть с ним вот так вот просто. Дезанов весь подобрался и ударил друга Лизы в скулу. Но синяка не появилось. Тот вспылил, вылил портер на мостовую и быстрым шагом ушел». О сагах же заставляет вспомнить и внезапное появление совершенно новых персон, коих текст, вроде, не предполагал в своём прежнем движении. Скажем, следующие господа и дамы появляются без прелюдий, ниоткуда:

«Глава 5. НАШЛИ ДЕНЬГИ

Глеб и Денис копают у дерева. Даша в наушниках слушает блэк-метал, прислонившись к соседнему дереву.

– Что-то звякнуло, – заявил Глеб.

– Это у тебя айфон сел, – ответил Денис.

– Там металл, – продолжал Глеб.

Денис в гнев отбрасывает лопату.

– Нет, что-то большое, – говорил Глеб.

Глеб начинает азартно раскидывать землю. Вон он достает железный ящик. Зина равнодушно хмыкает. Глеб достает зубило и открывает ящик.

– Только не говори, что это и есть клад твоего прапрадеда.

– Хорошо, не скажу. – Захлопывает крышку.

– Опять ржавый садовый инструмент?

Пошли, я совсем замерзла.

Глеб подмигивает Зине. Она подходит, он открывает ящик, полный денег.

Денис тоже подходит. Быстро оценивает обстановку, хватает лопату и бьет наотмашь по голове Глеба, но Зина это видит и успевает Глеба оттолкнуть.

Тот хватается за вторую лопату, они начинают биться на лопатах, как двуручными мечами.

– Перестаньте немедленно! Какие же вы комсомольцы!»

Простоквашино в антураже ролеиков? Так Простоквашино – сага. И «Крёстный отец» – сага. И, к примеру, повести Владимира Кочнева «Дежавю» и «Герои подворотен», вышедшие лет пятнадцать назад – вполне себе небольшие саги. Жанровое определение не означает понимания.

Кроме того, определение хромает. Да, в книге Радова, как в сагах, со временем побуждения действующих лиц мотивы их появления, связи с иными субъектами и структурами делаются более или менее ясными. Разумеется, ясными – во внутримировом контексте. Но обильные безумные диалоги в структуру саг никак не укладываются.

Диалоги в самом деле нетривиальны. Зато в безумии этом есть своя система. Причём у каждого сновидца – собственная. Но пересекающаяся с системами других. К середине, если совсем точно, к шестой главе, формируется fuga слов: с повторяющимися мотивами и отдельными партиями участников действия. Каждый, вроде, говорит о своём, но вербальная дискоммуникация не препятствует развитию сюжета и своеобразному взаимопониманию.

А параллельно фуге слов формируется столь же непросто устроенная fuga снов. Смотри мы сны за кого-либо одного, ситуация оказалась бы куда более простой. Каждый из персонажей не раз мог погибнуть. Многие – в самом начале. Оттого нетрудно принять замороженную структуру повествования за что-то предсмертные видения. Как в «Мосте через Совинный ручей»¹. Или наоборот: раз герои,

¹ Тут я, автор рецензии, уже вынужден просить прощенья за чрезмерную концентрацию книжных названий. Потерпите, осталась буквально пара-тройка. Ну, пускай, четыре-пять. Но правда: вся эта библиография сама собой возникала в голове по мере чтения. К счастью, окажется: она не имеет почти никакого отношения к делу. Ага, почти.

вроде обречённые на гибель, периодически выживают и воскресают, значит кто-то их очень хотел убить. Просто не хватило силы или решимости. Помните, в книжке «Американский психопат» Патрик Бэйтман убивает всех подряд? Как выясняется в финале, делает это он исключительно в собственном воображении¹. Зато с качественными подробностями.

Однако всё сложнее. Сон у Радова – объективная реальность. А что? Если мечта бывает общей, как долго учили наших предков, отчего общими не могут стать сны? Зря, что ли, сны и грёзы во многих языках носят общее название? И вопрос «зачем снятся сны?» в мировой культуре (особенно – в контркультуре) относится к разряду фундаментальнейших.

Кстати, не так давно, в 2013-м, кажется, эта проблема получила довольно научное разрешение. Когда сделалось возможным МРТ-исследование с хорошим качеством и надлежащей длительностью, исследователи увидели: клетки мозга во сне прилично сжимаются. По линейным размерам процентов на тридцать-сорок, а в объёме, стало быть, почти втрое. Это надо, чтоб оттекал ликвор, уносил мусор. Не будет оттекать и уносить – станут накапливаться плохие, негодные пептиды. Придут Альцгеймер, Паркинсон и прочая недобрая компания. Понятное дело, сжимаясь, мозговые клетки не могут работать в полную силу. Они начинают выдавать разную бредятину, собственно, и отражаемую нами в качестве сновидений. Произойди такое с человеком бодрствующим, он натворит дел.

Теория снов получилась красивой, непротиворечивой. За прошедшие годы было получено несколько явных её подтверждений и некое количество столь же глубоких возражений. Тут пусть разбираются специалисты. Мы лишь отметим: гипотеза эта отвечает на вопрос *почему* снятся сны. А нам интересней – *зачем*.

Первый ответ очевиден и довольно прост. Во сне мы оживаем. Морально и физически: «Дезанов наконец заснул. Побитые в принципе хорошо спят. Говорят, им снятся приятные

сны». Момент оправдания сна уже убедительный, но ещё недостаточный. Важнее другое: в читаемом романе снам отведена существеннейшая и парадоксальная роль средства общения: «– *Главный критерий: хочется тебе видеть во сне других или нет?*». Лишь во сне ты способен понять Другого. Ибо сам немножко растворяешься. Утрачиваешь внешнюю мембрану, отделяющую тебя от мира.

Тут приведём редкий-редкий фрагмент длинных и некоммуникативных рассуждений. Почти лишённый, в отличие от остальной текстовой ткани, иронического компонента: «*Сны – место, где обрывки желаний, те, что не вместились в реальность, комбинируются друг с другом и нам предоставляются. Ошибочное мнение о нереальности в снах происходящего. Сны аморфны по своей природе, и аморфность происходящего согласуется с этим, существует комбинация аморфного с не аморфным, когда реально пространство и нереальны события, когда в несуществующем происходит что-то реальное (с нашей точки зрения). В снах же не случается противоречия, они абсолютны, и вообще никто и не говорил, что сны должны предоставлять нам некие доказательства, в снах наша жизнь за ними также доказана быть не может. Однако, наличие второй реальности для большинства индивидов, не могущих постигнуть и эту, нежелательно. Ведь аморфное – неуловимо.*

Основное отличие сна от яви для данной концепции в том, что живем так в сиюминутной данности, в изменяющемся пространстве, главное здесь – наблюдать».

То есть ирония в приведённом отрывке вполне присутствует, но считываема она лишь в контексте. Так в этом смысле ею книга проникнута очень даже! Не гёгами, не приколюхами в стиле обзорщиков и стендаперов, а как жизнь наша: перестанешь над ней смеяться, так и жить перестанешь. Во всех смыслах.

Вернёмся к сути. Факт, что сны индивидуальны, взаимодействию не противоречит. Речь ведь тоже индивидуальна. Да и восприятие мира в целом: «...это не та Двина, что на карте, а местная». Наяву ты беспрерывно станешь сопротивляться: мол, та эта Двина, я её сам видел! Или наоборот: не Двина это вовсе,

¹ Или нет. Тут версии расходятся. Но вариант с вообразаемыми преступлениями непротиворечив. В отличие от конкурирующего предположения.

навигатор другое говорит! Во сне же готовность к принятию выше. Это ж не ты сон воспринимаешь, а он тебя; не ты осознаешь сон, но видение осознаёт тебя. Получается, реальный мир у каждого свой, а сны – общие.

Такая метафора всеобщего коммуникативного сна оказалась бы уже неплохим обоснованием интереса к роману. Но, во-первых, недостаточным. Всё-таки притча о Чжуань-цзы про безразличие факта, кто кому снится, создана очень давно. А во-вторых, книга совсем не об этом. Перемешанность реальности с иллюзиями тут служит лишь приёмом. Хотя важным, оправдывающим и уравнивающим абсурд и норму: «Он съел спички, целый коробок, и пятнадцать вареных картофелин». В нашей так называемой действительности градус абсурда примерно идентичен. Лишь проявления отличаются. Только бредовость происходящего мы тщательно скрываем от себя и друг от дружки. Оттого, может, и легче общаться на уровне сновидений: бессознательное у всех одинаково безумно по модулю.

Но должны ж быть и в явленном мире какие-то базовые ценности, общие для всех! Деньги, например.

А вот и нет. В главе девять разразится тотальный переворот. Деньги отменяют. Сбудутся мечты не-идиотов: «*Деньги приятная вещь. И почему на всех не напечатать*». Заметим: я не сдаю базу! В смысле не раскрываю сюжета. Ибо, как уже говорил, тут куда важнее личные и межличностные перипетии. Внешний же фон лишь задаёт правила игры. Кстати, существенный момент: и в книгах, относимых к реалистическому направлению, и в твёрдой фантастике, и, разумеется, в фэнтези различных подвидов протагонист, стремящийся к чему-либо, непременно принимает в достижении цели решающее участие. Или хотя бы значительное. Перемены к худшему, разумеется, волны разразиться посредством самых разнообразных сил, но победа – его заслуга. Он герой или кто?

В романе «Не себе» опять всё иначе. Поистине: и не себе, и не сами, и не для себя. Как мы помним, человеки готовили революцию, готовили. Несли, так сказать, лишения и тяготы. Но она вдруг свершилась сама собою, заставив их расхлёбывать последствия.

Ни давки, ни очередей, ни содому, ни насилия – ладно, такое возможно в рамках определённого мира. Но снова поражают индивидуумы. Те, кто считал деньги базовой и фундаментальной ценностью, по-прежнему готовы умереть за них: «*Никита Петрович очень боялся, что его сейчас переведут в другое измерение, и собственно как имя-фамилия он перестанет функционировать. Будет просто овощ, как бешеный томат или брюссельская капуста. Может, предложить денег? Но их было жаль*».

Повторим. Деньги отменили, даже запретили. Владение ими стало тяжёлым преступлением. Но люди, творившие ради этих денег опасные непотребства, по-прежнему их вожделяют. Денег, а не непотребств. Но и персонам, куда более приятным, сбыча мечт особого счастья не принесла. Как минимум – моментально не принесла.

Ну, вот теперь можно поговорить о книге, на которую «Не себе» действительно чуть похожа. И сказать, в чём всё-таки заключено их фундаментальное различие. Я про роман «Пена дней» Бориса Виана. Там тоже и злодеи какие-то ненужные, и у главных персон нет проблем с деньгами (по крайней мере – в начале действия), и разные сновидческие чудеса сильно облегчают жизнь. Чудеса вправду хорошие: от запасного домашнего солнца до фортепиано, создающего коктейли ни из чего, и общительного мышонка-уборщика.

А счастья нет, и коммуникация в реале сильно затруднена.

«Пена дней» завершала эпоху господства экзистенциальной философии. Ровно в том смысле, в каком «Дон Кихот» завершал эпоху рыцарскую, а, допустим, Пелевин (давно, ещё в «Затворнике и шестипалом») прощался с постмодерном.

Роман «Не себе» не прощается ни с кем и ни с чем. Он создан в совершенно определённую эпоху. Смотрите: какую бы литературу на тему мироустройства мы сейчас ни прочли, какую бы интересную лекцию на эту тему ни глянули, в финале, по мере приближения к вещам фундаментальным, мы непременно встретим две идеи:

- 1). мультиверс;
- 2). антропный принцип.

Источники знаний могут быть разными: от научпопа до публикаций действительно значимых и реферируемых в мировых научных базах. Степень развития концепций также может разниться. В случае мультиверса – от зарождения множества вселенных при Большом Взрыве до появления где-то новой вселенной при каждом колебании атома в мире, явленном нам в ощущениях. И антропный принцип бывает разным. На минималках – мир создан таким, чтоб в нём при каких-то условиях мог появиться разумный наблюдатель. А появившись, не погибнуть мгновенно. В радикальном же варианте предполагается, что всё это великолепие создавалось в течение пятнадцати миллиардов лет, чтоб появился ты. Да, именно ты, дорогой читатель. Конечно, сие лежит уже максимально подле солипсизма, но подобные теории существуют. Даже обладают математическим аппаратом, хоть и сложным.

Ну, вот и в «Не себе» идеи эти вполне изложены. Художественными, разумеется, методами. Хитрый персонаж Нелер, скорее, намекает на существование мультивселенной. То есть любое потенциальное действие будет приводить к усложнению исходного сада расходящихся тропок. Только, в отличие от варианта Борхеса, сад у каждого окажется своим. А тропки, значит, пересекающимися. Оттого антропный принцип тоже работает: человек человеку друг, товарищ, персонаж и наблюдатель. Плюс немножко создатель общего мира.

Теперь ключевой и неизбежный вопрос. Прямо вот из средней школы: а имел ли автор всё это в виду? Не знаю. Вот правда не знаю. Но как прочёл – так прочёл. Включив тем самым себя в мир книги. В мир, каким его воспринял и, может быть, – додумал. Но логике прочитанного романа данный момент не противоречит, кажется.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2024 ГОД

ПОЭЗИЯ

- Дидар Абланов.** «мое сердце – место, куда приходят умирать...» и др. № 9-10. С. 69
Алексей Александров. «Рождаются не солдатами, а генералами...» и др. № 5-6. С. 27
Ольга Аникина. Волоконце. № 3-4. С. 148
Денис Бычихин. «Идея генезиса слишком темна в финале...» и др. № 5-6. С. 72
Алина Витухновская. «Колыбельная» и др. № 7-8. С. 55
Евгений Волков. «Сусальный ангел» и др. № 9-10. С. 91
Ирма Гендернис. Как уйти от кругосветки. № 5-6. С. 31
Елена Генерозова. Ихтиология. № 7-8. С. 129
Маргарита Голубева. «снег и свечи...» и др. № 1-2. С. 185
Янис Грантс. Сопрано на окружной дороге. № 3-4. С. 104
Юрий Гудумак. Логическая география Дождливой горы. № 3-4. С. 71
Олег Дозморов. «Вначале спорили, шумели...» и др. № 11-12. С. 31
Владимир Ермолаев. Из цикла «Исчезнувший объект». № 3-4. С. 162
Дмитрий Замятин. Бог тоже одинок. № 5-6. С. 45
Валерий Земских. «Когда мы в пятый раз прошли мимо трибун...» и др. № 9-10. С. 46
Игорь Иртенев. «Ты говоришь, уже житья нет...» и др. № 1-2. С. 114
Геннадий Каневский. «Памяти АПЦ» и др. № 7-8. С. 3
Люба Макаревская. «Фрукты которые...» и др. № 1-2. С. 124
Кот Мандельштам. Мандельштам-реинкарнация. Публикатор *Наталья Азарова.* № 11-12. С. 16
Дарья Мезенцева. «Аргонавт» и др. № 11-12. С. 62
Елена Михайлик. «Состояние населения на планете таково...» и др. № 1-2. С. 3
Егор Моисеев. «Ме-ду-хур-мы...» и др. № 1-2. С. 175
Владимир Морозов. Приглашение к путешествию. № 11-12. С. 91
Михаил Нисенбаум. В силах. № 1-2. С. 211
Алексей Порвин. Стихи февральского года. № 3-4. С. 3
Семён Ромашенко. «Не об искусстве». № 3-4. С. 25
Екатерина Симонова. Вчерашние хлопоты о завтрашнем дне. № 7-8. С. 114
Дмитрий Смагин. Черный язык. № 5-6. С. 17
Сергей Солоух. Шесть штук. № 9-10. С. 3
Сергей Стратановский. «Лета-Нева за окном...» и др. № 11-12. С. 3
Сёма Ткаченко. «просьба отойти от края платформы» и др. № 1-2. С. 193
Сергей Трафедлюк. Человеческий лотос. № 7-8. С. 162
Данил Файзов. «мы живём в пузырьке-пузырьке...» и др. № 7-8. С. 142
Валентина Фехнер. На языке катастрофы. № 11-12. С. 77
Михаил Шелкович. Шостакович. Триптих. № 9-10. С. 58
Ирина Шостаковская. «Красной рукой начертал на песке...» и др. № 9-10. С. 21
Татьяна Щербина. «Я не могу в такой обстановке...» и др. № 5-6. С. 3

ПРОЗА

- Александр Акулиничев.** Ж. А. Г. Рассказ. № 9-10. С. 87
Каринэ Арутюнова. Рассказы из цикла «Два Авраама». № 1-2. С. 118

- Михаил Бару.** Между водой и небом. *Рассказы.* № 11-12. С. 37
- Даниил Бендицкий.** В столбик с красной строки. *Рассказ.* № 11-12. С. 72
- Денис Бондарев.** Урок. Потеря управления. *Рассказы.* № 7-8. С. 133; Маданга. *Рассказ* № 11-12. С. 5
- Мила Борн.** Возвращение. *Рассказ.* № 9-10. С. 51
- Марина Бувайло.** Дед Сердюк и сквози. *Рассказ.* № 7-8. С. 120
- Александр Вергелис.** Еловый Робинзон. *Рассказ.* № 1-2. С. 179
- Тамерлан Гаджиев.** Человек в сером костюме. *Рассказ.* № 5-6. С. 23
- Иван Гобзев.** Другой мир. *Рассказ.* № 9-10. С. 73
- Сергей Дигол.** Репетиция на десерт. *Рассказ.* № 7-8. С. 147
- Александр Зайцев.** Круги на воде. *Повесть.* № 1-2. С. 128
- Юрий Китаев.** Зимнее утро. *Рассказ.* № 1-2. С. 217
- Дмитрий Лагутин.** Извоз. *Рассказ.* № 1-2. С. 197; На таком расстоянии. *Рассказ.* № 5-6. С. 78
- Борис Лейбов.** Было. Каперсы. Сон новобранца. *Рассказы.* № 3-4. С. 97
- Ева Лисина.** Автор и переводчик. № 5-6. С. 7
- Андрей Ломовцев.** We will, we will rock you. *Рассказ.* № 11-12. С. 83
- Елизавета Макарович.** Клец. *Рассказ.* № 5-6. С. 50
- Иван Макаров.** Осторожно! Злая собака! (*Из смешных историй не очень давнего прошлого*) № 7-8. С. 167
- Игорь Малышев.** В пути. Мгновение. На льду, подо льдом, надо льдом. *Рассказы.* № 5-6. С. 40
- Кусчуй Непома.** Мир, далекий, справедливый, счастливый. *Рассказ.* № 7-8. С. 159
- Алексей Сальников.** Марки. *Рассказ.* № 3-4. С. 21
- Илья Склярский.** Дмитровкатасов. *Повесть.* № 9-10. С. 28
- Евгения Скобина.** Гад морской. *Рассказ.* № 3-4. С. 91
- Сергей Тиханов.** Рассказы из цикла «Круглый год» и др. № 9-10. С. 62
- Михаил Токарев.** Папа у Федора силен в метафизике. *Роман.* № 1-2. С. 12; Фут-фетишизм в районах Крайнего Севера. *Повесть.* № 3-4. С. 28; И наши матушки украдкой читали Токарева Мишу, пошляка и бонвивана. *Роман.* № 7-8. С. 10
- Владимир Тренин.** Ряпушка и клюква. *Рассказ* № 3-4. С. 152
- Данил Файзов.** Плеяда. Улицы детства. № 9-10. С. 6
- Вадим Ярмолинец.** Рассказы о знаменитых музыкантах № 3-4. С. 111; Полтавская мышка. *Рассказ.* № 11-12. С. 13

ДРАМАТУРГИЯ

Александра Солдатова. Бывает. *Одноактная комедия.* № 7-8. С. 180

АНАГРАММЫ

Валерий Силиванов. Мудрец Кузьма и его эпсилон-окрестности (*сказки о поэте и умильно-грустном сердце*). № 5-6. С. 112

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

«**Интонация является сутью живого**». Беседа Дмитрия Авалиани с Лилией Патриковой(-при участии Ольги Иорданской-старшей). Расшифровка магнитозаписи и редакция Германа Лукомникова. № 11-12. С. 124

Александр Ожиганов (1944–2019). 60/65. Публикация Светланы Варкан-Ожигановой. № 5-6. С.127

Феликс Фихман. Сны о России. Из архива Э. Э. Гера. Публикацию подготовил Г. Г. Лукомников № 11-12. С. 97

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Четыре тысячи булочек. № 5-6. С. 139; Четыре тысячи булочек. Окончание. № 7-8. С. 188

ПЕРЕВОД

Франкофонные поэты Алжира в переводе Кирилла Корчагина. № 5-6. С. 117

Храмовые гимны Энхедуанны. Перевод, предисловие, комментарии Татьяны Бонч-Осмоловской. № 11-12. С. 137

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Герман Лукомников. Друзья-враги Беседа с Максимом Якубсоном 28 августа 2021 года с позднейшим письменным дополнением. К выходу книги: Бредаисты Санкт-Петербурга: Дима Тимченко и Саша Попов. № 11-12. С. 183

Лев Оборин: «У меня книги превращались в ежей». Беседовал Борис Кутенков К выходу кн.: Лев Оборин. Книга отзывов и предисловий. № 9-10. С.112

Сергей Солоух. Love International. Глава из новой редакции романа. № 1-2. С. 223

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. Запятая-23 (В русском жанре-83). № 1-2. С. 230; Запятая-24 (В русском жанре – 84). № 3-4. С. 205; Запятая-25. (В русском жанре – 85). № 5-6. С. 215; Запятая-28 (В русском жанре – 88). № 7-8. С. 243; Запятая-29 (В русском жанре – 89). № 9-10. С. 102; Запятая-32 (В русском жанре – 92). № 11-12. С. 167

NON-FICTION

Ирина Чайковская. О красоте. № 11-12. С. 172

ПЕРЕПИСКА

«Мне кажется, что как есть путь чая или путь самурая, так есть и путь поэзии». Из переписки Андрея Таврова и Николая Болдырева. Публикация Н. Болдырева. № 3-4. С. 186

МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Григорий Беневиц. О стихах Вячеслава Попова. Герменевтические этюды. № 3-4. С. 211

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Татьяна Грауз. Айги – Мандельштам: Когда эта боль – неотличима от веры (*разрозненные листы осени*). № 1-2. С. 235

Борис Кутенков. Внедрённый милый неопознанный, или Воскрешение гетеронима. К выходу книги: Фёдор Терентьев. *Неполное собрание стихотворений*. № 3-4. С. 228

Александр Марков. Философия между событиями. К выходу тома стихов и тома прозы Виктора Кривулина. № 3-4. С. 222; Окликание далеко за сценой. К выходу книги: Елена Игнатова. *Нить судьбы*. № 5-6. С. 222

Александр Марков, Анна Курчасова. Опережая «Советский спорт»: об одном эпизоде столкновения Е. Евтушенко и В. Аксенова. № 7-8. С. 247

Александр Марков, Оксана Штайн. Кайнография: Борис Останин как философ. № 9-10. С. 107; «Прерывистая повесть о коммунальной квартире» Елены Шварц: опыт истолкования. № 11-12. С. 205

Михаил Нисенбаум. Почвенная тяга и бездревесность. № 7-8. С. 251

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Ольга Балла. К истории внутреннего зрения. О кн.: Владислав Дегтярев. *Память и забвение руин*. № 1-2. С. 244

Ольга Балла-Гертман. Задевая пламя. О кн.: Игорь Поглазов. *Я ни о чём не жалею: Стихи*. № 11-12. С. 214

Владимир Коркунов. Пробуждение Медузы и пряхи. О кн.: Татьяна Бонч-Осмоловская, Эллада и другие женщины. № 1-2. С. 246

Георгий Крючков. Ev bizim sirt bizim – дом наш, секрет наш. О кн.: Егана Джаббарова. *Руки женщин моей семьи были не для письма*. № 5-6. С. 227

Борис Кутенков. Где все слова наоборот. О кн.: Павел Лукьянов. *Название: Пятая книга стихотворений*. № 1-2. С. 248; Ткань станет тенью Об одном стихотворении Валерия Шубинского. № 3-4. С. 234; Сладость бессмыслицы. О кн.: Владимир Гандельсман. *В небе царит звезда*. № 9-10. С. 119

Александр Ливенцов. О самоубийцах с любовью. О кн.: Евгений Чижов. *Самоубийцы и другие шутники*. № 3-4. С. 233

Александр Марков. Философия аффекта и сибирский рок. О кн.: Макс Батулин. *Гений офицера*. № 5-6. С. 230; Рай и раёк малого романа. О кн.: Мария Степанова. *Фокус*. № 9-10. С. 121

Андрей Пермяков. Многогранное повторение. О кн.: Алексей Колчев. *Тринадцать/четыренадцать*. № 7-8. С. 266; Смутный объект революций. О кн.: Алексей Радов. *Не себе*. № 11-12. С. 219

Евгений Прошин. Невидимая флэшка. О кн.: Данил Файзов. *Поиграй да отдай*. № 7-8. С. 262

Анна Сафронова. Продолжая разговор. О кн.: Сергей Костырко. *Образ жизни: эссеистская проза*. № 11-12. С. 212

Сергей Финогин. От укола к осаде. О кн.: Александр Скидан. *В самое вот самое сюда: Стихи 2020–2023*. № 5-6. С. 233

Кирилл Ямщиков. Раздвоенная карусель. О кн.: Мария Лебедева. *Там темно*. № 7-8. С. 269

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Григорий Стариковский. Места молчания Аси Додиной и Славы Полищука. № 5-6. С. 211

Контакты:

Анна Сафронова (*гл. редактор, проза*): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (*зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (*документальные исследования*): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (*архивные публикации, критика*): rgv@mail.ru

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 5 декабря 2024 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.